

Голсуорси Джон

Остров фарисеев

Джон Голсуорси
Остров фарисеев
Перевод Т. Кудрявцевой.
* ЧАСТЬ ПЕРВАЯ *

В СТОЛИЦЕ

ГЛАВА I

ОБЩЕСТВО

Так в обществе высоком повелось...

Шекспир, Король Джон.

Хорошо одетый мужчина с загорелым лицом и светлой бородкой скромно остановился у книжного киоска на Дуврском вокзале. Его звали Шелтон. Он направлялся в Лондон и занял место в углу вагона третьего класса, положив туда свой саквояж. После долгих странствий по чужим краям ему казались приятными и заунывный голос продавца, предлагавшего последнюю литературную новинку, и независимый тон бородатого кондуктора, и чинное прощание мужа с женой. Проворные носильщики, пробежавшие мимо со своими тележками, мрачное здание вокзала, добротный крепкий юмор, чувствовавшийся в людях, в звуке их голосов, в самом воздухе, - все говорило ему, что он дома. Он стоял в нерешительности у прилавка, не зная, купить ли книгу под названием "Харборо", которую он уже читал и, наверное, с удовольствием прочтет еще раз, или же "Французскую революцию" Карлейля, которую он не читал и вряд ли будет читать с удовольствием; он чувствовал, что следовало бы купить вторую книгу, но не в силах был отказаться от первой. Пока он мешкал, не зная, на что решиться, его купе стало наполняться народом; тогда, быстро купив обе книги, он поспешил в вагон, намереваясь отстаивать свои права на занятое место.

"Нигде так не узнаешь людей, как в дороге", - подумал он.

Почти все места были уже заняты; он положил саквояж в багажную сетку и сел. В самую последнюю минуту в купе втиснулся еще один пассажир молоденькая девушка с бледным лицом.

"Сплупил я, что поехал третьим классом", - подумал Шелтон, загородившись газетой и украдкой рассматривая своих соседей.

Пассажиров было семеро. В дальнем углу расположился немолодой сельский житель. Из рта его, точно ручка трости, торчала погасшая трубка, повернутая чубуком книзу, а на лице запечатлелось сознание собственного ничтожества, свойственное тем, чья жизнь проходит лишь среди повседневных житейских забот. Рядом с ним краснощекий, широкоплечий человек и его сосед - седой мужчина с острым лицом хорька - беседовали о своих садах; Шелтон стал наблюдать за ними, и его поразило странное выражение их глаз: в них было настороженное дружелюбие и вместе с тем) дружелюбное недоверие, а в оживленной, даже сердечной беседе все время звучали опасливые нотки. Взгляд Шелтона скользнул дальше и чуть не споткнулся о надутое и на редкость самодовольное лицо полной дамы с римским профилем, одетой в черный с белым костюму она читала "Стрэнд мэгэзин", придерживая его одной рукой, а другая рука, с которой она сняла черную перчатку, лежала у нее на коленях, гладкая и пухлая, украшенная толстым золотым браслетом с часами. Сидевшая рядом с ней женщина помоложе, застенчивая, с ярким румянцем на щеках, разглядывала бледную девушку, которая только что вошла в купе.

"Что-то им не нравится в ней", - подумал Шелтон. В карих глазах девушки, несомненно, таился испуг; по покрою платья видно было, что она иностранка. И вдруг Шелтон встретился, взглядом с другой парой глаз: молодой человек с тонким искривленным носом тотчас же отвернулся, но Шелтон успел заметить в этих голубых навывкате глазах тень насмешки. Ему показалось, что незнакомец оценивает его и смеется над ним, хочет понравиться и словно привлекает на свою сторону. Шелтон не отвел глаз: это насмешливое, живое лицо с двухдневной рыжеватой щетиной, длинным носом и толстыми губами озадачивало его.

"Физиономия циника", - мелькнула у него мысль. "Но человек чуткий", мелькнула другая, и вновь первая мысль: "Однако слишком уж циничный".

Станный молодой человек сидел, широко раздвинув колени и скрестив под скамьей ноги в изношенных брюках и пыльных башмаках; пожелтевшие кончики его пальцев были сжаты, словно

скручивали невидимую папиросу. Печать отчужденности лежала на этом человеке в потрепанной одежде; в сетке над его головой не было и намека на какой-либо багаж.

Испуганная девушка сидела рядом с этим непонятным субъектом. Возможно, более чем скромный костюм соседа побудил ее обратиться именно к нему.

- Простите, мосье, не говорите ли вы по-французски? - спросила она.

- Конечно, говорю.

- Тогда скажите, пожалуйста, где берут билеты?

Молодой человек покачал головой.

- Не знаю, - сказал он. - Я иностранец.

Девушка тяжело вздохнула.

- Но что с вами, мадмуазель?

Девушка не ответила и только крепче сжала руки на старой сумке, которая лежала у нее на коленях. В купе воцарилась тишина - так затихают животные, почуяв приближение опасности; взоры всех пассажиров были устремлены на чужестранцев.

- М-да, - прервал молчание краснощекий человек, - он был немножко навеселе в тот вечер, наш старый Том.

- Угу, - заметил его сосед, - это с ним бывает.

Как видно, что-то положило конец их взаимному недоверию. Пухлая, гладкая рука дамы с римским профилем судорожно сжалась, и это движение отвечало тревожному чувству, наполнившему сердце Шелтона. Казалось, и ее рука и его сердце боятся, как бы к ним не обратились с какой-нибудь просьбой.

- Мосье, - сказала девушка дрожащим голосом, - я очень несчастна. Посоветуйте, как мне быть. У меня нет денег на билет.

В лице молодого иностранца что-то дрогнуло.

- Да? - произнес он. - Это, конечно, с кем угодно может случиться.

- Что мне за это будет? - проговорила девушка со вздохом.

- Не падайте духом, мадмуазель. - Молодой человек обвел глазами пассажиров, и взгляд его остановился на Шелтоне. - Впрочем, пока что ваше положение кажется мне безвыходным.

- Ах, мосье, - вздохнула девушка, и хотя было ясно, что никто, кроме Шелтона, не понимает, о чем они говорят, в купе все же

почувствовался холодок.

- Я был бы рад помочь вам, - сказал молодой иностранец, - но, к сожалению... - Он пожал плечами и снова перевел взгляд на Шелтона.

Тот сунул руку в карман.

- Могу я быть чем-нибудь полезен? - спросил он по-английски.

- Конечно, сэр. Вы могли бы оказать величайшую услугу этой молодой леди, одолжив ей денег на билет.

Шелтон вытащил кошелечек. Молодой человек взял его и, передавая девушке, воскликнул:

- Тысяча благодарностей! *Voila une belle action!* {Вот благородный поступок! (франц.).}

Тут на Шелтона напали сомнения, всегда сопутствующие случайной благотворительности; ему было стыдно, что у него возникли подобные сомнения, и было бы стыдно, если бы они не возникли; он украдкой посматривал на иностранца, который говорил теперь с девушкой на неизвестном Шелтону языке. Иностранец этот выглядел настоящим оборванцем, но выражение его лица говорило о тонком, остром уме и силе воли, какие редко можно обнаружить на лице заурядного человека; переведя взгляд на других пассажиров, Шелтон уловил на их лицах своеобразное сочетание презрительного возмущения и любопытства. Откинувшись назад и полузакрыв глаза, он попытался определить то новое, что появилось в атмосфере их купе. Ни в выражении лиц, ни в поведении его соседей не было ничего такого, к чему можно было бы придраться и что можно было бы втайне осудить, и это озадачивало его. Они продолжали беседовать с удивительным, чуть нарочитым бесстрашием, и все же Шелтон твердо знал, словно услышал по секрету от каждого, что этот подозрительный эпизод вывел их из состояния покоя. Случилось нечто противоречащее их понятиям о благопристойности, нечто опасное, мешающее им благодушеествовать, и потому непростительное. Каждый по-своему проявлял неудовольствие: одни - с юмором, другие философски или презрительно, с раздражением или с насмешкой. Внезапно, словно прозрев, Шелтон понял, что и у него в глубине души притаились те же чувства. И он рассердился на своих соседей и на себя за то, что разделяет их неудовольствие. Он взглянул на пухлую, гладкую руку дамы с римским профилем. От этой холеной, белой руки веяло необычайным самодовольством и

обособленностью; какая-то уверенная праведность в ее изгибе, чопорная жеманность отставленного толстого мизинца - все это приобрело совершенно необъяснимую значимость, словно олицетворение приговора, который вынесли его спутники по купе, приговора Общества, ибо Шелтон знал, что любые восемь человек, собравшиеся хотя бы в купе третьего класса, представляют собой зародыш Общества, даже если они и внушают отвращение благовоспитанному человеку.

Однако Шелтон был влюблен и недавно помолвлен, а потому у него были все основания не поддаваться чувству какого бы то ни было недовольства; перед его мысленным взором вновь возникло бесстрастное красивое лицо, быстрые движения и ослепительная улыбка той, чей образ не покидал его во все время добровольного изгнания; он достал последнее письмо своей невесты, но голос молодого иностранца, обратившегося к нему скороговоркой по-французски, заставил его поспешно спрятать конверт.

- Судя по тому, что она мне рассказала, сэр, - начал незнакомец, наклоняясь к Шелтону, чтобы девушка не могла расслышать его слов, положение ее весьма печально. Я был бы рад помочь ей, но, как видите... - Он сделал жест, и Шелтон понял, что ему пришлось расстаться с жилетом. - Я не Ротшильд! Она приехала в Дувр с человеком, который обещал на ней жениться, а потом бросил ее. Посмотрите, - он быстрым взглядом! указал на их спутниц, отодвинувшихся подальше от француженки, - как они стараются, чтобы их одежда не коснулась ее! Это добродетельные женщины, сэр. И какая же чудесная вещь добродетель! А еще чудеснее сознавать, что обладаешь ею, особенно когда нечего бояться искушений!

Шелтон не мог удержаться от улыбки, а когда он улыбался, выражение его лица тотчас смягчалось.

- Замечали ли вы, - продолжал молодой иностранец, - что люди, которым по складу их характера и условиям жизни меньше всего подобает судить других, как раз и выступают обычно в роли судей? Суждения Общества всегда бывают детски наивными, потому что оно состоит в основном из людей, которым никогда не приходилось солоно. И потом те, у кого есть деньги, рискуют лишиться своих капиталов, если они перестанут считать неимущих мошенниками и идиотами.

Шелтона поразило это стремление бедно одетого юноши поделиться с ним, человеком совсем незнакомым, своими умозаключениями, поразило и то, что этот юноша так оригинально выразил его собственные затаенные мысли. Поддавшись странному обаянию незнакомца, Шелтон перестал раздумывать над необычностью создавшегося положения.

- Вы, вероятно, приезжий? - спросил он.

- Я уже семь месяцев в Англии, но до сих пор еще не бывал в Лондоне, ответил тот. - Я рассчитываю найти себе там полезное применение - давно пора! - На секунду губы его тронула горькая и вместе с тем жалостная улыбка. - Не я буду виноват, если мне не повезет. Вы англичанин, сэр?

Шелтон кивнул.

- Простите, что я спрашиваю вас об этом. В вашем тоне я не слышу того, что замечал почти у всех англичан: особого... - comment cela s'appelle? {Как это называется? (франц.).} - апломба, в котором проявляется одно из величайших достоинств вашей нации.

- Какое же это? - с улыбкой опросил Шелтон.

- Самодовольство, - ответил молодой иностранец.

- Самодовольство! - повторил Шелтон. - И вы называете это великим достоинством?

- Вернее, мосье, я назвал бы это серьезным недостатком народа, который всегда был великим. Вы, несомненно, самая культурная нация на земле, и это обстоятельство вас несколько испортило. Будь я английским проповедником, я стремился бы прежде всего доказать вам всю никчемность вашего самодовольства.

Шелтон откинулся на спинку скамьи и стал обдумывать это дерзкое замечание.

- Гм, - проговорил он наконец, - ваши проповеди едва ли пользовались бы успехом. Не думаю, чтобы мы были самоувереннее какой-либо другой нации.

Иностранец вздохнул, как бы соглашаясь с этим мнением.

- Это действительно довольно распространенная болезнь, - сказал он. Посмотрите на них. - И он быстрым взглядом указал на сидевших в купе пассажиров, обычных, заурядных людей. - Что дает им право кичиться своей добродетелью и отворачивать нос от тех, кто живет иначе, чем они? Впрочем, вон тот старик земледелец, пожалуй, не

такой: он вообще никогда не думает; зато посмотрите на эту пару: как они увлеклись своей глупой болтовней о ценах на хмель, о видах на урожай картофеля, о проделках какого-то Джорджа и о тысяче подобных мелочей! Взгляните на их лица! Я ведь сам из буржуа, и я вас спрашиваю: проявили ли эти люди хоть раз такие качества, которые давали бы им право гладить себя по головке? Куда там! Они знают только, как растить картошку; и все непонятное внушает им ужас и презрение. А таких миллионы! *Voila la societe!* {Вот каково общество! (франц.).} Этим людям свойственно одно: трусость! Я воспитывался у иезуитов, - заметил он в заключение, - они научили меня, как надо думать.

При обычных обстоятельствах Шелтон, следуя правилам хорошего тона, произнес бы: "Ах, вот как!" - и уткнулся бы носом в спасительные страницы "Дейли телеграф". Но сейчас, повинувшись непонятному побуждению, он взглянул на молодого человека и спросил:

- Почему вы говорите все это именно мне?

Бродяга - ибо, если судить по его башмакам, он вряд ли мог быть кем-либо иным - минуту помедлил и затем, словно решившись говорить правду, ответил:

- Когда вот так постранствуешь по свету, как я, появляется особый инстинкт, который подсказывает, кого следует выбирать в собеседники и каким тоном с ним разговаривать. Все в жизни диктуется необходимостью, и, если хочешь жить, нужно научиться всем этим премудростям, иначе пропадешь.

Шелтон, который и сам обладал довольно гибким умом, не мог не заметить, что под этими словами скрыт тонкий комплимент. Молодой человек словно хотел сказать ему: "Я уверен, что вы не поймете меня превратно и не сочтете бездельником только потому, что я изучаю человеческую природу".

- Но разве ничего нельзя сделать для этой бедной девушки?

Новый знакомый Шелтона пожал плечами.

- Разбитая чашка, - сказал он. - Ее теперь уже не склеишь. Она едет к своей кухне в Лондон и надеется, что та ей поможет. Вы дали ей денег, чтобы добраться до Лондона, и это все, что вы можете для нее сделать. Что ждет ее в дальнейшем, слишком хорошо известно.

- Но это же ужасно! - с искренним возмущением проговорил Шелтон. Разве нельзя убедить ее вернуться домой? Я бы с радостью...

Молодой человек покачал головой.

- Mon cher monsieur, - сказал он, - вы, видимо, до сих пор не имели случая узнать, что такое семья. Семья не любит подпорченного товара: у нее не найдется доброго слова для сына, который запустил руку в кассу, или для дочери, которую нельзя уже выдать замуж. На что она им, черт возьми, такая? Уж лучше привязать ей камень на шею и сразу утопить. Все мы христиане, но быть христианином далеко не то же, что быть добрым самаритянином.

Шелтон взглянул на девушку, которая сидела неподвижно, сложив руки на сумке, и в душе его поднялось возмущение против несправедливости жизни.

- Да, - заметил иностранец, словно угадывая его мысли, - то, что мы называем добродетелью, почти всегда не более как удача. - И он обвел взглядом своих соседей, как бы говоря: "Ну, конечно, сила условностей! Пожалуйста, придумывайте себе условности, только не кичитесь, как павлины, тем, что вы их придерживаетесь: все в мире только трусость и удача, друзья мои, только трусость и удача!"

- Послушайте, - сказал Шелтон, - я дам ей мой адрес, и если она захочет вернуться домой, пусть напишет мне.

- Она никогда не вернется домой: у нее не хватит на это мужества.

Шелтон поймал подобострастный взгляд девушки; в ее слегка отвисшей нижней губе было что-то чувственное, и Шелтон понял, что молодой человек прав.

"Лучше им, пожалуй, не давать моего домашнего адреса", - подумал он, взглянув на лица сидевших напротив него молодых людей, и написал следующее: "Контора Парамора и Херринга, Линкольнс-Инн-Филдс, для Ричарда Парамора Шелтона".

- Вы очень добры, сэръ. Меня зовут Луи Ферран. Адреса пока не имеется. Я постараюсь растолковать ей, в чем дело: сейчас она невменяема.

Шелтон снова уткнулся в газету, но он был слишком взволнован, чтобы читать: слова молодого незнакомца продолжали звучать у него в ушах. Он поднял глаза. Пухлая рука дамы с римским профилем по-прежнему лежала у нее на коленях, только теперь она была втиснута в

черную перчатку с толстым белым швом. В хмуром взгляде дамы, устремленном на него, сквозило недоверие, словно он оскорбил ее чувство приличия.

- Он не получил с меня ни гроша, - громко сказал краснощекий мужчина в заключение разговора о сборщиках налогов.

Раздался громкий свисток паровоза, и Шелтон снова взялся за газету. Он скрестил ноги, твердо решив на сей раз насладиться чтением репортажа о последнем убийстве, и снова поймал себя на том, что разглядывает насмешливое лицо длинноносого незнакомца.

"Этот парень много видел и много перечувствовал, - подумал он, - раз в десять больше, чем я, хотя он моложе меня лет на десять".

Чтобы отвлечься от этих мыслей, Шелтон стал смотреть на пробегающий мимо пейзаж с ровными рядами изгородей и родными его сердцу рощицами, на апрельские облака. Но странные мысли не оставляли его в покое, и он досадовал на себя: этот молодой иностранец и разговор с ним вывели его из равновесия. Он словно вступил на неведомый ему дотоле путь размышлений и познаний.

ГЛАВА II АНТОНИЯ

За пять лет до описанного выше путешествия, в конце летних состязаний по гребле, Шелтон стоял на пристани, принадлежащей колледжу, в котором он раньше учился. Он уже несколько лет как вышел из стен университета, но гребные гонки по-прежнему привлекали его в Оксфорд.

Лодки как раз проходили мимо пристани; все устремились к перилам, и в эту минуту плечо Шелтона коснулось мягкого девичьего плеча. Он увидел рядом девушку с белокурыми волосами, перехваченными лентой; лицо ее разгорелось от возбуждения. Изыщная линия подбородка, тонкая шея, пушистые волосы, быстрые движения и спокойная сила, дремлющая в серо-голубых глазах, мгновенно поразили воображение Шелтона.

- Но мы должны догнать их! - прошептала она.

- Ты не знаком! с моей семьей, Шелтон? - раздался голос у него за спиной, и вслед за тем девушка подарила его быстрым и застенчивым прикосновением руки, потом) он коснулся теплых пальцев дамы с добрыми глазами зайчихи и почувствовал крепкое

пожатие джентльмена с тонким орлиным носом на загорелом насмешливом лице.

- Это вы и есть тот самый мистер Шелтон, который играл на барабанах в Итоне? - спросила дама. - Мы так много слышали о вас от Бернарда. Вы ведь были его идеалом! Как мне жаль этих бедных юношей в лодках!

- Но это для них удовольствие, мама! - воскликнула девушка.

- Антонию надо бы самой заняться греблей, - заметил ее отец. Его фамилия была Деннант.

Шелтон пошел проводить их до отеля, где они остановились, и, шагая рядом с Антонией по лужайкам колледжа Крайстчерч, рассказывал ей эпизоды из своей университетской жизни. В тот вечер он обедал вместе с ними и, уходя, чувствовал себя так, словно выпил бокал шампанского.

Деннанты жили в шести милях от Оксфорда, в своем имении Холм-Окс; два дня спустя Шелтон побывал у них с визитом. И с тех пор, где бы он ни бы готовился ли к адвокатуре, играл ли в крикет, участвовал ли в гонках или охотился, стоило ему почувствовать в воздухе свежее дуновение - запах сена, жимолости, клевера, - как перед ним вставал образ Антонию, нежные краски ее лица и прямой, открытый взгляд холодных глаз. Но прошло два года, прежде чем он вновь увидел ее. Он приехал тогда к Деннантам по приглашению Бернарда играть в крикет с владельцами Холм-Окса против владельцев соседнего имения; вечером- устроили танцы на лужайке. Белокурые волосы Антонию были теперь зачесаны кверху, но глаза остались прежними. Шелтон и Антония словно всю жизнь танцевали вместе: они кружились по скользкой траве дольше всех остальных пар. Это, видимо, и заставило Антонию проникнуться к нему уважением. Шелтон был строен, немного выше ее ростом, и, должно быть, говорил о том, что интересовало ее. Он узнал, что ей семнадцать лет; она же узнала, что ему двадцать девять. В последующие два года Шелтон приезжал в Холм-Окс всякий раз, как его туда приглашали; эти годы были для него полны очарования: игры, охота на лисят, любительские спектакли и доносящиеся издали звуки музыкальных упражнений. В глазах Антонию с каждым разом появлялось все больше теплоты и любопытства, а в его собственных - все больше застенчивости, сдержанности и затаенного огня. Затем смерть его

отца, кругосветное путешествие и, наконец, это странное смешение самых противоречивых чувств, когда однажды утром, в марте, он сошел с парохода в Марселе и сел на поезд, отправлявшийся в Йер.

Антония жила в одном из тех первоклассных отелей, окруженных соснами, куда съезжаются сливки английского общества вкупе с праздными американцами, русскими княгинями и богатыми евреями; Шелтон не был бы шокирован, если бы она жила где-либо в другом месте, но это удивило бы его. Быстрым, внимательным взглядом голубых глаз она окинула его загорелое лицо и недавно отращенную бородку, которой он почему-то бесконечно гордился и за которую теперь, казалось, извинялся всем своим видом, и в глазах ее промелькнуло очень дружелюбное и вместе с тем вовсе не дружелюбное выражение. Глаза эти как будто говорили: "Ну вот, вы снова с нами. Как я рада! Но... что же дальше?"

Он был милостиво допущен к их отдельному, священному и неприкосновенному столику в ресторане отеля. Продолговатый, накрытый белоснежной скатертью, столик этот стоял в глубине просторной ниши; тут дважды в день, наслаждаясь созданной ими особой атмосферой, восседали высокородная миссис Деннант, мисс Деннант и высокородная Шарлотта Пенгвин чахоточная старая дева, доводившаяся Антонии теткой.

Шелтону стало немного не по себе, когда он впервые увидел их за завтраком. Почему от них веяло такой странной обособленностью?

Миссис Деннант склонилась над фотографическим аппаратом.

- Вы знаете, боюсь, что недодержка, - промолвила она.

- Какая жалость! Котенок был такой милый!

Старая дева положила свое вязанье - красный шелковый галстук - рядом с тарелкой и устремила на Шелтона проникновенный благовоспитанный взор.

- Смотрите, тетушка: опять этот забавный человечек! - быстро проговорила Антония своим звонким голосом.

- О, - произнесла старая дева и при этом улыбнулась, обнажив верхние зубы; глазами она искала забавного человечка (который не был англичанином), - он такой милый!

Шелтон не стал искать глазами забавного человечка; украдкой он бросил взгляд на Антонию - только на ее чистый лоб, слегка

взлетающие кверху брови, волосы, еще растрепанные после прогулки на ветру. С этого мгновения он стал ее рабом.

- Мистер Шелтон, вы что-нибудь понимаете в этих стереоскопических аппаратах? - донесся до него голос миссис Деннант. - Ими так удобно снимать здания, но все здания такие неинтересные! Главное - это интересный человеческий материал, не так ли?

И взгляд ее рассеянно скользнул мимо Шелтона в поисках интересного человеческого материала.

- Мама, вы не записали, какие сделали снимки!

Миссис Деннант достала маленькую кожаную книжечку из маленькой кожаной сумочки.

- Так легко забыть, что снимаешь, - проронила она. - Вот ведь досада!

Обособленность Деннантов перестала вызывать в Шелтоне чувство неловкости: ни сами они, ни дела их уже не возмущали его. Было что-то прямо бесподобное в том, как они выходили из столовой; не замечая, какими смешными кажутся всем тем, кого сами находили смешными, когда сидели за столом; и он выходил вслед за ними из зала, неестественно выпрямившись и чувствуя себя полнейшим дураком.

В последующие две недели он не раз сживал напротив Антонии в экипаже, когда она выезжала на прогулку в сопровождении своей тетушки, ибо миссис Деннант не любила кататься; он играл с Антонией в теннис; но лишь по вечерам, в долгие вечерние часы, которые они проводили, сидя в плетеных креслах возможно дальше от отопления, он, казалось, по-настоящему ощущал присутствие Антонии. Это уединение сближало их. Тут он превращался из товарища в друга, которому она могла поведать о всех своих надеждах и мечтах. В такие часы, даже когда она сидела молча, безмятежно и старательно делая наброски в альбоме, который никогда ему не показывала, самая поза девушки, исходившая от нее нежная свежесть, быстрые взгляды, которые она с чувством оскорбленного достоинства бросала на окружающих, казалось, говорили, что он ей нужен. Но Шелтон даже не сознавал этого; словно замороженный, он не мог ни размышлять, ни наблюдать, и даже недостатки Антонии очаровывали его. Крошечные веснушки на носу, худощавая девичья фигура, узкие

бедра и плечи, изгиб тонкой шеи - все лишь увеличивало ее обаяние. В ней было что-то, напоминавшее о ветре и дожде, какой-то аромат родины, и на прогулках по залитым солнцем дорогам, испещренным черными тенями пальм, она казалась олицетворением туманного английского дня.

Однажды Шелтон пошел с нею играть в теннис к знакомым, а потом они решили прогуляться по ее любимым местам. Сады и пригорки, окаймлявшие дорогу в Тулон, тонули в оранжевой дымке; в воздухе веяло вечерней прохладой; вместе с жарой исчезло и оцепенение, сковывавшее тело, и кровь быстрее побежала по жилам. Справа от дороги какой-то француз играл в шары. Он привел в восхищение Шелтона: огромный, деловитый и довольный, он умилительно трусил рысцой по площадке, не сгибая могучего тела. А на лице Антонии, бросившей мельком взгляд на гиганта, отразилось отвращение. Вдали показались развалины старинной башни, и Антония вдруг побежала к нам.

Шелтон не старался нагнать девушку: он смотрел, как она прыгает с камня на камень, по временам она оборачивалась, и во взгляде ее сквозил вызов. Она достигла вершины холма, и он остановился, любуясь ею. Она, как статуя, возвышалась над простирившимся далеко внизу прекрасным миром. Щеки ее разрумянились, глаза блестели, юная грудь дышала взволнованно и глубоко, длинные рукава платья ниспадали широкими свободными складками, - казалось, что она парит в воздухе.

Шелтон одним прыжком очутился возле нее; сердце его так билось, что он задыхался и был бледен, как мертвец.

- Антония, - прошептал он, - я люблю вас!

Она вздрогнула, словно эти слова, ворвавшись в мир ее грез, вернули ее на землю; но лицо Шелтона, должно быть, дышало такой страстью, что промелькнувшая в глазах девушки досада тотчас исчезла.

Несколько минут они стояли молча, потом повернулись и пошли домой. Шелтон мучительно старался догадаться, что означает румянец, заливший ее лицо. Неужели он может надеяться? Неужели... А вечером! некий инстинкт, ниспосылаемый порою влюбленным взамен рассудка, заставил его уложить чемодан и отправиться в Канны.

Через два дня Шелтон вернулся; войдя в зимний сад, он увидел группу, сидевшую посреди комнаты, и услышал голос тетушки, читавшей вслух статью из "Морнинг пост".

- Не правда ли, как мило! - донеслось до Шелтона, и тут она увидела его. - А, вот и вы! Очень мило, что вы вернулись.

Шелтон опустился в плетеное кресло. Антония, оторвавшись от своего альбома, быстро подняла на него глаза и протянула руку, но не сказала ни слова.

Шелтон смотрел на ее склоненную головку, и постепенно радость его испарялась, уступая место унынию. Целых пять томительных минут он с вымученным оживлением отвечал на расспросы тетушки, интересовавшейся, где он был и что делал. Но вот старая дева снова принялась за чтение "Морнинг пост".

Легкое прикосновение к рукаву заставило его вздрогнуть.

- Хотите взглянуть на мои наброски? - спросила Антония, наклонившись к нему; матовая белизна ее шеи резко подчеркивала яркий румянец, разлитый по щекам.

Почтенная старая дева продолжала читать почтенную газету, и звук ее монотонного голоса казался Шелтону, склонившемуся над альбомом с рисунками, самой сладостной музыкой на свете...

- Милый Дик, - сказала миссис Деннант Шелтону две недели спустя, - мы хотели бы, чтобы вы, после того как уедете отсюда, до июля не встречались с Антонией. Я, конечно, знаю, что вы уже считаете себя женихом и получили по этому поводу немало поздравительных писем. Но Алджи полагает, что вы должны дать друг другу время обдумать ваше решение. Молодежь не всегда знает, чего она хочет. Да и ждать придется недолго.

- Три месяца! - ахнул Шелтон.

Ему пришлось проглотить эту горькую пилюлю, и он старался по возможности не показывать своего разочарования. Выбора не было. Антония торжественно и даже с каким-то странным удовольствием повиновалась матери, словно ожидая, что отсрочка пойдет ей на пользу.

- По крайней мере, нам будет чего ждать, Дик, - сказала она.

Шелтон как можно дольше откладывал свой отъезд и уехал в Англию только в конце апреля. Антония провожала его одна. Моросил дождь, но она, казалось, была равнодушна к непогоде, и ее высокая

тонкая фигура в плаще резко выделялась среди дрожавших от холода местных жителей. Шелтон с тоскою пожал ее руку, ощущая теплоту кожи сквозь мокрую перчатку; ее улыбка была до того ослепительна, что казалась бессердечной.

- Вы ведь будете мне писать? - прошептал он.

- Ну, конечно! Не надо быть таким глупым, Дик, милый!

Поезд тронулся, она побежала рядом, и, перекрывая стук колес, до него донеслось ее "до свидания" - пронзительное и звонкое. Он видел, как она вскинула руку, махая зонтиком, а потом все слилось вдали в одну сплошную массу, из которой выделялось лишь яркое пятно ее пунцового берета.

ГЛАВА III

ЗВЕРИНЕЦ

В Лондоне, когда Шелтон получал на вокзале багаж, мимо него прошла молодая иностранка - его соседка по вагону, - и хотя Шелтону хотелось сказать ей несколько ободряющих слов, он ничего не сумел придумать и лишь виновато улыбнулся. Девушка скоро исчезла из виду, смешавшись с толпой; тут Шелтон обнаружил, что один из его чемоданов еще не доставлен, и это обстоятельство заставило его забыть о ней. Но кэб, отвозивший его домой, обогнал молодого иностранца, который шел враскачку, большими шагами по направлению к Пэл-Мэлу, - во всей его фигуре чувствовались сосредоточенное внимание и разочарованность.

Прошли первые дни суматохи после приезда, и время потянулось для Шелтона мучительно долго. Июль казался таким далеким, словно до него было еще сто лет; перед Шелтоном вставали глаза Антонии, в них был безнадежный, робкий призыв. Ведь она и в Англию-то вернется не раньше чем через месяц!

"В поезде по дороге из Дувра я встретил одного молодого иностранца, писал он Антонии. - Престранный тип! Разговор с ним подействовал на меня, точно яд. Все окружающее представляется мне теперь таким плоским и бессмысленным; только Ваши письма и приносят отраду. - Вчера со мной обедал Джон Нобл; бедняга пытался убедить меня выставить свою кандидатуру в парламент. Но есть ли у меня основания считать, что я могу издавать законы для несчастных, которых мы во множестве встречаем на улицах? Если по выражению

лица можно судить, счастлив ли человек, то мне не хотелось бы нести никакой ответственности за то..."

И действительно, улицы Лондона, которые Шелтон теперь вновь увидел после долгого пребывания на Востоке, давали немалую пищу для размышлений: удивительное самодовольство на лицах прохожих; нескончаемая суета; ужасающие контрасты - жалкие измученные женщины и рядом с ними упитанные мужчины с похотливым, тупым взглядом бычьих глаз, - Шелтон видел их повсюду: в окнах клубов, на уличных перекрестках, на козлах, у входов в отели - всюду, где они исполняли свои повседневные обязанности; крикливо одетые женщины с жестким, алчным! взглядом и бледные мужчины с глазами затравленного животного; блестящие дамы в роскошных экипажах и оборванные нищие в измятых кепках все то же самое, и никому ни до кого нет дела!

Как-то в мае Шелтон получил письмо, написанное по-французски:

"3, Блэнк-Роу,

Вестминстер.

Дорогой сэр,

Простите, что я осмеливаюсь напомнить Вам о том, что Вы любезно предложили мне свою помощь в тот день, когда мы ехали в одном вагоне из Дувра в Лондон и мне посчастливилось познакомиться с таким! человеком, как Вы. Я обегал весь город, готовый взяться за любую работу; деньги мои подходят к концу, состояние духа самое подавленное, - вот я и решил воспользоваться Вашим разрешением и, зная Ваше доброе сердце, обратиться к Вам. Со времени нашей встречи я пережил бездну всевозможных несчастий, и, кажется, не осталось ни одной двери, в которую бы я не постучал! Я заходил в контору, которую Вы мне указали, но там отказались сообщить Ваш адрес, ибо я, к сожалению, очень оборван. Не правда ли, как это характерно для англичан? Мне предложили написать Вам письмо и обещали его переслать. Вы моя единственная надежда, и, какое бы решение Вы ни приняли, я останусь по-прежнему

преданный Вам Луи Ферран".

Шелтон еще раз взглянул на письмо и увидел, что оно написано неделю тому назад. Перед ним возникло лицо молодого человека -

выразительное, живое, насмешливое, в ушах зазвучал его быстрый французский говор, и по какой-то странной ассоциации одновременно, с поразительной ясностью, возник образ Антонии. Ведь он встретил француза в конце своего путешествия из Йера в Лондон, и это как бы давало молодому человеку право рассчитывать на его помощь.

Шелтон надел шляпу и поспешил на Блэнк-Роу. Он отпустил кэб на углу Виктория-стрит и с трудом нашел нужный номер дома. Это была ночлежка, а потому подъезд отсутствовал: прямо от входа начинался коридор, выложенный каменными плитами. Шелтон постучал в опускающееся окошечко, какие бывают в кассах, чтобы привлечь внимание неряшливой женщины с хлопьями мыльной пены на руках; она сообщила ему, что молодой человек, о котором он спрашивает, уехал, не оставив адреса,

- А нельзя ли у кого-нибудь узнать о нем? - спросил Шелтон.

- Как же, тут есть один француз.

Она приоткрыла дверь, ведущую внутрь дома, и, рявкнув: "Эй, француз! Зовут", - исчезла.

На ее зов вышел маленький, весь высохший человечек с желтым лицом, таким опустошенным и потрепанным, словно жизнь провела по нему паровым катком; он остановился, как будто обнюхивая Шелтона, и тот подумал, что он странно похож на зверька в клетке.

- Он уехал отсюда дней десять тому назад вместе с одним мулатом. Могу я полюбопытствовать, зачем он вам нужен? - Желтое лицо француза недоверчиво сморщилось.

Шелтон вынул письмо.

- А, так я знаю вас. - Бледная улыбка резче обозначила морщинки у глаз. - Он говорил о вас. "Если только я сумею найти его, - говорил он, - я спасен". Мне нравился этот молодой человек: у него был живой ум.

- Нельзя ли найти его через вашего консула?

Француз покачал головой.

- Это все равно, что искать алмазы на дне моря, - сказал он.

- А не может он сюда вернуться, как вы думаете? Впрочем, вы тогда и сами вряд ли будете здесь.

Француз иронически усмехнулся, блеснув зубами.

- Я? Ну нет, сэр! Было время, я тешил себя надеждой, что всплыву когда-нибудь на поверхность, но теперь я больше себя не обманываю. Я брею здешнюю публику, чтобы заработать себе кусок хлеба, и буду этим заниматься до судебного дня. Но вы все-таки оставьте у меня письмо: Ферран вернется. У него тут заложено пальто, - он получил за него немного денег, а оно стоит куда больше. Да, конечно, он вернется: это принципиальный юноша. Оставьте у меня письмо, я всегда здесь.

Шелтон колебался, но последние слова француза - "Я всегда здесь" тронули его своей простотой. Ничего более страшного этот человек не мог бы сказать.

- В таком! случае принесите мне, пожалуйста, листок бумаги, - попросил Шелтон. - Сдачу оставьте себе за труды.

- Благодарю вас, - просто ответил француз. - Ферран говорил мне, что у вас доброе сердце. Если вы не возражаете, я провожу вас на кухню, там вы сможете спокойно написать письмо.

На кухне, тоже выложенной каменными плитами, Шелтон присел к столу и стал писать; в комнате, кроме него, сидел высохший старик, который без конца бормотал что-то себе под нос, и Шелтон, подозревая, что он пьян, старался не привлекать его внимания. Однако, когда Шелтон уже собрался уходить, старик вдруг обратился к нему с вопросом.

- Скажите, мистер, бывали вы когда-нибудь у зубного врача? - с легким ирландским! акцентом спросил он, стараясь иссохшими пальцами выдернуть шатающийся зуб. - Я вот как-то пошел к врачу, который утверждал, что пломбирует зубы без боли; мошенник и впрямь запломбировал мне зубы без боли, да только разве эти пломбы удержались? Как бы не так, все вылетели, не успел я и плазом моргнуть. Ну, скажите на милость, разве это можно назвать лечением зубов? - И, устремив взгляд на воротничок Шелтона, который, как на грех, был высокий и чистый, он продолжал с пьяной злобой: - И все так в этой фарисейской стране! Одни разговоры о высокой нравственности, об англосаксонской цивилизации! Никогда еще мир не падал так низко! А какая здесь, к черту, нравственность? Высокая нравственность лавочников! В каком состоянии находится искусство в этой стране?! Какие идиоты кривляются на сцене! Какие картины и книги находят тут сбыт! Я-то знаю, что говорю, хоть я и человек-

реклама! А в чем секрет? В том, что эта страна - большая лавка, мой милый. Невыгодно добираться до сути вещей! Пощекотать - пожалуйста, но ударить ножом - нет! Мы не выносим вида крови. Верно я говорю?

Шелтон стоял растерянный, не зная, отвечать или нет, а старик помолчал немного, поджав губы, и продолжал:

- Видите ли, сэръ, в этой отравленной туманами стране не существует крайностей. Как, по-вашему, такая мразь, как я, должна существовать? Почему же буржуа не уничтожают нас? Все полумеры да полумеры, а почему? Потому что они против крайностей. Взгляните на женщин: ведь здешние улицы - позор на весь свет! Буржуа не признают, что все это существует; они так задрали носы, что и знать ничего не хотят! Они закрывают глаза на то, что творится в этой торгашеской стране. Это им выгодно, мой милый, - сообщил он Шелтону, понизив голос. - Вы говорите: почему бы им так не поступать? - заметил он, хотя Шелтон за все время не проронил ни слова. - Ну, что ж, пусть себе, на здоровье! Только не уверяйте меня тогда, что это высокая нравственность, что это цивилизация! Чего же можно ждать от страны, где живым страстям никогда и никак не дозволено проявляться! Ну, и что получается? Получается мой милый, сплошное сюсюканье - такая желтая штука с голубыми разводами, вроде плесени или стилтонского сыра. Пойдите в театр и посмотрите, что они там играют! Разве это пища для взрослых людей? Это сладкая каша для детей и приказчиков! Я сам был актером, черт подери!

Слова старого актера и забавляли и страшили Шелтона; он слушал его до тех пор, пока старик не умолк, сторбившись на своем табурете у стола.

- Вы, наверно, никогда не напиваетесь, - внезапно заметил тот, - как видно, в вас слишком силен английский дух.

- Да, я пью очень редко, - сказал Шелтон.

- Жаль! Вы себе и представить не можете, как много удовольствия в забвении! Я вот напиваюсь каждый вечер.

- Сколько же вы протянете, если будете так пить?

- Вот в вас и заговорил англичанин! Стоит ли отказываться от единственного наслаждения, чтобы продлить столь жалкую жизнь, как моя? Если у человека еще есть, ради чего быть трезвым, - пусть

будет трезвым, пожалуйста; а если нет, то чем скорее напьешься, тем лучше, - ясно, как день.

В коридоре Шелтон спросил у француза, кто этот старик.

- Какой-то англичанин. Да, да, из Белфаста. Пьяница невероятный. Все вы, англичане, пьяницы. - И он махнул рукой. - Вот этот уж больше и есть не может: все нутро у него сгорело. Очень жаль: он человек с умом... Кстати, мосье, если вы никогда не видели подобных дворцов, я с удовольствием покажу вам наши покои.

Шелтон достал портсигар.

- Да, да, - продолжал француз, - я-то уж привык к здешнему воздуху. Он поморщился и взял предложенную Шелтоном папиросу. - А вот вы разумно поступаете, что курите: тут у нас далеко не гарем.

И Шелтон устыдился своей брезгливости. Француз провел его наверх и открыл дверь.

- Вот полюбуйтесь на эти апартаменты, - сказал он. - Такие здесь отводятся принцам крови.

В комнате стояли четыре железные кровати; француз с видом заправского гида подошел к одной из них и откинул край грязного ватного одеяла.

- Жильцы уходят утром, - продолжал он, - зарабатывают ровно столько, чтобы напиться, потом заваливаются спать, и на следующее утро все начинается сначала. Так и проходит их жизнь. Есть люди, которые считают, что таких субъектов следует перевоспитать, но, mon cher monsieur, нужно все-таки немножко считаться с действительностью, даже здесь, в Англии. Было бы куда лучше, если бы эти субъекты занялись перевоспитанием высшего общества. Ведь именно высшее общество порождает их - что посеешь, то и пожнешь. Selon moi {Я считаю (франц.)}, - продолжал он, опустив край одеяла и пуская дым через нос, - между вашим высшим обществом и вот этими субъектами нет большой разницы: как те, так и другие жаждут удовольствий, как те, так и другие думают только о себе, и это вполне естественно. Одним повезло, ну, а другим - сами видите! - И он пожал плечами. - Компания тут скверная. Меня уже обкрадывали раз пять. Если у вас новые башмаки, хороший пиджак или пальто, вам мало одной пары глаз... А насекомые тут!.. Попробуйте лечь на чужую постель, и вы определенно не будете спать в одиночестве. Via ta clientele! {Вот вам мои клиенты! (франц.)} Половина мне даже не

платит! - Он щелкнул желтыми костлявыми пальцами. - Бритые пенни, стрижка - два. *Quelle vie!* {Ну и жизнь! (франц.).} Вот здесь, - продолжал он, останавливаясь у одной из кроватей, - ночует джентльмен, который должен мне пять пенсов. А вот тут спит бывший солдат. Это конченый человек! Все они затравленные, ни у одного не осталось и капли мужества. Но, видите ли, мосье, - проговорил он, открывая другую дверь, - уж если человек опустился до жизни в таких домах, у него непременно должен быть какой-то порок: здесь он так же необходим, как воздух для легких. Неважно, какой у вас порок, но вы должны иметь его, чтоб было хоть маленькое облегчение - *un peu de soulagement*. Так вот, прежде чем осуждать этих свиней, поразмыслите немного о том, что такое жизнь. Я-то испытал все это; и, знаете, мосье, не очень приятно себя чувствуешь, когда не знаешь, будет ли у тебя сегодня обед. Сытые джентльмены, у которых достаточно денег в карманах и которые знают, что завтра у них опять будут деньги, никогда не думают о подобных вещах, *pas de danger!* {Будьте спокойны! (франц.).}. Все клетки тут одинаковые. Пойдемте вниз - вы посмотрите нашу буфетную.

Через кухню, которая, видимо, заменяла в этом заведении гостиную, он провел Шелтона в чулан, заваленный грязными ножами, чашками, блюдами и тарелками. Тут тоже был камин, в котором горел огонь.

- У нас всегда есть горячая вода, - пояснил француз, - а три раза в неделю топят вон ту печь, - и он указал на подвальное помещение, - чтобы наши клиенты пропаривали своих вшей. Ничего не скажешь, полный комфорт!

Шелтон вернулся на кухню и тут же распростился с маленьким французом, а тот, желая подольше удержать Шелтона, чтобы снискать его расположение и, быть может, превратить в своего покровителя, сказал:

- Будьте спокойны, мосье, если только этот молодой человек вернется, он тут же получит ваше письмо. Моя фамилия Каролан, Жюль Каролан, и я всегда к вашим услугам.

ГЛАВА IV

В ТЕАТРЕ

Шелтон вышел на улицу с таким ощущением, словно он только что очнулся от тяжелого кошмара. "Этот старик актер просто пьян, -

думал он, - и, конечно, он ирландец, но все же в его словах есть доля правды. Я фарисей, как и все те, кто не на дне. Моя порядочность - не более как счастливая случайность. Неизвестно, чем бы я стал, родился я в таких условиях, как этот актер". Шелтон всматривался в человеческий поток, выливавшийся из магазинов, стараясь угадать, что скрывается под невозмутимым самодовольством, написанным на лицах. Что, если бы все эти леди и джентльмены очутились там, на дне, куда он только что заглянул? Сумел бы хоть один из них выбраться оттуда? Но Шелтон был не в силах представить себе их на дне: слишком уж это казалось невероятным, нелепым и невероятным.

Среди грязи, грохота и суеты мрачных, уродливых, бесшабашно веселых улиц его внимание привлекла одна пара - красивый крупный мужчина с женой, выступавшие рядышком в чинном молчании; видимо, они купили что-то и были очень довольны покупкой. В их манере держаться не было ничего оскорбительного, они, казалось, просто не замечали проходящей мимо толпы. От фигуры мужчины, широкоплечей и плотной, веяло непоколебимой самоуверенностью, присущей тем, у кого есть лошади, охотничьи ружья и несессеры. Его жена, уютно уткнувшись подбородком в мех, шла рядом, не отрывая серых глаз от земли; когда же она заговорила, ее ровный, невозмутимо спокойный голос долетел до слуха Шелтона, несмотря на грохот улицы. Он звучал размеренно и неторопливо, словно его обладательница никогда и ничего не говорила сгоряча, словно в нем никогда не прорывались ни усталость, ни страсть, ни страх. Разговор их, как и разговор многих десятков других благопристойных пар, прибывших из своих поместий и наводнявших в эту пору Лондон, вертелся вокруг того, где пообедать, в какой театр пойти, кого навестить, что купить. И Шелтон знал, что целый день, с утра и до вечера, и даже в постели, то будут единственные темы их разговора. Это были чрезвычайно благовоспитанные люди, каких он встречал в поместьях своих друзей и чье существование принимал как должное, хотя неясные сомнения и шевелились порою в его душе. Дом Антонии, например, был всегда полон ими. Это были чрезвычайно благовоспитанные люди, которые занимаются благотворительностью, знают всех и каждого, обо всем судят уверенно и спокойно и относятся нетерпимо к поведению, считающемуся, на их взгляд, "невозможным", - ко всякого рода преступлениям против морали,

таким, как промахи в соблюдении этикета или же бесчестные поступки, проявления страсти или сочувствия. В строго определенных случаях последнее, конечно, допускалось: например, в связи с законной печалью, когда кто-нибудь умирал в их семье или в их кругу. Каким благополучием веет от них!.. Воспоминание о ночлежке, словно яд, разъедало мозг Шелтона. Он сознавал, что хороший костюм и сдержанная уверенность походки делают его похожим на ту пару, которая привлекла его внимание. "До чего же мы пошлы в своей утонченности", подумал он. Но он сам едва ли верил в искренность своего негодования. Эти люди такие благопристойные, у них такие хорошие манеры, они так хорошо держатся, что, право, непонятно, чем они, собственно, раздражают его. Что в "их такого неладного? Они выполняют свои обязанности, у них хороший аппетит, чистая совесть - все, что необходимо примерному гражданину; они лишены только органов чувств, - Шелтон читал где-то, что они атрофируются у растений и животных, которые потеряли необходимость в них. Некий редкий, присущий всей нации дар видеть лишь то, что бросается в глаза и что представляет конкретную, осязаемую ценность, лишил этих людей способности улавливать краски и запахи, пронсящиеся справа или слева от них.

Дама взглянула на мужа. В ее безмятежных серых глазах сквозила спокойная привязанность собственницы, и отблеск этого законного чувства освещал ее лицо, слегка покрасневшее от ветра. Муж тоже посмотрел на нее спокойным, деловитым, покровительственным взглядом. Как они похожи друг на друга! Он выглядит, конечно, так же, когда подходит к ней вечером в белоснежной рубашке и просит поправить ему белый галстук; так же выглядит и она, стоя перед трюмом и застегивая на шее подаренное им кольцо. Спокойные, благодущные собственники! Шелтон обогнал их и пошел следом за другой, менее изысканной парой, все поведение которой говорило о взаимной неприязни, столь же несомненной и естественной, как и безмятежное согласие и любовь первой пары. Впрочем, неприязнь эта тоже была вполне благопристойным чувством и вызвала в Шелтоне примерно такие же ощущения. Словом, замкнутый круг: пара за парой, и все одинаковые, - казалось, что стучишься в наглухо заколоченную дверь. Толпа была безлика - все гладко и плоско, как картон. Люди погрязли в житейской трясине: ни одна нога не торчит

из этой топи, ни одна голая мокрая рука не тянется к небесам; лавочники, аристократы, рабочие, чиновники - все выпядят одинаково респектабельно. Да и у самого Шелтона вид не менее респектабельный, чем у любого из них.

В таком подавленном! настроении Шелтон вернулся к себе и, поддавшись минутному порыву, как это бывало с ним всякий раз, когда он собирался совершить что-либо неразумное, схватил перо, чтобы поделиться с Антонией хотя бы частью своих дум.

"...Какие все мы мелочные, дорогая! Да, вот то слово, которое может служить нам характеристикой: все мы убоги - и герцоги и мусорщики - убоги, как черви! Оградить свою собственность и свой покой от всяких посягательств, проявлять сочувствие умеренно, лишь настолько, чтобы это не повредило нам самим, - вот предел наших стремлений! В людях есть что-то крайне отталкивающее, и чем они высоконравственнее, тем более отталкивающими они мне кажутся..."

Он на минуту задумался, покусывая перо. Пожалуй, любой из его знакомых, увидев эти строки, посоветовал бы ему сходить к врачу. Ну, разве земля может вертеться, разве общество может существовать без здравого смысла, практицизма и душевной черствости?

Шелтон взглянул в открытое окно. Внизу, на улице, стояла коляска, и лакей прикрывал пледом колени сидевшей в ней дамы, - их лица, которые отчетливо видны были Шелтону, своей чинной неподвижностью напоминали части хорошо смазанной машины.

Он встал и начал ходить взад и вперед по комнате. Он жил на небольшой площади, примыкавшей к Белгрэви {Аристократический квартал Лондона.} в квартире, где ничто не менялось со смерти его отца, сделавшей Шелтона состоятельным человеком. Шелтон выбрал ее в свое время из-за удачного местоположения. Комнаты были обставлены крайне разностильно; они не казались голыми, но при более внимательном осмотре обнаруживалось, что в каждом предмете обстановки есть какой-нибудь изъян и что ни один из них, по-видимому, не пользуется особой любовью владельца. Все его вещи были подарками или случайными приобретениями - первым, что в минуту крайней необходимости попадалось ему в магазине. В комнате, конечно, не было грязно, но на всем, лежал легкий слой пыли, как обычно бывает в квартирах людей, которые никогда не

выговаривают прислуге. А самое главное - ничто не указывало на пристрастие их владельца к чему бы то ни было.

Через три дня Шелтон получил ответ от Антонии;

"...Вы пишете: "...чем люди высоконравственнее, тем более отталкивающими они мне кажутся". Я не вполне понимаю, что Вы хотите этим сказать. Разве не нравственность делает человека совершенным? Я не признаю безнравственных людей. Прочитав Ваше письмо, я почувствовала себя такой несчастной, - пришлось для утешения сесть за противный рояль. Последнее время великолепно поиграла в теннис, наконец-то стал получаться удар слева. Ура!"

С той же почтой Шелтон получил записку, написанную твердым почерком:

"Здравствуй, Грач! (Так звали Шелтона в университете.)

Жена на несколько дней уехала к своим, и я остался en garçon {Холостяком (франц.)}. Если тебе нечего делать, заходи часов в семь, пообедаем, а потом пойдем в театр. Я не видел тебя целую вечность.

Искренне твой Б. М. Хэлидом".

Шелтон сразу решил, что ему нечего делать, ибо очень любил обеды, которые с редким умением устроил его друг Хэлидом. И вот в семь часов он отправился на Честер-сквер. Шелтон застал своего друга в кабинете: при свете электрической лампы Хэлидом читал Мэтью Арнольда. Стены комнаты были увешаны дорогими гравюрами; подбор их говорил об устойчивом и безошибочном вкусе хозяина; во всем - начиная с резьбы на камине и кончая переплетами книг, начиная с изумительно раскрашенных пенковых трубок и кончая филигранными ручками каминных щипцов, - во всем чувствовались роскошь без претензий, порядок и какая-то утонченность, все указывало на продуманный, строго размеренный уклад жизни. Все в этой комнате было тщательно подобрано. Хозяин поднялся навстречу Шелтону. Это был представительный брюнет, гладко выбритый, с орлиным носом и красивыми глазами; держался он внушительно, с сознанием собственного достоинства, проистекавшего из уверенности в своей правоте.

Взяв Шелтона за лацкан фрака, он притянул его поближе к лампе и, слегка улыбаясь, оглядел его.

- Рад тебя видеть, старина! А знаешь, ты мне даже нравишься с бородой, - заявил он с грубоватой прямолинейностью. Эта фраза

наглядно доказывала его способность всегда и обо всем иметь собственные суждения, способность, неизменно восхищавшую Шелтона.

Хэлидом не извинился за скромность обеда, который состоял из восьми блюд и вин трех сортов, подавался дворецким совместно с лакеем и был столь же изысканным, как и вся обстановка; впрочем, Хэлидом никогда и ни в чем не извинялся, а если и делал это, то с той же веселой грубоватостью, которая была куда хуже самого проступка. Он высказывал свое одобрение или неодобрение мягко, но неоспоримо и веско, и эта его манера казалась Шелтону смешной и одновременно унижающей собеседника, но то ли потому, что эгоизм его друга был таким человеческим, здоровым! и глубоко укоренившимся, то ли просто потому, что они долго не виделись, Шелтона не раздражала смесь противоречивых чувств, которые возбуждал в нем Хэлидом.

- Кстати, поздравляю тебя, старина, - сказал Хэлидом, когда они ехали в театр: он никогда не поздравлял с вульгарной торопливостью, она не была ему свойственна. - Деннанты - очень приятные люди.

Шелтону показалось, что к его выбору приложили печать.

- Где вы намерены поселиться? Вам следовало бы обосноваться в городе и жить где-нибудь поблизости от нас. Тут можно купить великолепнейший особняк. Вообще район тут великолепный. Ты бросил адвокатуру? Но ведь что-то нужно же делать. Безделье погубит тебя. Вот что, Грач: ты должен выставить свою кандидатуру в совет графства.

Шелтон ничего не успел ответить, так как в эту минуту они подъехали к театру и с великим трудом пробрались к своим местам в партере. До начала спектакля еще оставалось время, и Шелтон успел оглядеть своих соседей. Рядом с ним оказалась дама, с отменной щедростью выставлявшая напоказ полные, пышущие здоровьем плечи; дальше сидел ее муж - краснощекий, лысый, с обвисшими бурными усами, а за ним - двое мужчин, которых Шелтон знал по Итону. Один из них был темноволосый, с гладко выбритым обветренным лицом; маленький рот с выпирающей вперед верхней губой и настороженные глаза, прикрытые тяжелыми веками, придавали его лицу решительное и насмешливое выражение. Все в нем, казалось, говорило: "Эге, дружище, я держу тебя за хвост!" - как

если бы он всю жизнь только и делал, что охотился на лисиц. Рачьи глаза другого были устремлены на Шелтона с какой-то раздражающей усмешкой; густые волосы, расчесанные на прямой пробор и приглаженные мокрой щеткой, аккуратно подстриженные усы и восхитительный жилет - все говорило о том, что это денди, презирующий женщин. Со своих школьных товарищей Шелтон перевел взгляд на Хэлидома, который откашлялся и теперь сидел, глядя прямо перед собой, на занавес. И Шелтон вспомнил слова Антонию: "Я не признаю безнравственных людей". Что ж, эти люди были бесспорно высоконравственны: они словно бросали вызов природе, отказываясь принять от нее что-либо, кроме нравственности. В эту минуту занавес взвился.

Постепенно и нехотя Шелтон, человек по природе доверчивый, вынужден был признать, что разыгрываемая на сцене пьеса принадлежит к числу шедевров современной драмы, где автор, создавая свои персонажи, исходит из принципа, что не моральные устои выдуманы людьми, а, наоборот, люди существуют для моральных устоев. И Шелтон стал следить за развитием этой драмы, отмечая, как тщательно соблюдается в ней чередование серьезного с веселым.

Замужняя женщина жаждет избавиться от своего мужа - такова суть пьесы; и вот перед Шелтоном разворачивается ряд искусно сделанных сцен, в ходе которых приводится сотня доводов, доказывающих всю неправомерность и безрассудность подобного желания. Большую часть этих доводов изрекает хорошо сохранившийся пожилой джентльмен, призванный, видимо, играть роль некоего поставщика морали.

Шелтон повернулся к Хэлидому и шепнул:

- Этот старый ханжа просто невыносим!..

- Какой старый ханжа? - спросил Хэлидом, удивленно посмотрев на приятеля своими красивыми глазами.

- Да этот старый осел со своими банальностями!

На лице Хэлидома появилось холодное, немного оскорбленное выражение: казалось, ему нанесли личную обиду.

- Ты говоришь о Пэрбрайте? - спросил он. - По-моему, он великолепен.

Получив этот щелчок по носу, Шелтон снова устремил глаза на сцену, ему было не по себе сидеть в кресле, за которое заплатил приятель, и проявить такую невоспитанность! И он принялся следить за развитием действия еще более критически, чем до сих пор. Ему снова пришли на память слова Антонии: "Я не терплю безнравственных людей", - сейчас они словно пролили яркий свет на всю пьесу: да, вот это вещь вполне нравственная!

Наступил кульминационный момент.

Сцена изображала гостиную, освещенную мягким светом электрических ламп; на коврике спала кошка (Шелтон никак не мог понять, настоящая она или нет).

Муж, плотный, высоконравственный мужчина во фраке, пил чистое виски. Наконец он поставил стакан и неторопливо чиркнул спичкой; потом еще более неторопливо зажег сигарету с золотым ободком...

Шелтон был достаточно опытным зрителем. Он уселся поудобнее, чувствуя, что предстоит нечто важное, и, когда спичка полетела в камин, даже наклонился вперед.

Муж налил себе еще виски, залпом осушил стакан и направился было к двери, но внезапно обернулся к зрителям, словно желая открыть им тайну некоего знаменательного решения, и пустил в зал кольца дыма. Он вышел из комнаты, потом вернулся и снова наполнил стакан.

Тут вошла бледнолицая и темноокая дама - его жена. Муж пересек сцену и остановился у камина, широко расставив ноги, - Шелтон почему-то был уверен, что он примет именно такую позу. Муж произнес: "Идите сюда и закройте за собой дверь".

Внезапно Шелтон понял, что перед ним один из тех немых поединков, какие происходят между двумя людьми, испытывающими жгучую ненависть друг к другу, - ненависть, порожденную физической близостью двух не подходящих друг другу существ. И ему вдруг пришла на память сцена, которую он видел однажды в ресторане. Он вспомнил все до малейших подробностей: мужа и жену, сидевших друг против друга, - их разделяла лишь узкая полоска белой скатерти, а на ней свеча под дешевым абажуром и тонкая зеленая ваза с желтыми цветами. Он вспомнил, какое презрение и гнев чувствовались в их разговоре, хотя они и говорили вполголоса, так что

до Шелтона долетали лишь отдельные слова. Он вспомнил холодное отвращение, сквозившее в их взглядах. И самое главное - он вспомнил собственные мысли: впечатление у него было такое, что подобные сцены происходят и будут происходить между ними каждый день. Расплатившись по счету и надевая пальто, он тогда спросил себя: "Чего ради эти люди продолжают жить вместе?" И теперь, прислушиваясь к голосам актеров, обменивавшихся на сцене колкостями, он подумал: "К чему весь этот разговор? Тут словами не поможешь". Занавес опустился, и Шелтон взглянул на сидевшую рядом даму. Она пожала плечами в ответ на замечание мужа, чье лицо, отмеченное печатью высокой нравственности, выражало возмущение.

- Терпеть не могу безнравственных женщин, - говорил он, но, заметив взгляд Шелтона, вдруг резко повернулся в кресле и насмешливо фыркнул.

Лицо однокашника Шелтона по-прежнему выражало спокойную иронию; на нем была маска легкого любопытства, смешанного с презрением, словно он присутствовал при чем-то крайне неприятном. Его сосед с рачьими глазами зевал.

- Неужели тебе нравится эта пьеса? - спросил Шелтон Хэлидома.

- Не нравится; в последней сцене, по-моему, уж слишком разгорелись страсти.

Шелтон так и подскочил: он хотел сказать, что в последней сцене не чувствовалось никаких страстей.

- Держу пари, что я правильно отгадаю, как все пойдет дальше, - сказал он. - Этот старый осел - как его там зовут? - подкрепитя котлетами и шампанским, перед тем как прочесть лекцию заблудшей жене. Вот увидишь, он докажет ей, как безнравственны ее чувства, затем возьмет ее за руку и изречет: "Скажите, дорогая, что в этом несчастном мире важнее доброго мнения общества?" - при этом он сделает вид, будто смеется над собственными словами, но совершенно ясно, что этот ханжа именно так и думает. Потом он обрисует положение, в которое она попала, - причем будет изображать все совсем не так, как это было в действительности, а как, по его мнению, должно было бы быть, - и докажет, что для нее единственный путь к спасению поцеловать своего мужа. - И Шелтон усмехнулся. - Во

всяком случае, держу пари, что он возьмет ее за руку и изречет: "Скажите, дорогая!.."

Хэлидом неодобрительно посмотрел на него и повторил:

- По-моему, Пэрбрайт великолепен!

А дальше под громкие аплодисменты публики все произошло именно так, как предсказал Шелтон.

ГЛАВА V

ПРИМЕРНЫЙ ГРАЖДАНИН

Прежде чем покинуть театр, приятели постояли немного в вестибюле, надевая пальто; поток белоснежных манишек несколько задерживался у дверей, образуя водовороты, словно каждому на мгновение становилось страшно выйти из этого рассадника фальшивых чувств и морали на мокрые, пронизанные ветром улицы, где под суровым, бесстрастным небом расцветают и чахнут человеческие цветы, прорастают и гибнут человеческие сорняки. Свет фонарей падал на множество спесивых лиц, сверкал на бесчисленных драгоценностях и шелке цилиндров, струился по мокрым от дождя плитам тротуара, озаряя неровными бликами лошадей, физиономии кучеров и фигуры случайно здесь оказавшихся жалких созданий - тех, что обычно прячутся подальше в тень.

- Пойдем пешком, - предложил Хэлидом.

- Ты замечал, что в современных пьесах непременно выводится "хор сплетников", который выступает в роли чуть ли не бога? - спросил вместо ответа Шелтон.

- Ты чертовски привередлив, - сказал, многозначительно покашливая, Хэлидом.

- Я не склонен смешивать две разные вещи, - продолжал Шелтон.
- Конец этой пьесы вызывает тошноту.

- Почему? - удивился Хэлидом. - Какой же тут мог быть другой конец? Не хочешь же ты, чтобы после пьесы оставался дурной привкус во рту?

- Как раз эта пьеса и оставляет такой привкус.

Хэлидом, который шел широким шагом, ибо и в ходьбе, как и во всем остальном, считал необходимым быть всегда впереди, еще больше ускорил шаг.

- Что ты хочешь этим сказать? - вежливо осведомился он. - По-моему, было бы лучше, если б эта женщина совершила

неблаговидный поступок?

- Я имею в виду мужчину.

- Какого мужчину?

- Мужа.

- А что в нем особенного? Правда, он немного невоспитан.

- Не понимаю мужчину, который требует, чтобы женщина жила с ним, когда она этого не хочет.

В тоне Шелтона прозвучал вызов, и это, скорее чем высказанная им мысль, заставило его приятеля с достоинством ответить:

- По этому поводу говорится много всякого вздора. А на самом деле женщинам все равно, просто они наслушались всякой чепухи.

- Ну, с тем же успехом" можно сказать голодному: "На самом деле ты ничего не хочешь, просто наслушался всякой чепухи!" Таким способом ничего не докажешь, милый мой.

Ничто не могло больнее уколоть Хэлидома, чем это обвинение в нелогичности, ибо он гордился своей железной логикой.

- Глупости, - сказал он.

- Ничего подобного, старина. В данном случае перед нами женщина, которая жаждет свободы, а ты вдруг утверждаешь, что она ее вовсе не жаждет.

- Такие женщины не заслуживают внимания, они совершенно невозможны, поэтому не будем о них говорить.

Взвесив в уме слова приятеля, Шелтон вдруг улыбнулся: он вспомнил, как один его знакомый, когда от него ушла жена, распустил слух, что она сумасшедшая, - теперь это показалось Шелтону крайне забавным. Но тут же у него мелькнула мысль: "Да ведь он, бедняга, вынужден был назвать ее сумасшедшей! Не сделать этого - значило бы признать, что он внушает отвращение, а такого признания от человека трудно ожидать, как бы оно ни было справедливо". Взглянув на Хэлидома, Шелтон понял, что при подобных обстоятельствах и этот тоже может объявить свою жену сумасшедшей.

- Но послушай, - заметил он, - мужчина обязан быть джентльменом даже по отношению к собственной жене.

- В том случае, если она ведет себя, как леди.

- Ах вот как? Я не вижу, какая тут связь.

Хэлидом на минуту перестал возиться с ключом от входной двери; в его красивых глазах сверкнула злая усмешка.

- Знаешь, дорогой мой, - сказал он, - ты слишком сентиментален. Слово "сентиментален" уязвило Шелтона.

- Либо человек - джентльмен, либо он не джентльмен, и это вовсе не зависит от поведения других людей,

Хэлидом повернул ключ в замке и распахнул дверь в переднюю; свет камина падал на столик с графинами и огромные кресла, придвинутые к огню.

- Ну, нет, Грач, - сказал Хэлидом, вновь обретая всю свою вежливость и закладывая руки за фалды фрака, - разговоры разговорами, но подожди, пока ты сам женишься. Мужчина должен быть в своем доме хозяином и должен дать это почувствовать.

Шелтону пришла в голову забавная мысль.

- Послушай, Хэл, - сказал он, - а как бы ты поступил, если бы твоей жене надоело жить с тобой?

Эта мысль, видимо, показалась Хэлидому нелепой и даже не заслуживающей внимания.

- Я, конечно, не думаю, что это может с тобой случиться, но попробуй представить себя в таком положении.

Хэлидом вынул зубочистку, резким движением ковырнул ею в зубах и потом ответил:

- Я бы не потерпел никаких глупостей! Увез бы ее путешествовать, развлек: она бы живо образумилась.

- Но если бы она и в самом деле чувствовала к тебе отвращение?

Хэлидом прочистил горло. Такая мысль была явно неприличной: как мог кто-либо чувствовать к нему отвращение? Однако он не потерял самообладания и, глядя на Шелтона, как на дерзкого, но забавного ребенка, ответил:

- В таких случаях приходится очень многое принимать во внимание.

- Мне кажется, - сказал Шелтон, - что тут все дело просто в самолюбии. Как можно требовать от женщины того, чего она не хочет?

- Мужчина не должен страдать из-за женских истерик, - наставительным тоном произнес Хэлидом, разглядывая свой стакан. - Нельзя забывать о существовании общества, детей, дома, всяких денежных обстоятельств и тысячи других вещей. Все это хорошо на словах... Тебе нравится это виски?

- Вот вам главное свойство примерного гражданина, - сказал Шелтон, инстинкт самосохранения!

- Нет, здравый смысл, - возразил Хэлидом. - Я так считаю: прежде всего - справедливость, а уж потом всякие чувства. - Он выпил виски и, затянувшись, пустил дым прямо в лицо Шелтону. - К тому же для многих брак связан с религиозными убеждениями.

- Мне всегда казалось странным! - заметил Шелтон, - что люди, которые называют себя христианами, утверждают, будто брак дает им право поступать по принципу "око за око, зуб за зуб". Что побуждает людей отстаивать свои права, как не уязвленное самолюбие и желание оградить себя от всяких неудобств?.. Пусть люди выставляют какие угодно причины, но мыто с тобой знаем, что это - сплошное притворство!

- Я так не считаю, - заявил Хэлидом, становившийся тем вышемернее, чем больше горячился Шелтон. - Отстаивая свои права, ты поступаешь так не только ради себя, но и ради всего общества. Если ты стоишь за отмену брака, почему бы не сказать об этом прямо?

- Да нет же! - сказал Шелтон. - С чего ты взял? Ведь я... - И он запнулся: слова "сам собираюсь жениться" чуть не сорвались у него с языка, но ему вдруг показалось, что это был бы далеко не самый веский и возвышенный довод. - Я могу лишь сказать, - продолжал он более спокойным тоном, - что нельзя насильно заставлять лошадь пить. Великодушие - самый верный путь к сердцам тех людей, в которых есть хоть капля порядочности, а что до остальных - так нужно прежде всего воспрепятствовать их размножению.

Хэлидом усмехнулся.

- Странный ты человек, - оказал он.

Шелтон бросил папиросу в огонь.

- Я тебе вот что скажу. - По ночам его проницательность обострялась. Все наши разговоры о том, что мы руководствуемся в своих поступках интересами общества, - сплошное ханжество. Нам важно самим удержаться на поверхности.

Но Хэлидома трудно было вывести из равновесия.

- Прекрасно, - заметил он, - называй это как тебе угодно. Но мне неясно, почему именно я должен идти на дно? Ведь от этого никому не станет легче.

- Следовательно, ты согласен, - сказал Шелтон, - что в основе всей нашей морали лежит присущий каждому инстинкт самосохранения?

Хэлядом потянулся всем своим великолепным телом и зевнул.

- Не знаю, право, так ли это, - начал он, - но...

И вдруг Шелтону показались смешными и упрямо самодовольный взгляд красивых глаз Хэлидома, и эта его поза, исполненная достоинства, и его здоровое тело, и высокомерно узкий лоб, и налет культуры, который, несмотря на врожденную грубость, придает ему вид человека вполне гуманного.

- Да ну тебя, Хэл! - воскликнул он, вскакивая со стула. - Вот ведь старый лицемер! Я пошел домой.

- Нет, постой, - сказал Хэлидом, взяв Шелтона за лацкан; на лице его появилась легкая тень сомнения. - Ты не прав...

- Вполне возможно. Доброй ночи, старина!

Шелтон шел домой, вдыхая полной грудью весенний воздух. Была суббота, и ему повстречалось по дороге немало молчаливых парочек. Повсюду, где только был хоть кусочек тени, он различал очертания двух фигур, которые стояли или сидели, тесно прижавшись друг к другу; и в их присутствии, казалось, ни одно слово не смело нарушить тишину. Ветер шелестел в распускающейся листве; звезды то вспыхивали, как брильянты, то снова гасли. В кварталах победнее было много пьяных, но это отнюдь не смущало Шелтона. Все, что происходило на этих мрачных улицах, казалось ему лучше, чем только что виденная драма, чем холеные мужчины, невозмутимые женщины и правоверные взгляды - лучше, чем нерушимо прочное благосостояние его приятеля.

"Итак, значит, - размышлял он, - со всех точек зрения - и с социальной, и с религиозной, и с житейской - позволительно навязывать свое общество тем, кому оно противно. Да, в браке есть несомненные преимущества: приятно чувствовать себя уважаемым человеком, хоть ты и поступаешь так, что, будь это не жена, а кто-нибудь другой, тебя бы стали презирать за такие поступки. Если бы старина Хэлидом дал мне понять, что я ему надоел, а я продолжал бы у него бывать, он счел бы меня скотиной; но если бы его жена сказала ему, что он стал ей противен, а он продолжал бы навязывать ей свое общество, это отнюдь не мешало бы ему считать себя безупречным

джентльменом. И у него еще хватает наглости сослаться на религию... на религию, которая учит: "Как хочешь, чтоб с тобой поступали люди, так и ты поступай с ними".

Но в отношении Хэлидома Шелтон был неправ: он забыл, что тот не в силах представить себе, как это женщина может питать к нему отвращение.

Шелтон добрался до своего дома и, прежде чем войти, постоял с минуту, наслаждаясь ярким светом фонарей, легким дуновением! ветерка, замирающим шумом улицы.

"Неужели, женившись, я стану такой же скотиной, как этот тип в пьесе? подумал он. - Впрочем, что ж тут удивительного. Каждый хочет получить за свои денежки все, что ему причитается - свой фунт мяса! И зачем только мы употребляем эти прекрасные слова: общество, религия, мораль! Сплошное ханжество!"

Он вошел к себе, распахнул окно и долго стоял, засунув руки в карманы, опустив голову и задумчиво хмурясь; силуэт его отчетливо вырисовывался в светлом квадрате окна над темной площадью. Полупьяный старик оборванец, полисмен и какой-то субъект в соломенной шляпе остановились внизу, переговариваясь о чем-то.

- Ну да, - говорил оборванец, - я мразь и бездельник, но вот что я вам скажу: ежели все мы были бы на один манер, что стало бы с миром?

И они пошли дальше, а перед взором Шелтона возникло невозмутимо спокойное лицо Антонии, лицо Хэлидома - олицетворение благопристойности и чувства собственного достоинства, голова человека с рачьими глазами и прилизанными волосами, разделенными посредине ровной ниточкой пробора. Казалось, некий луч света упал на них, осветив их существование, как лампа с зеленым абажуром освещала страницы Мэтью Арнольда, и перед Шелтоном во всей своей безмятежности предстал этот элизиум, где люди не ведают страстей и не впадают в крайности, - мир деспотичный, самодовольный, властолюбивый и такой же приглаженный, как пейзаж в Средней Англии. Здоровые, богатые, мудрые! У них одно стремление - к совершенствованию, к самосохранению: ведь выживают только наиболее приспособленные! "Вот они, примерные граждане, - подумал Шелтон. - Да, если б все мы были на один манер, так что стало бы с миром!"

ГЛАВА VI БРАЧНЫЙ КОНТРАКТ

"Дорогой Ричард, - писал Шелтону на другой день его дядя, - я был бы рад видеть тебя завтра, в три часа дня, чтобы побеседовать о твоём брачном контракте..."

И вот в назначенный час Шелтон направился в Линкольнс-Инн-Филдс, где на каменной стене у входа жирные черные буквы гласили: "Парамор и Херринг (адвокаты)". Волнуясь, поднялся он по массивным ступеням и следом за невысоким рыжеволосым юнцом прошел в заднюю комнату на втором этаже. Здесь за столом сидел и писал джентльмен с гладко выбритым лицом, напоминавшим мопса; стол был поставлен как раз посередине, словно затем, чтобы ему удобнее было держать под наблюдением свой маленький мирок.

- А, мистер Ричард! - сказал он. - Рад вас видеть, сэр. Присядьте. Ваш дядюшка сейчас освободится. - При упоминании о хозяине в тоне его послышалось ироническое одобрение, появляющееся со временем у старых и верных слуг. - Все хочет сам делать, - добавил клерк, хитро сощурив честные зеленоватые глазки, - а ведь не мальчик.

При взгляде на клерка своего дядюшки Шелтона всякий раз поражало все возрастающее довольство и преуспеяние, которыми так и дышали его черты. На лице этого старого друга их семьи не было заметно и следа изнеможения, появляющегося у большинства людей после пятидесяти лет, - наоборот, лица его, словно из солидарности со всей нацией, с течением времени все более расплывалось, становясь чуть благодуще, чуть жирнее, чуть грубее. Сквозь эту внешнюю оболочку все отчетливее проступали презрительно-терпимое отношение к людям, которые ничего не добились в жизни, и глубокая убежденность в собственной непогрешимости.

- Надеюсь, вы хорошо себя чувствуете, сэр? - продолжал он. - Для вас особенно важно быть в добром здоровье именно сейчас, когда вы собираетесь... - И он невольно подмигнул, обдумывая, как бы поделикатнее выразить свою мысль: - ...обзавестись семейством. Мы узнали об этом из газет. Жена говорит мне как-то утром за завтраком: "Послушай, Боб! Тут какой-то мистер Ричард Парамор Шелтон собирается жениться. Это не родственник ли твоего мистера Шелтона?" А я говорю: "Как же, как же, моя дорогая, он самый".

Оказывается, старый друг их семьи отнюдь не проводит всю жизнь, сидя за письменным столом посреди комнаты, а где-то (тут перед взором Шелтона возникли ряды маленьких серых домиков) живет совсем иною жизнью, и там кто-то зовет его "Боб", - это открытие даже взволновало Шелтона. Боб! Вот это новость! Боб!.. Ну, конечно, только так и могли его звать.

Зазвенел колокольчик.

- Это ваш дядюшка. - И снова в голосе старшего клерка прозвучала ирония. - Будьте здоровы, сэр.

И словно выключив разговор, как выключают свет, он принялся писать, а рыжеволосый юнец провел Шелтона в огромную комнату окнами на улицу, где его ждал дядя.

Эдмунду Парамору было семьдесят лет. Среднего роста, с бронзовым, гладко выбритым лицом, он держался очень прямо; его седые шелковистые волосы были зачесаны набок и взбиты в виде кока над красивым, высоким лбом. Он стоял спиной к камину; в его манере держаться угадывались подвижность и легкость, свойственные людям, которые до старости не полнеют. В глазах его порою вспыхивал юношеский задор, хоть и видно было, что он немало пережил, а уголки рта неожиданно кривила улыбка. Комната была под стать хозяину просторная, отнюдь не казенная и почти без мебели; вдоль стен не стояли несгораемые сейфы, на столе не высились груды бумаг; в единственном шкафу хранился полный комплект судебных отчетов, а на своде законов, в стакане с водой, красовалась одна-единственная пунцовая роза. Казалось, что владелец этой комнаты - человек рассудительно-великодушный, не мелочный, умеющий вникать в самую суть вещей; человек, перед улыбкой которого не могли выстоять мелкое шарлатанство и обман.

- А, Дик! Как здоровье матушки? - спросил он.

Шелтон ответил, что она вполне здорова.

- Скажи ей, что я все же решил продать ее восточные акции и вложить деньги в медь. Можешь передать, что это дело солидное.

Шелтон скорчил гримасу.

- Мама считает, что на свете нет несолидных дел, - сказал он.

Дядя устремил на него пытливый, пронизывающий взгляд своих страдальческих глаз, и легкая улыбка искривила его губы.

- Она неподражаема! - произнес он.

- Да, - повторил Шелтон, - она неподражаема.

Впрочем, перепродажа акций вовсе не интересовала его, дядя решал подобные дела так быстро и разумно, что Шелтону и в голову не пришло бы усомниться в его суждениях.

- Ну-с, займемся твоим контрактом.

Мистер Парамор трижды позвонил в колокольчик и в ожидании принялся ходить взад и вперед по кабинету.

- Принесите мне проект брачного контракта мистера Ричарда, - сказал он вошедшему рослому клерку, и тот через минуту вернулся, неся требуемый документ.

- Итак, Дик, - начал мистер Парамор, - насколько я понимаю, за невестой не значится никакого приданого. Почему?

- Я отказался от него, - ответил Шелтон, невольно смутившись.

Губы мистера Парамора дрогнули в легкой усмешке; он придвинул к себе бумагу, взял синий карандаш и, сжав руку Шелтона повыше локтя, принялся читать контракт пункт за пунктом. Шелтон, едва успевавший следить за быстрыми объяснениями старика, с облегчением вздохнул, когда тот внезапно остановился.

- Если ты умрешь и она снова выйдет замуж, - сказал мистер Парамор, она лишается права пользоваться доходом с твоего капитала, понятно?

- Вот как? - сказал Шелтон. - Одну минуту, дядя Тед!

Мистер Парамор умолк и стал ждать, покусывая карандаш; на губах его промелькнула улыбка, которую он тут же тактично подавил. Теперь уже Шелтон принялся ходить по комнате.

"Если она снова выйдет замуж", - повторил он про себя.

Мистер Парамор, страстный рыболов, следил за племянником, словно тот был рыбой, которую он только что вытащил на берег.

- Это обычное условие, - заметил он.

Шелтон сделал еще один круг по комнате.

"Она лишается права... - думал он. - Да, конечно".

Это единственный способ удержать при себе жену даже после своей смерти. Да, конечно!

Мистер Парамор не сводил пронизательных глаз с лица племянника. И взгляд его, казалось, говорил: "Ну, дурачок, в чем же дело?"

Да, конечно! Почему она должна пользоваться его деньгами, вторично выйдя замуж? Она лишится их. Какая утешительная мысль! Шелтон вернулся к столу и еще раз внимательно перечел соответствующий пункт контракта: ему хотелось подойти к этому вопросу чисто по-деловому и скрыть то, что в действительности занимало его ум.

- Если я умру и она снова выйдет замуж, - повторил он вслух, - она лишается права пользоваться доходом с моего капитала.

Может ли существовать более мудрое законоположение для человека, страстно влюбленного?

Дядюшка наконец отвел от него взгляд: чувство сострадания побудило его отвернуться, чтобы не видеть последних судорог пойманной рыбы.

- Я не хочу привязывать ее к себе, - внезапно заявил Шелтон.

Легкая усмешка приподняла уголки губ мистера Парамора.

- Ты хочешь вычеркнуть этот пункт? - спросил он. Кровь бросилась в лицо Шелтону: он почувствовал, что дядя уличил его в излишней сентиментальности,

- Д-да, - с запинкой произнес он.

- В самом деле?

- Конечно!

Ответ прозвучал несколько угрюмо.

Карандаш дядюшки опустился на обреченный параграф, и мистер Парамор вновь принялся за чтение проекта; но Шелтон уже не мог следить за содержанием: его слишком занимали мысли о том, что именно так позабавило мистера Парамора, и, чтобы решить этот вопрос, он, не отрываясь, смотрел на старика. Грубоватые, но приятные черты лица, быстрые, но не суетливые движения, волосы не прямые и не вьющиеся, не короткие и не длинные; печальные глаза и улыбающийся рот, костюм - не поношенный и не щеголеватый, ловкие красивые руки, а главное - размеренное скольжение по бумаге синего карандаша, - все создавало впечатление полной гармонии между головой и сердцем, чувством и разумом, теорией и противоположностью.

- "...на время замужества", - прочел мистер Парамор и снова остановился. - Ты, конечно, понимаешь, что, если вы не уживетесь и разъедетесь, она по-прежнему будет пользоваться твоими деньгами.

Если они не уживутся!.. Шелтон улыбнулся. Но мистер Парамор не улыбался, и Шелтон снова почувствовал, что столкнулся с чем-то внешне мягким, но непреклонным. И он с раздражением заметил:

- Если мы не будем жить вместе, тем больше оснований сохранить за ней это право.

На сей раз дядюшка улыбнулся. Но Шелтон не мог сердиться за эту ироническую усмешку, которая так же внезапно исчезала, как и появлялась: она не могла вызвать раздражение, ибо не относилась непосредственно к собеседнику, и за ней скрывалось такое глубокое знание человеческой природы!

- Если... гм... Ну, а в другом случае, - сказал мистер Парамор, брачный контракт теряет силу, во всяком случае, для нее. Понимаешь, дружок, мы обязаны все предусмотреть.

Шелтон еще отчетливо помнил содержание пьесы и свой разговор с Хэлидомом. Сам он вполне способен был допустить - теоретически, - что жена может изменить ему.

- Хорошо, дядя Тэд, - сказал он.

На мгновение у него мелькнула безумная мысль: предусмотреть в брачном контракте возможность развода. Ведь сделать женщину независимой, предоставить ей свободу полюбить другого, не терзаясь мыслью о денежных затруднениях, - разве это не долг всякого благородного мужчины? Для этого нужно было лишь вычеркнуть слова "на время замужества".

Шелтон почти с тревогой посмотрел на дядюшку. На этом мудром челе под высоким зачесом волос нельзя было прочесть и тени мелочности, но и одобрения на нем не было. Лицо дядюшки, казалось, говорило: "Донкихотство, конечно, имеет свои достоинства, но..." Да и сама эта необъятная комната с высокими окнами обескураживала Шелтона: казалось, здесь совершается лишь то, что диктует здравый смысл. Должно быть, бесконечное множество мужчин, хорошо воспитанных и придерживающихся самых разумных правил, покупали себе здесь жен. Воздух был пропитан мудростью и запахом юридических книг в кожаных переплетах. Здесь безраздельно царил прецедент {Прецедент - случай или поступок, служащий оправданием или примером для последующих случаев подобного рода. В частности, решение суда, ставшее образцом при решении подобных дел. В Англии право и судебная практика а большой мере опираются

на прецедент.}. Шелтон склонил перед ним свое копьё и снова присел к столу, чтобы закончить сделку с покупкой жены.

- Не понимаю, почему ты так спешишь с этим? Ведь ваша свадьба будет не раньше осени, - сказал мистер Парамор, окончив наконец чтение контракта. Он положил синий карандаш рядом с чернильницей, вынул красную розу из стакана с водой и понюхал ее. - Хочешь пройтись со мной до Пэл-Мэла? Я решил сегодня устроить себе отдых, но для стадиона сейчас, пожалуй, холодновато.

Они вышли на Стрэнд.

- Вы не видели новой пьесы Борогрова? - спросил Шелтон, когда они проходили мимо театра, где он был с Хэлидомом.

- Я никогда не смотрю современных пьес, - ответил мистер Парамор. - Уж слишком они мрачны.

Шелтон взглянул на него: дядя шел, немного сдвинув цилиндр на затылок, держа зонтик на плече; его печальный взгляд был устремлен куда-то вдаль.

- Психология вас не интересует, дядя Тэд?

- Психология? Это когда выражают словами то, что нельзя ими выразить?

- Французам это удается, - возразил Шелтон. - И русским тоже. Почему бы и нам не попробовать?

Мистер Парамор остановился, намереваясь заглянуть в рыбный магазин.

- То, что годится для французов и русских, Дик, - сказал он, - не подходит для нас. Мы, когда хотим быть настоящими, только становимся более фальшивыми... Взгляни! Правда, неплохо было бы поймать такого? Давай пошлем его твоей мотушке.

Он зашел в магазин и купил лосося,

- А теперь скажи мне на милость, - продолжал он, когда они пошли дальше, - разве это пристойно, чтобы мужчины и женщины извивались на сцене, словно угри? Разве жизнь и без того не достаточно сложна?

Внезапно у Шелтона мелькнула мысль, что, несмотря на всю свою улыбочку, лицо дядюшки отмечено печатью глубокого страдания. Возможно, впрочем, что это ему только почудилось при более ярком освещении, когда они вышли на простор Трафальгарской площади.

- Вот уж не знаю, - ответил Шелтон. - Я, пожалуй, предпочитаю правду.

- Плохой конец и все прочее? - спросил мистер Парамор, остановившись перед одним из львов, сторожащих памятник Нельсону, и взял Шелтона за пуговицу. - Правда - величайшее зло!

Он стоял очень прямо, глядя на племянника своими печальными глазами. Шелтон подумал, что его оптимизм - это трогательная смесь нежности и нетерпимости, личной правдивости и понятий, заимствованных у других. Подобно возвышавшемуся над ним льву, мистер Парамор словно говорил жизни: "Как ни старайся, а я не буду смотреть тебе в лицо".

- Да, дружок, - заметил он, протягивая шестипенсовую монету метельщику, - чувства - это змеи, которых надо держать в банках с притертыми пробками. Ты не зайдешь со мной в клуб? В таком случае до свидания, мой милый. Поклонись матушке, когда увидишь ее.

И он зашагал через площадь, а Шелтон пошел дальше, в свой собственный клуб, и ощущение у него было такое, словно он распростился не только с дядюшкой, но и со всей нацией, к которой они оба принадлежали по своему рождению и воспитанию.

ГЛАВА VII

В КЛУБЕ

Шелтон зашел в библиотеку клуба и взял "Книгу пэров" Бэрка. Когда его дядюшка узнал о помолвке, его первые слова были: "Деннант? Это те Деннанты, что живут в Холм-Оксе? Его жена - урожденная Пенгвин".

Никому из знакомых Парамора и в голову не приходило считать его снобом, но тогда в тоне его ясно прозвучало: "Вот это хорошо, такая семья нам под стать".

Шелтон принялся искать Балтиморов. Он прочел: "Чарлз Пенгвин, пятый барон Балтимор. Потомство: Алиса, род. 184- , вышла замуж в 186- за Алджернона Деннанта, эсквайра, Холм-Оке, Крое Итон, Оксфордшир". Он отложил "Книгу пэров" и взял "Календарь дворян-землевладельцев". Там значилось: "Деннант, Алджернон Кафф, старший сын покойного Алджернона Каффа Деннанта, эсквайра, мирового судьи, и Айрин, 2-й дочери высокород. Филиппа и леди Лилиан Марч Мэллоу. Образование: Итон и колледж Крайстчерч, Оксфорд; мировой судья графства Оксфордшир. Проживает: Холм-

Оке" и т. д. и т. д. Отложив "Календарь", Шелтон взял томик сказок "1001 ночь", который кто-то из членов клуба оставил на прикрепленном к креслу пюпитре, но читать не стал, а принялся рассматривать тех, кто находился в комнате. Почти все места были заняты: тут сидели и читали или дремали джентльмены, каждый из которых счел бы одну из Пенгвинов вполне подходящей для себя партией. Шелтону впервые бросилась в глаза та величаявая неторопливость, с какою они переворачивали страницы, поигрывали чайными ложечками или похрапывали в своих креслах. А ведь здесь не было и двух человек, похожих друг на друга: один был высокий, темноусый, с розовыми пухлыми щеками и густой шевелюрой; другой - лысый и сутулый; там, дальше, - дородный старый щеголь с седой бородкой клинышком, в необъятном белом жилете; гладко выбритый пожилой франт с птичьим профилем; высокий, болезненного вида мизантроп и сангвиник, уснувший сном младенца. Спали они или бодрствовали, читали или храпели, были толстыми или тощими, густоволосыми или лысыми - на всех лицах, и красных и бледных, лежала печать полнейшей обособленности. Все они были отлично воспитаны. И так - то разглядывая своих соседей, то вновь углубляясь в чтение "1001 ночи" - Шелтон провел время до обеда.

Не успел он усесться в ресторане клуба, как в зал вошел его дальний родственник и сел за соседний столик.

- А, Шелтон! Уже вернулись? Мне кто-то говорил, что вы путешествуете вокруг света. - Он вставил в глаз монокль и принялся изучать меню. Бульон!.. Читали речь Джеллаби? Презанятно он разделался со всей этой компанией. Лучший оратор в парламенте, честное слово.

Шелтон на мгновение перестал жевать спаржу: он, бывало, тоже восхищался Джеллаби, а теперь это казалось ему странным. Красное, гладко выбритое лицо его соседа, оттененное ослепительной белизною крахмальной манишки, расплылось в благодушной улыбке: его жесткие, ничем не примечательные глазки словно уже видели заказываемые блюда.

"Успех! - внезапно пришло в голову Шелтону. - Именно умение преуспевать и восхищает нас в Джеллаби. Все мы хотим добиться успеха".

- Да, - согласился он вслух, - удачливый тип.

- Ах, я и забыл, - сказал его сосед. - Вы ведь из числа его противников?

- Да нет. Откуда вы это взяли?

- Мне почему-то так казалось, - произнес тот, окинув небрежным взглядом комнату; и Шелтону послышалось в его словах: "В вас есть что-то не совсем высоконравственное".

- Что вас так восхищает в Джеллаби? - спросил Шелтон.

- Он знает, чего хочет, - ответил его сосед. - А вот про других этого не скажешь... Рыба никуда не годится, ее и кошка не стала бы есть... Да, умная голова этот Джеллаби! Серьезный малый! Вы когда-нибудь слышали, как он говорит? Преинтересно бывает, когда он разносит оппозицию! А они - ну и жалкие же людишки! - И он расхохотался: то ли мысль о Джеллаби, разносящем крохотную кучку "меньшинства", так развеселила его, то ли пузырьки шампанского в бокале.

- На меньшинство всегда грустно смотреть, - сухо заметил Шелтон.

- То есть как это?

- Я говорю, неприятно смотреть на людей, у которых нет шансов на успех, которые всегда проваливаются, на всех этих фанатиков и им подобных.

Сосед с любопытством взглянул на него.

- М-да, несомненно, - сказал он. - Вы не любите мятный соус? Я всегда считал, что это - самое приятное в бараньем жарком.

Огромный зал с бесчисленным множеством столиков, расставленных с таким расчетом, чтобы каждый из обедающих имел возможность покрасоваться на фоне золотых стен, вновь завладел вниманием Шелтона. Сколько раз, бывало, он сидел здесь, старательно раскланиваясь со знакомыми, и был счастлив, если находил свое привычное место незанятым, мог почитать газету с отчетом о последних скачках и, испытывая легкое опьянение от выпитого вина, болтать с кем-нибудь из людей своего круга. Счастлив! Да, счастлив, как лошадь, которая никогда не покидает своего стойла.

- Бедняга этот Бинг: пыхтит, точно паровоз, - сказал сосед Шелтона, указывая на иссохшего, сгорбленного официанта. - У него жуткая астма, даже с улицы слышно, как он хрипит.

По-видимому, его это забавляло.

- А как вы думаете, существует моральная астма? - спросил Шелтон.

Его сосед выронил из глаза монокль.

- Послушайте, заберите это обратно: мясо совсем пережарено, - сказал он лакею. - Принесите мне порцию баранины.

Шелтон отодвинул стул от столика.

- Всего хорошего! - сказал он. - Стилтонский сыр здесь превосходен.

Его сосед поднял брови и снова уставился в тарелку.

Проходя через холл, Шелтон по привычке встал на весы. "Семьдесят килограммов! Опять прибавил", - подумал он и, срезав кончик у сигары, направился в курительную и сел читать роман.

Почитав с полчаса, он бросил книгу: уж очень она была пустая, несмотря на захватывающий сюжет и уйму родовитых персонажей. Но автор, видимо, и не хотел ничего сказать своей книгой. Шелтон посмотрел, кто же автор, - все весьма похвально отзывались о романе. И глубоко задумался, пристально глядя на огонь в камине...

Кто-то наклонился над ним, и, подняв глаза, он увидел одного из братьев Антонии, служившего в стрелковом полку; на лице его играла ленивая улыбка, багровый румянец указывал на то, что он навеселе.

- Поздравляю, старина! - воскликнул он. - По какому поводу вы отрастили такую страшную бородищу?

Шелтон усмехнулся.

- "Пилюли герцогини", - прочитал младший Деннант, взяв книгу. - Это вы читаете? Великолепная книга, правда?

- Совершенно великолепная, - ответил Шелтон.

- Великолепный сюжет! Когда берешь в руки роман, совсем неохота, копаться во всей этой - как ее там называют! - психологии, просто хочешь развлечься, не так ли?

- Да, пожалуй, - пробормотал Шелтон.

- Здорово интересно, когда президент крадет у нее бриллианты...

А вот и Бенджи! Привет, Бенджи!

- Привет, Билл, дружище!

Этот Бенджи был молодой человек с гладко выбритой физиономией, чье лицо, голос и манеры являли собой редкостную смесь железной выдержки и удивительной мягкости.

Молодой человек - такой веселый, с такой мягкой повадкой и в то же время такой жесткий - подошел не один: с ним был седой джентльмен с острой бородкой и глазами мизантропа, по имени Страуд, и еще другой - ровесник Шелтона, с усами и небольшой плешью величиною с крону; он круглый год околачивался в клубе, во всяком случае, все вечера, когда не было скачек, ради которых нужно было бы ехать в другой город.

- Знаете, - начал младший Деннант, - этот нахал, - и он хлопнул Бенджи по колену, - завтра женится на мисс Кэссерол... знаете, Кэссеролы из Манкестер-Гейт.

- Черт побери! - сказал Шелтон, обрадовавшись, что может наконец произнести нечто понятное всей компании.

- Младший Чемпион будет шафером, и я тоже. Знаете что, старина, продолжал Деннант, обращаясь к Шелтону, - вам надо бы поехать туда со мной, посмотреть на всю эту кутерьму: у вас вряд ли будет другая такая возможность попрактиковаться. Бенджи пришлет вам приглашение.

- Буду очень рад! - пробормотал Бенджи.

- А где состоится церемония?

- В церкви святого Брайабаса, в половине третьего. Приходите посмотреть, как обкручивают людей. Я заеду за вами в час. Мы позавтракаем, а потом отправимся. - И Деннант снова похлопал Бенджи по колену.

Шелтон кивнул в знак согласия; его покоробил равнодушно-легкомысленный тон, каким эти люди говорили о женитьбе, как о пикантном приключении, и он украдкой посмотрел на "железного" Бенджи, который за все это время ни на минуту не утратил вкрадчивой мягкости манер и, казалось, куда больше интересовался предстоящими скачками, нежели своим браком. Но Шелтон по собственному опыту знал, что в действительности так не бывает; такое поведение было продиктовано лишь желанием соблюдать правила "хорошего тона" и казаться человеком благовоспитанным: джентльмен не должен выдавать своих чувств. И ему стало жаль Бенджи, особенно когда он заметил, каким взглядом впился в жениха Страуд из-под своих нависших бровей и каким жадным любопытством горят глаза любителя скачек.

- Кто этот малый с парализованной ногой? - спросил любитель скачек. Он вечно тут торчит.

И Шелтон увидел человека с болезненно желтым лицом, обращавшего на себя внимание отсутствием пробора и некоторой нервозностью.

- Его фамилия Бэйз, - сказал Страуд. - Полжизни провел с китайцами: должно быть, у него зуб против них! А теперь, с тех пор, как у него повреждена нога, он уже больше не может туда ездить.

- С китайцами? Что же он там делал?

- То ли библиями их снабжал, то ли оружием. Кто его знает! Авантюрист какой-то.

- Во всяком случае, человек не нашего круга, - сказал любитель скачек.

Шелтон взглянул на сдвинутые брови старика Страуда и сразу понял, что такого человека, который может охотиться в любом лесу и имеет уйму свободного времени для игры в бридж и сплетен в клубе, должен раздражать самый вид людей, живущих столь неупорядоченной жизнью. Минуту спустя "малый с парализованной ногой" прошел позади его стула, и Шелтон сразу почувствовал, как ошетинились завсегдатаи клуба. У Бэйза были глаза, какие нередко можно встретить у англичан, - словно угли, горящие за стальной решеткой; он производил впечатление человека, который способен совершать поступки, выходящие за рамки "хорошего тона", - человека, который способен быть даже благородным. Он посмотрел прямо в глаза Шелтону: в его непреклонном взгляде было что-то говорившее, как бесконечно он одинок, - в общем, человек, которому совсем не место в таком клубе. Шелтону пришли на память слова одного из друзей его отца, который как-то сказал ему: "Да, Дик, разного рода люди состоят членами этого клуба, и они приходят сюда по разным причинам, а многие приходят потому, что им, беднягам, некуда больше идти"; и, переводя взгляд с "паралитика" на Страуда, Шелтон подумал, что, ведь, может быть, и старик Страуд такой же бедняга. Кто его знает! Он посмотрел на Бенджи - такого собранного и веселого - и сразу успокоился. Вот счастливчик! Ему больше не надо будет приходить сюда! И мысль, что очень скоро он сам будет проводить здесь свой последний вечер, наполнила Шелтона острым ощущением радости, почти граничащим с болью.

- Партию на бильярде, Бенджи, - предложил Билл Деннант.

Страуд и любитель скачек отправились смотреть на игру, и Шелтон вновь остался наедине со своими думами.

"Правила хорошего тона! - подумал он. - Этот малый, должно быть, из железа сделан... Сейчас они еще куда-нибудь поедут отсюда; полночи проиграют в покер или какую-нибудь другую ерунду затеют".

Он подошел к окну. Начался дождь; на опустевших улицах гулял ветер. Кэбмены натягивали дождевики. Пробежали две женщины под одним зонтом, и какой-то плохо одетый человек с угрюмым отчаянием прошагал мимо. Пробравшись между кресел, Шелтон вернулся на прежнее место. Перед его мысленным взором промелькнула вереница его друзей по школе и университету. Все они - да и он тоже - получили одинаковое воспитание, которое не могло привить им ничего, кроме "правил хорошего тона". Разве их познакомили с настоящей жизнью? Стоило лишь призадуматься, и становилось ясно, до чего все они невероятно глупы. Вид у них такой, словно они знают все на свете, а на самом деле они ни в чем не разбираются: ни в законах природы, ни в искусстве, ни в чувствах, ни в тех узах, что связывают людей. Да ведь по правилам "хорошего тона" даже сами слова эти не полагается произносить: все выходящее за пределы узкого круга их представлений уже не может быть "хорошим тоном". У них твердо установившиеся взгляды на жизнь, ибо все они питомцы определенных школ, университетских колледжей, полков. И эти-то люди вершат судьбы государства, диктуют законы, возглавляют науку, армию, религию. Вот они и создали себе кодекс: не вступать в жизнь слишком молодыми, заложить здоровую основу, которую жизнь и опыт отшлифуют в дальнейшем.

"Успех! - подумал Шелтон и чуть не упал, споткнувшись о лакированные штиблеты, принадлежавшие круглолицему, добродушного вида джентльмену в золотом пенсне. - О да, это называется преуспеть в жизни!"

Кто-то подошел к столу, взял ту самую книгу, которая натолкнула Шелтона на все эти мысли, и принялся читать ее. Шелтон заметил, какое удовольствие доставляло этому человеку чтение. Глаза его,

неподвижно устремленные на книгу, не выражали никаких эмоций. Ничто в ней не удивляло его, ничто не наводило на размышления.

Круглолицый джентльмен в лакированных штиблетах подошел к Шелтону и заговорил о своей недавней поездке на юг Франции. У него имелась про запас парочка пикантных анекдотов, и его лунообразная физиономия, украшенная золотым пенсне, так и сияла; это был грузный мужчина, знавший такое множество забавных светских сплетен, что просто невозможно было не оценить его болтовни; чувствовалось, что он наслаждается жизнью и ни в чем себе не отказывает.

- Однако, всего хорошего! - буркнул он вдруг. - Меня ждут...

И он ушел, оставив Шелтона под приятным впечатлением, что в предстоящем - этому человеку свидании есть что-то восхитительно-запретное.

Взяв со стола бокал, Шелтон медленно выпил вино: он благодумствовал. Он чувствовал свое превосходство над всеми этими людьми - членами одного с ним клуба, - и это утешало его. Он ясно видел, какой бутафорией была их клубная жизнь, какое убожество - это преклонение перед успехом, какая мишура вся эта литература, написанная романистами в лайковых перчатках, эти "правила хорошего тона", эти "законы приличия", эта безупречность нашего воспитания. Приятно было вот так проникнуть в самую суть вещей, приятно чувствовать свое превосходство; и, утонув в мягких глубинах кресла, Шелтон задумчиво выпустил дым и протянул ноги к огню, а огонь в ответ осторожно и благоговейно озарил его своим светом.

ГЛАВА VIII

СВАДЬБА

Верный своему слову, Билл Деннант ровно в час заехал за Шелтоном.

- Бьюсь об заклад, что бедняге Бенджи сейчас очень не по себе, - сказал он, когда, отпустив кэб у церкви, они проходили между двумя рядами любопытных, которые, не принадлежа к кругу избранных, толпились на панели, пожирая приглашенных грустными глазами.

Женщина с землистым лицом, державшая на руках ребенка, в то время как два других стояли рядом, уцепившись за ее юбку, с таким волнением смотрела на свадьбу, словно ей не пришлось испытать горькие муки нищего брака. Шелтон вошел в церковь с чувством

необъяснимой неловкости: на деньги, которые он заплатил за свой галстук, эта семья смогла бы иметь пищу и кров в течение целой недели. Он проследовал за своим будущим шурином к одной из скамей, где расположились родственники и друзья жениха, ибо каждая из сторон, фигурирующих в брачном контракте, выступала сомкнутым строем, - и вот, инстинктивно поддерживая извечную борьбу полов, они сидели друг против друга, и стрелы взглядов, полных недоверия, непрестанно скрещивались над центральным проходом церкви.

В глазах Билла Деннанта появились веселые искорки. - Смотрите, вон старина Бенджи! - прошептал он, и Шелтон увидел героя дня.

Сквозь маску вышколенной бесстрастности на его гладко выбритом лице проступала бледность, но притворная ледяная улыбка благовоспитанного человека, которой он одаривал гостей, была, по обыкновению, безупречно любезна; На его стройной фигуре и на всей его одежде лежал отпечаток нарочитой непринужденности, которая выделяет жениха незаурядного из толпы обычных женихов. Его броня была непроницаема, ни один дерзкий взгляд не мог бы сквозь нее проникнуть.

- Славный малый этот Бенджи! - прошептал младший Деннант. - А знаете, Кэссеролам все же недостает породы.

Шелтон, который был знаком с этой семьей, только улыбнулся в ответ. Атмосфера чувственной святости, царившая в церкви, начала оказывать свое действие и на него. Аромат цветов и женских платьев соперничал со своеобразным запахом, присущим церкви; шелест юбок и оживленный шепот нарушали извечную тишину приделов. От скуки Шелтон принялся рассматривать сидевшую перед ним даму; почему-то он стал думать о ее внешности: так же ли красиво ее лицо, как линии спины, подчеркнутые узким лифом светло-серого платья; потом он скользнул взглядом по алтарю, украшенному цветами, по исполненным торжественной деловитости лицам священников; тут раздались могучие звуки органа, заигравшего свадебный марш.

- Идут! - прошептал младший Деннант.

Словно дрожь пробежала по рядам присутствующих, и Шелтону вспомнился бой быков, который он видел в Испании. По проходу между скамьями медленно шествовала невеста. "Вот так же будет выглядеть и Антония, - подумал он. - И в церкви будет такая же

публика... И все будут смотреть на Антонию - для них это спектакль..." В эту минуту невеста поравнялась с ним, и простая деликатность побудила его отвести взгляд: ему было неловко смотреть на серебристое таинство ее безупречного наряда, на эту склоненную головку головку скромной девушки, преисполненной, вне всякого сомнения, самых высоких чувств и самых чистых желаний, красивой девушки, которая совсем не думает о том, как она выглядит сегодня, именно сегодня, когда на нее смотрит весь Лондон, горделивой девушки, которая, уж, конечно, не способна унизиться до опасений, что она держит себя без подобающего достоинства.

Шелтон понимал всю драматичность того, что происходило перед его глазами; он сидел, стиснув зубы, как человек, присутствующий при жертвоприношения. До слуха его донеслись роковые слова: "И в радости и в горе, и в богатстве и в бедности, и в болезни и в здравии..."; он раскрыл молитвенник, в который не заглядывал с тех пор, как был мальчиком, отыскал в нем венчальную службу и стал читать; в душе его теснились странные чувства.

Ведь и он скоро должен будет пройти через это! Он продолжал читать молитвенник в каком-то странном оцепенении, из которого его вывел Билл Деннант, прошептавший: "Вот тоска, еще проповедь слушать!" Вокруг зашуршали платья, и Шелтон увидел, как высокий проповедник поднялся на кафедру и замер. Широкоплечий и красивый, с глубоко запавшими глазами, возвышался он над черной кафедрой, которая лишь резче подчеркивала снежную белизну его одежд, прикрытых малиновой епитрахилью; можно было подумать, что его пригласили сюда за красоту. Шелтон все еще рассматривал швы на своей перчатке, когда орган снова заиграл свадебный марш. Все улыбались, а некоторые, вытягивая шею, чтобы лучше рассмотреть новобрачную, вытирали слезы. "Какая выставка искусственных переживаний!" - подумал Шелтон; следуя примеру других, он тоже поглядел на новобрачную и, взяв в руки цилиндр, стал пробираться к двери, деланно улыбаясь по дороге знакомым.

И вот он наконец в доме Кэссеролов разглядывает свадебные подарки вместе со старшей дочерью - высокой девушкой в сиреневом платье, которая была главной подружкой невесты.

- По-моему, все сошло очень хорошо, правда, мистер Шелтон? - спросила вдруг девушка.

- О да!

- По-моему, жених должен чувствовать себя ужасно, дожидаясь невесты у алтаря.

- Да-а, - протянул Шелтон.

- А правда, подружкам невесты лучше не надевать шляп: так куда наряднее!

Шелтон не заметил этого нововведения, но поспешил согласиться с мнением своей собеседницы.

- Это я придумала: мне кажется, так шикарнее... Смотрите, молодым подарили пятнадцать чайных сервизов! Глупо, правда?

- Черт побери, - поспешил ответить Шелтон.

- Но, конечно, ужасно полезно иметь уйму ненужных вещей: ведь потом их можно обменять на что-нибудь нужное.

Казалось, в эту комнату было свезено все содержимое лондонских магазинов; Шелтон взглянул на мисс Кэссерол и был поражен, увидев, сколько алчности светится в ее маленьких глазках.

- Это ваш будущий шурин? - спросила она, указывая легким движением подбородка на Билла Деннанта. - По-моему, он такой блестящий юноша! Приходите оба к обеду, вы поможете поддержать веселье за столом. После венчания всегда так смертельно скучно...

И Шелтон пообещал, что они придут.

Теперь, в ожидании отъезда новобрачной, они перешли в холл. Лицо молодой, когда она сошла вниз, было спокойно и весело, только в глазах притаилась смутная тревога; и снова Шелтон испытал странное чувство стыда, словно совершил неблагоприятный поступок. Совсем рядом с ним в толпе стояла старая няня новобрачной; лицо ее выражало сильнейшее душевное волнение, по желтым одутловатым щекам катились слезы. Она пыталась что-то сказать, но ее слова потонули в царившем вокруг гомоне. Все бросились на улицу; посыпались рис и цветы; в быстро поднятое окно кареты полетел башмачок. За стеклом на мгновение мелькнуло учтиво-холодное гладко выбритое лицо Бенджи, лакей скрестил руки на груди, и карета отъехала, торжественно заскрипев колесами.

- Отлично все сошло, - сказал кто-то справа от Шелтона.

- Она была немного бледна, - сказал кто-то слева от Шелтона.

Он провел рукой по лбу; позади него всхлипывала старая няня.

- Дик, - наклоняясь к его уху, шепнул младший Деннант, - давайте удерем, здесь совсем неинтересно.

Они пошли по направлению к парку, и Шелтон вряд ли мог бы сказать, откуда у него эта легкая тошнота: то ли от выпитого днем шампанского, то ли от свадьбы, которая сошла так хорошо.

- Да что с вами? - спросил Деннант. - Вы сегодня мрачны, как старая обезьяна.

- Ничего особенного, - сказал Шелтон. - Просто я думал о том, какие мы все лицемеры.

Билл Деннант остановился посреди улицы.

- Ну, если вы собираетесь сесть на своего конька, - сказал он, хлопнув будущего зятя по плечу, - то я пошел.

ГЛАВА IX

ОБЕД

На обед к Кэссеролам были приглашены лишь те знакомые и друзья молодой, которые чем-то обратили на себя внимание во время брачной церемонии. За столом Шелтон оказался между декольтированной мисс Кэссерол и другой, не менее обнаженной, дамой. Напротив него сидел мужчина с ястребиным носом и черными усами; на его белоснежной манишке блестел крупный бриллиант. Нужно сказать, что дом Кэссеролов был весьма интересный. Семья принадлежала к крупной буржуазии, возымевшей вкус к "шикарному" обществу. Члены этого семейства, люди осторожные, экономные и цепкие, по природе своей стяжатели, почему-то прониклись почтением к слову "шикарный". В результате в доме собиралась всевозможная человеческая накипь и царила атмосфера доморощенного порока. Помимо заядлых кутил и прожигателей жизни, Шелтон встретил здесь двух-трех дам, которых, несмотря на то, что они были разведены или собирались разводиться, продолжали принимать в свете. Разведенных дам, которые не сумели сохранить своего положения в свете, Кэссеролы не приняли бы у себя: они питали слишком большое уважение к браку. Шелтон встретил тут и американок (но только не американцев), которых все считали "страшно забавными", и евреев - банкиров или любителей скачек, - а также нескольких джентльменов, занимавшихся или собиравшихся заняться кое-какими сделками, которые то ли "выгорят", то ли "не

выгорят", или же взявших, а может, только еще собиравшихся взять подряды, на которых они, возможно, попадутся, а возможно, и нет.

Шелтон знал, что в этом доме не станут принимать тех, кто в самом деле попал в беду, ибо этих леди и джентльменов ценили отнюдь не из сочувствия к ним - к чему такая сентиментальность! - а за их "шик", их туалеты, остроты, осведомленность по части скаковых лошадей, за их умение играть в бридж и за их автомобили.

Короче говоря, это был один из тех семейных домов, в котором ищут прибежища люди, чей слишком "шикарный" образ жизни едва ли позволит им долго продержаться на поверхности.

Хозяин дома - делец из Сити, с седой шевелюрой, гладко выбритым лицом и выпяченной верхней губой - силился понять смелые намеки своей дамы, громкий голос которой был слышен на другом конце стола. А Шелтон уже больше не пытался понять своих соседак и все внимание сосредоточил на обеде, который все гости, несмотря на разнородность вкусов, были вынуждены признать настоящим чудом кулинарного искусства. Он даже вздрогнул от неожиданности, когда мисс Кэссерол повернулась к нему и сказала:

- Я всегда говорю, что самое главное - быть веселой. Даже если вам совсем не смешно, все равно надо смеяться: это так шикарно - быть занимательной! Вы со мной не согласны?

Превосходная философия!

- Не все мы гении, но быть веселыми мы все можем.

Шелтон поспешил изобразить на лице веселость.

- Когда родитель бывает не в духе, я говорю ему, чтоб он немедленно перестал дуться, а то я закрою дом и уеду. Что пользы в том, что человек сидит с несчастным видом и хандрит? Кстати, вы не собираетесь покататься в коляске четверней? Мы едем целой компанией. Будет страшно весело; самое шикарное общество!

Пышные плечи, волнистые волосы (явно не более двух часов назад побывавшие в руках парикмахера) могли бы заставить Шелтона усомниться в добродетели мисс Кэссерол, но сквозившая в ее взгляде расчетливость и то, как старательно она проглатывала окончания слов, неопровержимо доказывали ее принадлежность к наиболее уважаемой части присутствующих. До сих пор Шелтону никогда не приходило в голову, до чего это "шикарная" женщина, и,

сделав над собой усилие, он предался такому вымученному веселью, от которого затосковал бы любой француз.

Когда мисс Кэссерол покинула его, Шелтон вдруг вспомнил взгляд, который она бросила на сидевшую напротив них даму - настоящую хищницу. Этот завистливый, испытующий взгляд, казалось, спрашивал: "В чем же секрет этого твоего шика?" Раздумывая над тем, что могло вызвать подобную зависть, Шелтон заметил, с каким заискивающим, почтительным видом хозяин дома расхваливает человеку с ястребиным носом достоинства поданного на стол портвейна, зрелище довольно жалкое, ибо человек с ястребиным носом был явно из породы отпетых мошенников. Чем порок так притягивает к себе степенных буржуа? Что это: желание прослыть оригинальным, боязнь казаться скучным или просто они "с жиру бесятся"? Шелтон снова взглянул на хозяина дома, который еще не кончил перечислять великолепные качества своего портвейна, и ему снова стало жаль его.

- Так, значит, вы женитесь на Антонии Деннант? - послышался голос справа; по небрежной грубоватости, с какою были произнесены эти слова, в говорившем можно было сразу признать человека родовитого. - Прехорошенькая девушка! Кстати, у этих Деннантов прекрасное поместье. Вы, знаете ли, счастличик!

Это говорил старый баронет с маленькими глазами и смугло-красным лицом, брюзгливым и хитрым. Он вечно сидел без гроша, но со всеми был запанибрата и, как человек предприимчивый, знался не только с лучшими, но и с худшими людьми, а потому каждый день обедал где-нибудь в гостях.

- Этаким вы счастличик! - повторил он. - У него чертовски хорошая охота, у этого Деннанта! Только дичь там! летает уж очень высоко: в последний раз, когда я у них охотился, хоть бы одну птицу подстрелил. Прехорошенькая девушка! Этаким счастличик!

- Вы правы, - скромно согласился Шелтон.

- Хотел бы я быть на вашем месте! Кстати, кто это сидел рядом с вами, с другой стороны? Я так чертовски близорук... Миссис Каррузер? Ну конечно!

И губы его расплылись в улыбке, которую, не будь он баронетом, можно было бы назвать плотоядной.

Шелтон понял, что в кладовой его памяти хранится табличка, исписанная анекдотами, цифрами и фактами, касающимися этой дамы. "Старое пугало считает меня счастливым, - подумал Шелтон, - потому что у него не заведено таблички на Антонию".

Но старый баронет уже отвернулся и с улыбкой лощеного циника стал прислушиваться к тому, о чем злословили его соседи справа.

Слева от Шелтона двое джентльменов вели оживленный разговор.

- Как! - воскликнул один из них. - Вы ничего не коллекционируете? Не может быть! Все что-нибудь да коллекционируют. Я просто не знаю, что я стал бы делать без моих картин!

- Нет, я ничего не коллекционирую. Бросил после того, как меня надули с Уокерами.

Шелтон, ожидавший услышать какую-нибудь более возвышенную причину, принялся медленно потягивать мадеру. Хозяин дома "коллекционирует" это вино, а цена на него непрерывно растет. Каждый день его не попьешь: оно стоит две гиней бутылка! А как увеличивается его ценность при одной мысли, что оно недоступно для других! Восхитительный напиток, и цены на него все растут! Скоро его совсем нигде не достанешь - это потрясающе! Тогда никто, вообще никто не сможет отведать его!

- Хотелось бы мне иметь немножко такой мадеры, - сказал старый баронет, - но я уже выпил все свои запасы!

"Бедный старикан, - подумал Шелтон. - Ведь если разобраться, не такой уж он плохой... Мне бы его цепкость!.. У него, должно быть, очень здоровая печень".

Гостиная была полна народу; все играли в настольную игру "Лошадки". И Шелтону пришлось принять участие в этой игре, затянувшейся до утра. Наконец, совсем измученный, он откланялся и уехал.

Он вспомнил свадьбу, вспомнил все подробности обеда и какое он пил вино. Настроение его стало портиться.

Эти люди не могут быть естественными, даже самые "шикарные", самые респектабельные: они как бы кладут удовольствие на чашу весов и стараются получить за свои деньги как можно больше.

Проезжая мимо нескончаемого ряда темных, мирно спящих домов, растянувшихся на многие и многие мили, Шелтон думал об Антонии; город только начинал пробуждаться, когда он добрался до своей квартиры. Повеял свежий предутренний ветерок; небо порозовело, но заря еще не разгорелась; на деревьях чуть дрожала листва, нигде ни звука; все молчало вокруг, слышалось лишь биение его сердца. Внезапно город словно вздохнул, и Шелтон увидел, что он не один: у его дверей спало какое-то не замеченное им ранее существо в рваных башмаках.

ГЛАВА X

ЧУЖЕСТРАНЕЦ

Человек, сидевший на ступеньках подъезда, дремал, уткнувшись головой в колени. О степени его благосостояния яснее всего говорили порыжевшее пальто и какие-то тряпки вместо носков. Шелтон хотел было незаметно проскользнуть мимо, но спящий вдруг проснулся.

- Ах, это вы, мосье! - сказал он. - Я получил ваше письмо сегодня вечером и, как видите, даром времени не терял. - Он посмотрел на свои ноги и как-то жалко хихикнул, словно говоря: "Ну и вид же у меня!"

Действительно, молодой иностранец выглядел куда хуже, чем во время их первой встречи.

- Вы понимаете, - лепетал Ферран, идя вслед за Шелтоном, который пригласил его зайти, - на этот раз я ни за что не хотел упустить случая встретиться с вами. Когда попадаешь вот в такое положение... - И лицо его искривила гримаса.

- Я очень рад, что вы пришли, - неуверенно сказал Шелтон.

Лицо его гостя обросло рыжеватой щетиной недельной давности, темный загар придавал ему здоровый вид; который никак не вязался с приступом сильной дрожи, охватившей его, как только он вошел в комнату.

- Садитесь, садитесь, - сказал Шелтон. - Ведь вы совсем больны! Ферран улыбнулся.

- Это пустое, - сказал он. - Просто недоедание... - И он присел на краешек кресла.

Шелтон вышел и вскоре вернулся, неся виски.

- Если б я мог приодеться, - сказал Ферран, сделав глоток. - Сейчас для меня это главное. Очень уж я обносился.

И это было верно. Шелтон отнес кое-что из одежды в ванную и предложил гостю располагаться как дома. Пока тот принимал ванну, Шелтон вкушал всю прелесть самопожертвования: отбирал ненужные ему вещи и укладывал их в два чемодана. Покончив с этим, он стал ждать своего гостя.

Молодой иностранец наконец появился, все такой же небритый и без башмаков, но что касается остального, то даже почти нарядный.

- Вот теперь совсем другое дело, - сказал он. - Башмаки же, боюсь... и, сняв свои носки, вернее, носки Шелтона, он показал потертости величиною с полкроны. - Что посеешь, то и пожнешь. Я сильно похудел, - просто заметил он. - Да, кто хочет видеть мир, должен страдать. *Voyager, c'est plus fort que moi!* {Путешествия - это моя слабость! (франц.).}

Молодой человек произнес это не без грусти, словно намекая на некие несбывшиеся возможности, и потому Шелтону и в голову не пришло, что за его словами может крыться врожденная нелюбовь к труду.

- Я распростился со своими иллюзиями, - продолжал молодой человек, затягиваясь папиросой. - Когда поголодаешь несколько раз, многое начинаешь понимать по-иному. *Savoir, c'est mon metier; mais remarquez ceci, monsieur* {Познавать истину - вот мое ремесло; но заметьте, мосье (франц.).}: далеко не всегда преуспевают те, кто способен мыслить.

- Ну, а если вы даже находите работу, то, наверное, скоро от нее отказываетесь? - заметил Шелтон.

- Вы обвиняете меня в непоседливости? Позвольте мне разъяснить свою точку зрения. Я непоседлив, потому что честолюбив: я хочу снова быть независимым и всеми силами стараюсь добиться этого, но как только я вижу, что работа не сулит мне ничего в будущем, я бросаю ее и отправляюсь на поиски чего-то лучшего. *Je ne veux pas etre "rond de cuir"* {Я не хочу быть "канцелярской крысой" (франц.)}, гнуть спину, чтобы за день сэкономить шесть пенсов и, прослужив сорок лет, отложить крохотную сумму, которая кое-как позволила бы мне дотащиться до конца моих тяжелых дней. Такая жизнь не в моем характере.

Этот остроумный вариант общеизвестного "мне очень скоро все приедается" он произнес с таким видом, словно сообщал Шелтону

некую важную тайну.

- Да, это, должно быть, тяжело, - согласился тот.

Ферран пожал плечами.

- Жизнь - это не вечный праздник, - заметил он. - Иной раз приходится отбросить в сторону всякую щепетильность. Откровенность - единственная черта во мне, которой я горжусь.

Словно опытный аптекарь, он умело преподносил Шелтону свои идеи в таких дозах, чтобы тот мог глотать и переваривать их. "Да, да, - казалось, говорил он, - вы бы, конечно, хотели, чтоб я думал, будто вы прекрасно знаете жизнь: у вас нет ни моральных принципов, ни предрассудков, ни иллюзий; вы бы хотели, чтоб я думал, будто вы считаете себя равным мне, - просто сидят два человекоподобных существа и разговаривают друг с другом, и их ничто не разделяет - ни положение, ни богатство, ни одежда, ничто, - а *c'est un peu trop fort!* {Это, пожалуй, уж слишком! (франц.).} Вы лучшая из всех подделок, какие я встречал среди людей вашего класса, хоть вы и получили столь неудачное воспитание, и я вам очень благодарен, но рассказывать вам все, о чем я думаю, значило бы нанести ущерб моим планам. На это вы не рассчитывайте".

В старом сюртуке Шелтона он выглядел вполне прилично, тем более что обладал врожденной, почти чрезмерной утонченностью. Он, казалось, сроднился с окружающей обстановкой, и, что еще удивительнее, Шелтон чувствовал себя с ним так просто, словно этот молодой человек был часть его самого. Шелтон с удивлением осознал, какое место занял в его мыслях этот молодой иностранец. Его манера держать голову и широко расставлять ноги - несколько угловатая, но не лишенная известной грации, скептическая складка рта, выходявшие из этого рта кольца дыма - все указывало на то, что это бунтарь, стремящийся ниспровергнуть существующий порядок. Его тонкий, слегка искривленный нос, быстрый взгляд широко раскрытых, навывкате глаз говорили о необычайной ироничности, - он был воплощенным отрицанием всего общепринятого.

- Чем! я живу во время моих скитаний? - продолжал Ферран. - Что ж, для этого имеются консулы. Конечно, чтобы обращаться к ним, нужно отбросить излишнюю щепетильность, но, когда умираешь с голоду, многое становится дозволенным; к тому же ведь эти джентльмены только для того и существуют. В Париже есть целая

компания немецких евреев, которые живут исключительно за счет консулов.

Он поколебался какую-то долю секунды и тут же продолжал:

- Да, мосье, если бумаги у вас подходящие, можно попытаться счастья у шести-семи консулов в одном и том же городе. Нужно только знать два-три языка, но в большинстве своем эти джентльмены сами не очень сильны в языке той страны, которую они представляют. Вы скажете: это значит добывать средства обманным путем? Пусть так. Но в конечном-то счете какая же разница между всей этой глупокоуважаемой компанией директоров, модных врачей, фабрикантов, жуликоватых подрядчиков, военных, сельских священников да, пожалуй, и самих консулов, которые получают деньги и ничего не делают взамен, и несчастными бедняками, которые проделывают то же самое, но при этом подвергают себя куда большему риску? Нужда диктует свои законы. Да если б эти джентльмены оказались в моем положении, вы думаете, они бы стали колебаться?

- Впрочем, вы правы, - поспешил добавить Ферран, заметив сомнение на лице Шелтона. - Они, конечно, стали бы колебаться, но только из страха, а не из принципа. Ведь щепетильность теряешь лишь в тех случаях, когда тебя уж очень крепко прижмет. Копните поглубже, и вы увидите, какие некрасивые поступки совершают ежедневно наши самые уважаемые граждане, и по причинам, далеко не столь серьезным, как желание утолить голод.

Шелтон закурил папиросу, - ведь и он получал доходы, за которые не расплачивался никаким трудом.

- Я приведу вам один пример, - сказал Ферран, - который показывает, чего можно добиться решительностью. Как-то раз в одном немецком городе, *etant dans la misere* {Попав в крайне бедственное положение (франц.)}, я решил обратиться к французскому консулу. Я, правда, как вы знаете, фламандец, но мне необходимо было где-то раздобыть денег. Консул отказался принять меня; тогда я сел и стал ждать. Часа через два чей-то голос проревел: "Как, эта скотина все еще здесь?" - И в комнате появляется сам консул.

"У меня ничего нет для таких, как ты, - говорит он. - А ну, убирайся отсюда!"

"Взгляните на меня, мосье, - говорю я. - На что я похож - одна кожа да кости. Я, право, очень нуждаюсь в помощи".

"Убирайся отсюда, - кричит он, - или я позову полицию!"

Я не двинулся с места. Прошел еще час, и в комнате снова появился консул.

"Ты все еще здесь? - говорит он. - Позовите полицейского".

Приходит полицейский.

"Сержант, - говорит консул, - вышвырните отсюда этого субъекта".

"Сержант, - говорю я, - этот дом - территория Франции!"

Разумеется, я сказал это с тонким расчетом: в Германии не питают особой любви к тем, кто защищает интересы французов.

"Он прав, - говорит полицейский. - Я тут ничего не могу поделывать".

"Вы отказываетесь?"

"Категорически".

И он ушел.

"Ты думаешь, что чего-нибудь добьешься, если будешь здесь торчать?" спрашивает консул.

"Мне нечего есть и пить и негде спать", - говорю я.

"Сколько тебе дать, чтобы ты ушел?"

"Десять марок".

"Держи и убирайся вон!"

- Уверяю вас, мосье, нужно иметь очень толстую кожу, чтобы жить на счет консулов, - закончил свой рассказ Ферран.

Его пожелтевшие от табака пальцы медленно вертели окурок, а губы насмешливо подергивались. Шелтон же подумал о том, как мало он знает жизнь. Кажется, не было случая, чтобы о" хоть раз лег спать с пустым желудком.

- Вы, видимо, часто голодали, - едва слышно произнес он. Ему, который всегда ел вкусно и вдоволь, голод представлялся чем-то романтичным.

Ферран усмехнулся.

- Самое большее - четыре дня подряд, - ответил он. - Вы, пожалуй, этому не поверите... Дело было в Париже, и я проиграл последние деньги на скачках. Мне должны были прислать кое-что из дому, но я все не получал перевода. Четверо суток я жил на одной

воде. Я был превосходно одет, и у меня были драгоценности, но мне даже в голову не приходило заложить их. Больше всего я страдал от мысли, что люди могут догадаться о моем бедственном положении. Сейчас вам трудно представить себе меня таким, правда?

- Сколько вам было тогда лет? - спросил Шелтон.

- Семнадцать. Забавно вспомнить, каким бываешь в эти годы.

И перед мысленным взором Шелтона сразу возникла фигура хорошо одетого юноши с нежным выразительным лицом, который без устали бродит по улицам Парижа, опасаясь, как бы окружающие не заметили, до чего он голоден. Рассказ Феррана мог служить весьма ценной иллюстрацией скудности житейского опыта Шелтона. Но Шелтон был внезапно выведен из раздумья: взглянув на Феррана, он, к своему ужасу, увидел, что по щекам молодого человека катятся слезы.

- Я слишком много страдал, - пробормотал тот. - Не все ли мне теперь равно, что со мной будет?

Шелтону стало очень не по себе: ему хотелось как-то выразить свое сочувствие, но, будучи истым англичанином, он лишь молча отвел глаза.

- Судьба еще улыбнется вам... - сказал он наконец.

- Ах, проживите такую жизнь, как я, тогда и у вас не останется ничего святого. У меня вместо сердца одни клочья. Найдите мне в этом зверинце хоть что-нибудь, чего бы стоило добиваться!

Хоть и очень растроганный, Шелтон ерзал на стуле, не зная, как быть, ибо врожденный инстинкт англичанина или какая-то болезненная сдержанность не позволяли ему выказывать свои чувства и заставляли уходить а себя, когда их проявляли другие. Такие проявления чувства он допускал на сцене или в книге, но в жизни он их не допускал.

Когда Ферран ушел, неся в каждой руке по чемодану с вещами, Шелтон сел писать Антонии.

"...Бедняга был не в силах совладать с собой и расплакался, как ребенок, но вместо того, чтобы почувствовать к нему сострадание, я словно окаменел. И чем больше мне хотелось выказать ему сочувствие, тем холоднее я становился. Что же мешает нам проявлять наши чувства - боязнь показаться смешными или назойливыми, а может быть, желание быть независимыми в своих суждениях?"

Он написал ей и о том, как Ферран предпочел четыре дня голодать, но не пошел в ломбард; а когда перечитывал письмо, прежде чем вложить его в конверт и надписать адрес, перед ним вдруг возникли лица трех женщин, какими он их видел за продолговатым столом, накрытым белоснежной скатертью: лицо Антонии, такое красивое, спокойное, раздумывавшееся от ходьбы на ветру; лицо ее матери, изборожденное морщинками, которые оставило на нем время и пребывание на свежем воздухе; лицо тетушки, пожалуй, уж слишком худое, - все они, казалось, нагнулись к нему через стол, настороженно вслушиваясь в его слова, но все же не забывая о "правилах хорошего тона", и в ушах его прозвучал их дружный возглас: "Это очень мило!" Он пошел на почту опустить письмо и заодно послал пять шиллингов маленькому цирюльнику Каролану в благодарность за то, что тот передал Феррану его записку. Однако он не указал на переводе своего адреса, - было ли это продиктовано деликатностью или же осторожностью, он и сам затруднился бы сказать. Но ему, несомненно, стало стыдно и вместе с тем приятно, когда он получил через Феррана следующий ответ:

"3, Блэнк-Роу,
Вестминстер.

Благородные люди отзывчивы! Тысяча благодарностей. Сегодня утром получил Ваш почтовый перевод. Ваше сердце для меня отныне выше всяких похвал.

Ж. Каролан".

ГЛАВА XI ВИДЕНИЕ

Через несколько дней Шелтон получил от Антонии письмо, наполнившее его радостным волнением:

"...Тетя Шарлотта чувствует себя несравненно лучше, и потому мама думает, что мы можем вернуться домой. Ура! Только она говорит, что мы с Вами должны по-прежнему соблюдать условие, о котором договорились, и не встречаться до июля. Быть так близко и в то же время находить в себе силы, чтобы не встречаться, - в этом есть какая-то прелесть... Все англичане уже уехали. И здесь стало так пусто! А люди здесь такие нелепые - все иностранцы - и какие-то скучные. Ах, Дик, как чудесно, когда есть идеал и можно к нему стремиться! Напишите мне немедленно в отель "Бруэрс" и скажите, что Вы со

мною согласны... Мы приезжаем в воскресенье, в половине восьмого, на вокзал Чэринг-Кросс; два дня проживем в отеле "Бруэрс", а во вторник отправимся в Холм-Окс...

Всегда Ваша Антония".

"Завтра! - пронеслось у него в голове. - Она приезжает завтра!" - И, позабыв о недоеденном завтраке, Шелтон выскочил на улицу, чтобы пройтись и немного успокоиться.

Близ площади, на которой он жил, начиналась одна из трущоб, какие все еще можно встретить рядом! с самыми фешенебельными кварталами, и здесь внимание Шелтона привлекла кучка любопытных, собравшихся поглазеть на дерущихся собак; Одной из них приходилось плохо, и Шелтон стал озираться по сторонам, ища глазами полисмена, ибо на улице была грязь, а он, как всякий благовоспитанный англичанин, испытывал ужас при одной мысли, что может привлечь к себе внимание даже вполне благовидным поступком. Полисмен стоял поблизости, наблюдая за тем, чтобы драка велась по всем правилам, и Шелтон попросил его вмешаться. В ответ на это полисмен заявил, что лучше бы ему не выводить на улицу такого задиристого пса, и посоветовал окатить дерущихся собак холодной водой.

- Но это вовсе не мой пес, - сказал Шелтон.

- Так чего же вы беспокоитесь? - заметил явно удивленный полисмен.

Шелтон обратился к стоявшему вокруг простонародью, прося кого-нибудь разнять собак. Но все боялись, что собаки искусают их.

- Не стал бы я, на вашем месте, ввязываться в это дело, - сказал один из них.

- Ну и дрянь же этот пес!

И Шелтону пришлось забыть о своей респектабельности; выпачкав брюки и перчатки, сломав зонтик и уронив в грязь шляпу, он сумел наконец разнять собак. Когда все было кончено, кто-то из простонародья с пристыженным видом сказал:

- Вот уж никогда бы не подумал, что вы сможете с ними справиться, сэр.

Как и все пассивные натуры, Шелтон приходил в самое сильное возбуждение, когда все уже оставалось позади.

- А чтоб вас всех! - разразился он. - Нельзя же стоять и смотреть, как гибнет собака.

И, приспособив носовой платок вместо цепочки, он зашагал прочь, ведя за собой покалеченного пса и бросая на безобидных прохожих грозные взгляды. Теперь, когда он дал выход своим чувствам, Шелтон считал себя вправе строго судить о людях, с которыми ему пришлось столкнуться на улице.

"Скоты, - думал он, - и пальцем не пошевельнут, чтобы спасти несчастное бессловесное животное... ну, а полиция..." Но, поостыв намного, Шелтон понял, что люди, несущие тяжелое бремя "честного труда", не могут рисковать целостью своих брюк или пальцев и что даже полисмен, хоть он и кажется полубогом, тоже простой смертный. Шелтон привел собаку домой и послал за ветеринаром, чтобы тот наложил ей швы.

Его уже мучили сомнения: а может быть, рискнуть и пойти на вокзал встречать Антонию? И вот, отправив слугу с собакой по адресу, указанному на ошейнике, он решил зайти к своей матери, смутно рассчитывая, что она, возможно, подскажет ему, как быть. Она жила в Кенсингтоне; Шелтон пересек Бромптон-Род и вскоре очутился среди домов, в архитектуре которых строители, казалось, запечатлели девиз: "Блюда свое достояние - жену, деньги, дом в респектабельном квартале и все блага высоконравственной жизни!"

Шелтон шел в глубоком раздумье, глядя на бесконечный ряд домов, - дом за домом, и все такие сугубо респектабельные, что даже собаки не лаяли на них. Кровь все еще бурлила в нем; иной раз прямо поражаешься, как самый незначительный случай может натолкнуть человека на размышления о самых высоких материях. Он читал как-то в своем любимом журнале статью, восхвалявшую свободу деятельности и инициативу, благодаря которым крупная буржуазия могла стать столь прекрасной основой общества, и сейчас, вспомнив об этом, иронически кивнул головой. "Да, инициатива и свобода! - думал он, глядя по сторонам. - Свобода и инициатива!"

Фасады всех домов выглядели холодно, официально; каждый из них служил убежищем владельцу, обладающему доходом" в три - пять тысяч фунтов в год, и каждый давал отпор нежелательным толкам соседей какой-то вызывающей правильностью линий. "Я горд своей прямолинейностью, во мне нет ничего лишнего, вот почему я могу

смело смотреть на мир. У человека, который проживает во мне, после уплаты подоходного налога остается ежегодно всего четыре тысячи двести пятьдесят пять фунтов". Вот что, казалось, рассказывали эти дома.

Шелтон обгонял на своем пути дам, которые в одиночку, парами или по трое направлялись в магазины за покупками или же шли на уроки рисования или кулинарии, а может быть, на медицинские курсы. Мужчин на улице почти не было, а те, что встречались, были по преимуществу полисмены. Краснощекие няньки в сопровождении великого множества мохнатых или гладкошерстных собачонок везли в колясочках в парк уже разочарованных в жизни детей.

В миссис Шелтон - крошечной женщине с добрым взглядом, розовыми щечками и вечно зябнущими ногами - можно было усмотреть нечто родственное широкому либерализму ее брата: она любила, точно кошка, греться у огня, свернувшись в кресле, и всегда рада была кому-нибудь посочувствовать, не разбирая, кому и в чем. Сына своего она встретила с восторгом, расцеловала и, по обыкновению, тотчас заговорила о его помолвке. И, слушая ее, сын впервые почувствовал легкое сомнение; точка зрения матери раздражала его, как вид платья в голубую и пунцовую полоску: все представлялось ей в слишком уж розовом свете. Ее радужный оптимизм нагонял на него грусть - так мало он вязался с доводами рассудка.

"Почему она так уверена в моем счастье? - спрашивал он себя. - Мне это кажется прямо каким-то богохульством".

- Ах, душенька! - заворковала миссис Шелтон. - Так, значит, она приезжает завтра? Ура! Я безумно хочу ее видеть!

- Но вы же знаете, мама, что мы договорились не встречаться до июля.

Миссис Шелтон покачала ножкой и, склонив, точно птичка, голову набок, посмотрела на сына сияющими глазами.

- Дик, дорогой мой, как ты, должно быть, счастлив! - воскликнула она.

Шелтон ощутил исходившие от нее волны сочувствия, которым она уже полвека одаряла всевозможные браки - и счастливые, и несчастные, и средние.

- Я думаю, мне не следует ехать на вокзал встречать ее, - мрачно сказал Шелтон.

- Не унывай! - сказала мать, и от этих ее слов сын совсем упал духом.

Эти слова "не унывай" - целительный бальзам, который помогал ей бездумно и радостно переносить все невзгоды, - казались ему столь же бессмысленными, как вино без букета.

- Как ваш ишиас? - спросил он.

- О, совсем плохо, - ответила миссис Шелтон. - Впрочем, я думаю, что все будет в порядке. Не унывай! - Она вытянула ноги и еще больше склонила набок головку.

"Удивительная женщина!" - подумал Шелтон.

И в самом деле, подобно многим своим соотечественникам, она упорно не замечала темных сторон жизни и, наслаждаясь со спокойной совестью всеми благами общепринятого жизненного уклада, сохранила душевную молодость и наивность тридцатилетней девственницы.

Шелтон ушел от нее, так и не решив, надо ли ему встречать Антонию. До самого вечера он не находил себе места.

Следующий день - день ее приезда - был воскресеньем. Еще раньше он обещал Феррану пойти с ним послушать одного проповедника, который выступал в трущобах, и, готовый ухватиться за что угодно, лишь бы избавиться от гнетущего волнения, он решил выполнить свое обещание. Этот проповедник-любитель, по словам Феррана, весьма оригинально распорядился теми деньгами, которые ему удавалось собрать: мужчинам из своей паствы он не давал ничего, некрасивым женщинам - очень мало, а хорошеньким - все остальное. Ферран сделал из этого соответствующий вывод, но ведь он был иностранец, тогда как англичанин Шелтон предпочитал думать, что проповедником руководит чисто абстрактная любовь к красоте. Говорил он, во всяком случае, так красноречиво, что, выйдя из церкви, Шелтон почувствовал тошноту.

Еще не было семи часов; чтобы как-то убить оставшиеся до приезда Антонии полчаса, Шелтон пригласил Феррана зайти в итальянский ресторанчик, заказал для него бутылку вина, а для себя чашку кофе и, закулив папиросу, продолжал сидеть молча, крепко сжав губы. Сердце у него замирало странно и сладко. Ферран, и не

подозревавший в том, что творится в душе Шелтона, спокойно пил вино, крошил в пальцах булочку и, выпуская носом дым, с явной насмешкой разглядывал ряды столиков, дешевые зеркала, люстры, ярко-красный бархат обивки. Его сочные губы, казалось, шептали: "Эх, знали бы вы, сколько грязи под этим блестящим оперением!" Шелтон с отвращением наблюдал на нем. Хотя одет он был теперь вполне прилично, ногти у него были не очень чистые, а концы пальцев желтые, словно желтизна пропитала их до самых костей. Худосочный официант, в рубашке четырехдневной давности, с жирными пятнами на одежде, стоял, перекинув через руку измятую салфетку, и, облокотившись на стойку, где красовались вазы с фруктами сомнительной свежести, читал итальянскую газету. Он устало переминался с ноги на ногу - олицетворенное переутомление! Когда же он двигался, каждый мускул в нем словно бросал упрек убогой роскоши стен. В дальнем углу залы сидела за столиком дама; в зеркале напротив отражалась ее шляпа с перьями, круглое плоское лицо, покрытое толстым слоем пудры, черные глаза; и, глядя на нее, Шелтон почувствовал непреодолимое отвращение. А его спутник пристально рассматривал ее.

- Извините, мосье, - сказал он наконец. - Мне кажется, я знаю эту даму!

И, встав из-за столика, он пересек зал, подошел к даме, поклонился и сел с ней рядом. С чисто фарисейской деликатностью Шелтон отвернулся, чтобы не смотреть в ту сторону. Но Ферран почти тотчас возвратился, а дама встала и вышла из ресторана - она плакала. Ферран весь покраснел, лицо его искривила гримаса; больше он не притрагивался к вину.

- Я был прав, - сказал он. - Это жена одного моего старого приятеля. Я хорошо знал ее когда-то.

Он был взволнован и расстроен, но человек, не столь поглощенный собственными мыслями, как Шелтон, пожалуй, уловил бы в тоне Феррана удовлетворение, словно он как гурман, любящий смаковать самые разные блюда, какие подносит ему жизнь, радовался тому, что может подать своему покровителю новое, приправленное трагедией кушанье.

- Таких, как она, сотни на ваших улицах, и, однако, ничто не заставит этих добродетельных леди, - и Ферран кивком головы указал

на пронесившийся мимо поток экипажей, - не отворачиваться при виде женщин ее сорта. Она приехала в Лондон ровно три года назад.

Год спустя один из ее мальчиков заболел горячкой, - все стали избегать ее лавку; потом заразился ее муж и вскоре умер. Вот она и осталась с двумя детьми на руках, а все ее имущество ушло на оплату долгов. Она пыталась найти работу, но никто не помог ей в этом. У нее не было денег, чтобы нанять человека для присмотра за детьми, а работой, которую она доставала у себя в доме, невозможно было прокормить их. Характер у нее не из сильных. Вот она и отдала детей на воспитание, а сама пошла на улицу. Первую неделю было очень страшно, а теперь она привыкла - ведь ко всему можно привыкнуть...

- И ей ничем нельзя помочь? - спросил потрясенный Шелтон.

- Нет, - ответил его собеседник. - Я знаю таких женщин: если уж она ступила на этот путь - все кончено. Потом они привыкают к недостатку. Тем, кто хлебнул горя, не так-то легко от этого отказаться. Она рассказала мне, что дела ее идут неплохо; детям живется хорошо, - она теперь может платить сколько нужно на их содержание и иногда навещать их. Между прочим, она из хорошей семьи; очень любила мужа и многим пожертвовала ради него. Что поделаешь! Уверяю вас, что три четверти ваших добродетельных леди поступили бы точно так же, окажись они на ее месте и обладай подходящей наружностью.

Ясно было, что Ферран расстроен этой встречей, и Шелтон понял, какую большую роль играет личное знакомство даже для такого бродяги.

- Вот тут она и дежурит, - заметил молодой иностранец, когда они проходили мимо ярко освещенного перекрестка, где по ночам скользят тени женщин и лицемеров.

Напутствуемый этим изречением о сущности христианской морали, Шелтон отправился на вокзал Чэринг-Кросс. Он стоял, с замиранием сердца ожидая прибытия поезда, и думал о том, как странно, что всего несколько минут тому назад он был в обществе какого-то бродяги.

И вот среди потока пассажиров, который хлынул из подошедшего поезда, он увидел Антонию. Она шла рядом с матерью, дававшей указания лакею; за ними следовала горничная с картонкой и носильщик с чемоданами. Антония уткнула подбородок в воротник пелерины; высокая, стройная и строгая, она резко выделялась на фоне

суетившейся вокруг толпы своим нетерпеливым и высокомерным видом. Ее глаза, несколько утомленные путешествием, внимательно смотрели по сторонам; казалось, все, что она видит, доставляет ей удовольствие; прядь волос выбилась из-под шапочки над ухом; на щеках играл легкий румянец. Внезапно она увидела Шелтона и остановилась, глядя на него, изящно, точно лань, изогнув шею; губы ее приоткрылись в сияющей улыбке, и дрожь пробежала по телу Шелтона. Да, вот она - воплощение всего, к чему он так долго стремился! Он не мог бы сказать, что скрывалось за ее улыбкой была ли то страстная тоска или что-то неуловимо-бесплотное, чистое и ледяное. Эта улыбка как бы скользила мимо него, освещая весь мрачный вокзал. В ее ослепительном блеске не было ни трепета, ни неуверенности, ни намека на ликование невесты - она излучала ровный свет, словно улыбка звезды. Но не все ли равно? Ведь главное, что Антония здесь, улыбается ему, прекрасная, как нарождающийся день! И она принадлежит ему, - совсем немного времени отделяет их от торжественной минуты. Он шагнул к ней, но она тотчас опустила глаза, и лицо ее вновь приняло надменное выражение; окруженная матерью, лакеем, горничной и носильщиком, она проследовала к экипажу, села в него и уехала.

Вот и все: она видела его, улыбнулась ему; но к его восторгу примешивалось какое-то другое чувство, и - какая жестокая шутка! - вместо ее лица перед его глазами всплыло лицо дамы из ресторана - плоское, круглое, сильно напудренное, с подведенными тушью глазами. Какое мы имеем право презирать ее и ей подобных? Разве у них есть матери, лакеи, носильщики, горничные? Он вздрогнул, но на этот раз от физического отвращения; напудренное лицо с подведенными глазами исчезло, и перед ним вновь возникла фигура девушки на вокзале - прекрасной и такой далекой.

Шелтон долго сидел за обедом, потягивал вино и мечтал, и еще долго сидел потом, курил и опять мечтал, а когда он наконец поехал домой, голова у него слегка кружилась, одурманенная вином и мечтами. Фонари, мелькающие в быстром танце, луна, как сливочный сыр, полоски яркого света на мокрой сбруе лошади, позвякивание колокольчика на кэбе, стук колес, ночной воздух и ветви деревьев - все было так прекрасно! Шелтон распахнул дверцу: ему хотелось ощутить прикосновение теплого ветерка. Он испытывал невыразимое

наслаждение при виде толпы прохожих на тротуарах, - они казались тенями, счастливыми тенями, населявшими чудесный сон, и среди этого водоворота людей стояла она, олицетворявшая для него весь мир.

ГЛАВА XII

В ХАЙД-ПАРКЕ

На следующее утро Шелтон проснулся с головной болью; ощущая какое-то непонятное беспокойство, полный надежд и глубоко несчастный, он сел на лошадь и направился в Хайд-парк.

В небе мешались самые нежные и самые яркие краски весны. Деревья и цветы, казалось, пробудились от сна, купаясь в лучах света, пробивавшихся сквозь розоватые облака. Воздух был омыт дождем, и на всех прохожих лежал отпечаток беззаботного спокойствия, словно легкомысленный вид небосвода на время рассеял все земные тревоги.

На Роттен-Роу {Дорожка для верховой езды в Хайд-парке.} было оживленно и тесно от множества верховых.

Близ ворот, выходящих на Пикадилли, внимание Шелтона привлек человек, одиноко стоявший у ограды. Прямой и тонкий, в сюртуке и коричневом котелке, лихо сдвинутом на затылок, человек этот, застывший в задумчивой позе, слегка приподняв одно плечо, столь резко выделялся среди окружающих, что где угодно бросился бы в глаза. То был Ферран, который явно дожидался часа, когда можно будет пойти позавтракать со своим покровителем. Шелтону захотелось понаблюдать за ним, оставаясь незамеченным, и, укрывшись за деревом, он придержал лошадь.

В этом месте наездники, доехав до конца дорожки, один за другим поворачивают обратно, - вот тут и стоял Ферран, птица перелетная, стоял, чуть наклонив голову набок, и смотрел, как они проезжают мимо него галопом, шагом! или рысью.

Как раз в эту минуту трое мужчин, шедших вдоль ограды, совсем одинаковым движением и с совершенно одинаковым выражением лица приподняли цилиндры, приветствуя проезжавшую наездницу, словно они испытывали огромное удовлетворение, выполняя этот старинный обычай в соответствии с последними требованиями моды.

Шелтон заметил усмешку, искривившую губы Феррана. "Большое спасибо, джентльмены! - казалось, говорила она. - Один очаровательный жест - и мне ясно, что вы собой представляете".

Что за удивительный дар у этого парня сдергивать с жизни покровы, срывать с людей личины и маски! Шелтон повернул лошадь и поскакал прочь: мысли его были полны Антонией, и ему не хотелось, чтобы кто-то развеял эти чары.

Шелтон посмотрел на небо, по которому ползли тучи, готовые вот-вот разразиться жесточайшим ливнем, как вдруг чей-то голос окликнул его сзади и, обернувшись, кого, вы думаете, он увидел? - Билл Деннант и Антония нагоняли его!

Они скакали галопом: у девушки горели щеки - как в тот день, когда она стояла на развалинах старой башни в Йере, только сейчас вся она светилась, радостью, тогда как в ту минуту в ней чувствовалось спокойствие победителя. Поравнявшись с Шелтоном, они, к великому его восторгу, не стали его обгонять, и все трое поскакали рядом по дорожке, между деревьями и оградой. Взгляд, который бросила ему Антония, казалось, говорил: "Пускай нельзя, я не желаю с этим считаться", - но сама она не сказала ни слова. Шелтон не мог оторвать от нее глаз. До чего же она хороша - эта решительная осанка, золото волос, выбившихся из-под шляпы, румянец на щеках, горящих словно от поцелуев!

- Как чудесно быть дома! Поскакали быстрее! - воскликнула она.

- Натяни-ка поводья. А то еще заберут в полицию, - с усмешкой проворчал ее братец.

Они попридержали лошадей на повороте и мелкой рысцой затрусили обратно; за все это время Антония так и не сказала ни слова Шелтону, да и Шелтон разговаривал только с Биллом Деннантом. Он боялся заговорить с Антонией, ибо знал, что она воспринимает эту случайную встречу, состоявшуюся вопреки всем запретам, совсем иначе, чем он.

Они подъехали к воротам, близ которых, прислонясь к ограде, все еще стоял Ферран, и Шелтон, успевший забыть о его существовании, был неприятно поражен, когда перед его глазами внезапно выросла эта бесстрастная фигура. Шелтон только было собрался помахать ему рукой, но вовремя заметил, что молодой иностранец, догадавшись о его чувствах, решил держаться соответственно. Они так и не обменялись приветствиями, если не считать вопроса, промелькнувшего в глазах Феррана и тотчас уступившего место полнейшей безучастности. Но Шелтон уже не ощущал той

беспричинной, бездумной радости, которая еще совсем недавно наполняла все его существо, - его раздражало молчание Антонии. Оно становилось все мучительнее, тем более, что Билл Деннант отстал, заболтавшись с приятелем, и Шелтон с Антонией были теперь одни; они ехали шагом, не говоря ни слова, даже не глядя друг на друга. Он то хотел ускакать вперед, оставив ее в одиночестве, то собирался нарушить обет молчания, который она словно бы наложила на него, и все время его не покидала неотвязная мысль: "Нужно на что-то решиться. Больше я так не выдержу!" Ее спокойствие начало действовать ему на нервы: девушка, казалось, заранее решила, как далеко она может зайти, хладнокровно наметила некий предел. В ее счастливой молодости и красоте, в ее ослепительной холодности наиболее ярко проявлялось здоровое начало, присущее девяти человекам из десяти, которых знал Шелтон. "Долго я так не выдержу", - подумал он и вдруг произнес это вслух. Услышав его голос, она нахмурила брови и пустила лошадь вскачь. Когда Шелтон догнал ее, она улыбалась, подставляя лицо дождю, который начал расходиться не на шутку. Чуть заметно кивнув Шелтону, она махнула рукой, словно отсылая его прочь, когда же он не послушался, снова нахмурила брови. В эту минуту Шелтон увидел, что их догоняет Билл Деннант, и, осознав всю нелепость своего положения, приподнял шляпу и поскакал прочь.

Теперь уже дождь лил как из ведра, и все заспешили, ища, куда бы укрыться. На повороте Шелтон оглянулся и различил вдали силуэт Антонии, она ехала не торопясь, запрокинув голову и наслаждаясь ливнем. И зачем только она догоняла его, а уж если решила догнать, то почему не воспользовалась этой минутой счастья, ниспосланной свыше? Ему казалось преступлением упустить такой случай; не доезжая до ворот, он снова оглянулся в надежде, что она сменила гнев на милость.

Раздражение его скоро прошло, но желание видеть Антонию осталось. Что могло быть прекраснее ее в ту минуту, когда она ехала, запрокинув голову, подставив лицо дождю? Она, как видно, любит дождь; он служит ей таким хорошим фоном, - гораздо лучшим, чем солнечные дали юга. Да, она англичанка до кончиков ногтей! Шелтон вернулся домой расстроенный и озадаченный. Феррана не было, и в тот день он вообще не явился.

Это послужило Шелтону лишним доказательством деликатности молодого иностранца, которая как-то уживалась в нем с цинизмом.

К вечеру Шелтон получил записку.

"Видите ли, Дик, - прочел он, - мне не следовало бы к Вам подъезжать, но я словно совсем лишилась рассудка: здесь, дома, все кажется мне таким восхитительным, - даже душный старый Лондон. Конечно, мне страшно хотелось поговорить с Вами - ведь очень многое трудно выразить на бумаге, но потом я пожалела бы об этом. Я все рассказала маме. Она считает, что я поступила совершенно правильно, но она вряд ли поняла, в чем, собственно говоря, дело. Вы, наверное, согласитесь со мной, что самое плавное в жизни - иметь идеал и так бережно охранять его, чтобы всегда было к чему стремиться, и сознавать... мне трудно выразить свою мысль".

Шелтон закурил и нахмурился. Как странно, что Антония придает куда больше значения какому-то "идеалу", чем их встрече - первой и единственной за много недель.

"Пожалуй, она права, - подумал он, - пожалуй, права. Напрасно я пытался заговорить с ней!"

Но на самом деле он вовсе не считал, что она права.

ГЛАВА XIII

В ГОСТЯХ

Во вторник утром Шелтон отправился бродить по городу и дошел до Пэддингтонского вокзала, надеясь увидеть Антонию, которая в этот день уезжала в Холм-Окс; но боязнь показаться смешным, с детства прививавшаяся ему, была так сильна, что он не решился войти в вокзал и там дожидаться приезда Антонии. Повернув назад, он с тяжелым чувством разочарования снова прошел весь путь от Прэд-стрит до Хайд-парка и, войдя за ограду, уже больше не пытался подстергать свою невесту. Днем он нанес несколько визитов, главным образом ее родне, и, выбрав в поверенные тетушку Шарлотту, с грустью поведал ей о своей встрече с Антонией на РоттенРоу. Но тетушка только сказала "как мило", а в ответ на его попытку растолковать ей свои сомнения пролепетала, что это "даже романтично, не правда ли?"

- И все же мне очень тяжело, - сказал Шелтон.

Ушел он от нее с чувством глубокой тоски.

Когда он переодевался к обеду, взгляд его упал на карточку с приглашением в гости от одной из его двоюродных сестер. Муж ее был композитор, и у Шелтона мелькнула мысль, что в доме композитора должно дышаться необычайно свободно. И вот, пообедав в клубе, он отправился в Челси. Гостей принимали в большой комнате на первом этаже; когда Шелтон вошел, в ней было уже полно народу. Гости стояли и сидели группами, с застывшими улыбками на губах, и свет ламп, прикрытых матовыми шарами, падал бликами на головы, руки, плечи. Кто-то только что исполнил на рояле собственное произведение. Человек опытный сразу сумел бы отличить среди аплодировавших гостей музыкантов-профессионалов, ибо глаза их горели и они выражали свой восторг с весьма кислой улыбкой. Их крепко спаяла между собой чисто сектантская нетерпимость, и они с таким единодушным пренебрежением передергивали плечами, словно одно из высоких окон вдруг растворилось и в комнату ворвалась струя холодного майского воздуха.

Шелтон подошел к своей двоюродной сестре - хрупкой седой даме в черном бархатном платье, отделанном венецианским кружевом. Улыбаясь лучистыми глазами, она стояла и разговаривала с ним до тех пор, пока, следуя установившемуся на подобных приемах обычаю, ей, как хозяйке дома, не пришлось прервать разговор именно в ту минуту, когда он стал интересоваться Шелтоном. Тогда Шелтон был передан на попечение другой даме, уже беседовавшей с двумя джентльменами, и так как беседа у них шла чрезвычайно оживленная, Шелтону оставалось лишь взять на себя роль наблюдателя. Он почему-то ожидал, что здесь будут обсуждать серьезные вопросы, но, прислушавшись, понял, что все занимаются сплетнями или с серьезным видом толкуют о том, куда поехать летом или где найти новую прислугу. С кофейными чашечками в руках они разбирали по косточкам своих братьев по профессии, точь-в-точь как это делали в прошлый раз его приятели из высшего света, разбирая своих братьев по "шикарному" обществу, и на всех лицах отражался блеск натертых полов, золотых рам и рояля. Шелтон с чувством глубокой тоски переходил от группы к группе.

Под японской гравюрой стоял, вытянув руку ладонью кверху, высокий, представительный мужчина; его грузное тело и тонкие ноги подрагивали в такт модуляциям вкрадчивого голоса.

- Война не есть необходимость, - говорил он. - Война не есть необходимость. Надеюсь, я достаточно ясно выражаю свои мысли. Война не есть необходимость; она вызывается разделением людей на нации, но ведь и нации не необходимы. - Он склонил голову набок. - Зачем существуют нации? Уничтожим границы, и пусть идет война в торговле. Если, к примеру, я вижу, что Франция заинтересовалась Брайтоном, - он почти совсем положил голову на плечо и улыбнулся Шелтону, - что я делаю? Говорю: "Руки прочь?". Нет. "Берите, говорю я, - берите!" - И он хитро усмехнулся. - Но вы думаете, французы взяли бы Брайтон?

Шелтон, как зачарованный, следил за его вкрадчиво-мягкими жестами.

- Солдат, - продолжал мужчина, стоявший под гравюрой, - в умственном, да, в умственном отношении, естественно, стоит на более низкой ступени, нежели филантроп. Он не так остро ощущает страдания, он вознаграждает себя за них громкой славой. Вы со мной согласны? - И он помолчал немного для большей убедительности. - Скажем - в чисто отвлеченном плане - я страдаю; но разве я говорю об этом? - Однако, заметив чей-то пристальный взгляд, устремленный на его дородную фигуру, он решил пояснить свою мысль на другом примере. - Скажем, у меня есть акр земли и корова, и у моего брата есть акр земли и корова, - разве я стремлюсь отобрать их у него?

- Но, может быть, вы слабее брата? - рискнул вставить Шелтон.

- Ах, оставьте! Взять хотя бы положение женщин: что до меня, то я считаю наши законы о браке просто варварскими!

Впервые в жизни Шелтон почувствовал уважение к этим законам; он развел руками и, опасаясь, как бы дальнейшая беседа не опровергла все его прочно устоявшиеся воззрения, поспешил присоединиться к разговору другой группы гостей. Среди них стоял, весь изогнувшись, какой-то ирландский скульптор и с жаром утверждал:

- Люди труда, черт бы их всех побрал, совсем не такие уж невежды...

А какой-то шотландский художник, с усмешкой слушавший его, очевидно, пытался доказать ложность этого утверждения, которое, по его мнению, относилось и к буржуазии. И хотя Шелтон был согласен с ирландцем!, он немного испугался его непомерной горячности. А рядом, под сенью пышной шевелюры какого-то сочинителя романсов,

две американки беседовали о чувствах, которые пробуждают в них оперы Вагнера.

- Они рождают во мне какое-то странное состояние, - сказала та, что потоньше.

- Они божественны, - сказала та, что потолще.

- Не знаю, право, можно ли назвать божественными чисто плотские вожеления, - возразила та, что потоньше, заглядывая в глаза сочинителю романсов.

Вокруг стоял гул голосов, вились клубы табачного дыма, а Шелтона неотступно преследовало ощущение, что все здесь происходящее - не более как следование определенному ритуалу. Он оказался зажатым между каким-то голландцем и прусским поэтом, но, не понимая ни того, ни другого, придал лицу возможно более умное выражение и стал раздумывать о том, что для человека свободной профессии, видимо, столь же обязательна оригинальность мнений, как для обычных людей отсутствие таковых. Он невольно спрашивал себя: а что, если все они зависят друг от друга в такой же мере, как обитатели Кенсингтона? Что, если они, подобно паровозам, совсем не смогут двигаться без этой возможности выпускать пар? Да и вообще, что от них останется, когда весь пар выйдет? Только что кончил играть скрипач, и в группе гостей, рядом с которой стоял Шелтон, тотчас заговорили об этике. Честолюбивые мечты витали в воздухе, словно стаи голодных призраков. И Шелтон вдруг понял, что мысли хороши только тогда, когда их не высказывают вслух.

Снова заиграл скрипач.

- Пребожественно! - вдруг воскликнул по-английски прусский поэт, как только умолкла скрипка. - Kolossal! Aber, wie ist er grossartig! {Великолепно! И как это мастерски исполнено! (нем.)}

- Вы читали эту книжонку Бизома? - раздался чей-то пронзительный голос позади Шелтона.

- Ох, дорогой мой! Мерзость невообразимая. Его повесить мало!

- Кошмарный человек, - еще более пронзительно продолжал все тот же голос. - Его может вылечить только извержение вулкана.

Шелтон в смятении оплянул, чтобы посмотреть, от кого исходят подобные высказывания. Он увидел двух литераторов, беседующих о третьем.

- C'est un grand naif, vous savez {Это, видите ли, страшно наивный человек (франц.)}, - произнес второй собеседник.

- О таких людях вообще не стоит говорить, - отрезал первый; его маленькие глазки горели зеленым огнем, а выражение лица было такое, словно его вечно что-то грызет.

И Шелтон, хотя и не был литератором, при виде этих глазок сразу понял, с каким наслаждением были произнесены слова: "О таких людях вообще не стоит говорить".

- Бедный Бизом! Вы знаете, что сказал Молтер...

Шелтон отвернулся, словно подошел слишком близко к человеку, от волос которого пахнет помадой; оглядев комнату, он нахмурился. За исключением его двоюродной сестры, он был здесь, как видно, единственным англичанином. Тут были американцы, евреи, ирландцы, итальянцы, немцы, шотландцы и русские. Шелтон вовсе не относился к ним с презрением только потому, что они иностранцы, - просто бог и климат сделали его немножко не таким, как они.

Но тут, как это часто бывает, его вывод был опровергнут: его представили англичанину - майору (фамилии он не разобрал) с гладко прилизанными волосами и белокуроыми усиками, с красивыми глазами и в красивейшем мундире. Майору, казалось, было немного не по себе в этом обществе. Он сразу понравился Шелтону, - отчасти потому, что тот и сам чувствовал себя здесь неважно, а отчасти потому, что военный с такой ласковой улыбкой смотрел на свою жену. И не успел Шелтон вымолвить "здравствуйте", как уже оказался вовлеченным в спор о целесообразности империи.

- Пусть так, - говорил Шелтон, - но меня возмущает ханжеское утверждение, будто мы облагодетельствовали весь мир нашими методами насаждения так называемой цивилизации.

Майор задумчиво посмотрел на него.

- А вы уверены, что это лишь ханжеское утверждение?

Шелтон понял, что его довод находится под ударом. Ведь если мы и в самом деле так думаем, разве это ханжество? Но тем не менее он спросил:

- По какому праву мы считаем себя - незначительную часть населения земного шара - образцом для всех народов мира? Если это не ханжество, то чистейшая глупость.

- Но глупость-то, как видно, неплохая, коль скоро благодаря ей мы стали такой нацией, - ответил майор, не вынимая рук из карманов, а лишь движением головы подчеркивая искренность и правильность своих суждений.

Шелтон был ошеломлен. Кругом стоял несмолкаемый гул голосов; до него донеслись слова улыбающегося пророка: "Альтруизм, альтруизм!", - и что-то в его тоне словно говорило: "Надеюсь, я произвожу хорошее впечатление!"

Шелтон посмотрел на точеную голову майора, на его ясные глаза с расходящимися от них еле заметными морщинками, на традиционные усы и позавидовал твердости убеждений, скрытых под этим безупречным пробором.

- Я бы предпочел, чтобы мы были прежде всего людьми, а уж потом англичанами, - пробормотал Шелтон. - По-моему, эти наши убеждения - своего рода иллюзии, разделяемые всей нацией, а я терпеть не могу иллюзий.

- Ну, если на то пошло, - заявил майор, - весь мир живет иллюзиями. Возьмите историю, и вы увидите, как на всем своем протяжении она только и делала, что создавала иллюзии, не так ли?

Этого Шелтон не мог отрицать.

- В таком случае, - продолжал майор (который был явно человеком высокообразованным), - коль скоро вы признаете, что движение, труд, прогресс и все прочее существуют, собственно для того, чтобы создавать эти иллюзии, что они... м-м-м... так сказать, являются... м-м-м... продуктом! непрерывного совершенствования нашего мира (эти слова он произнес очень быстро, словно стыдился их), так почему же вы хотите их уничтожить?

На минуту Шелтон задумался, потом решительно скрестил руки на груди и ответил:

- Да, конечно, прошлое сделало нас такими, какие мы есть, и его нельзя уничтожить, но что вы скажете о будущем? Не пора ли впустить к нам струю свежего воздуха? Соборы великолепны, и всякий любит запах ладана, но если столетиями не проветривать помещение, можно себе представить, какая там будет атмосфера.

Майор улыбнулся.

- Следуя вашим же собственным утверждениям, - сказал он, - вы лишь создали бы себе новые иллюзии.

- Да, - подтвердил Шелтон, - но они по крайней мере соответствовали бы потребностям настоящего.

Зрачки у майора сузились: он явно считал, что разговор становится банальным.

- Не понимаю, какой смысл всячески принижать себя, - сказал он.

Шелтон подумал, что его могут счесть фантазером, но все же сказал:

- Нужно полагаться на свой разум; я, например, никогда не могу заставить себя поверить в то, во что я не верю.

Минутой позже, крепко пожав руку Шелтона, майор простился с ним, и Шелтон долго следил, как он, пропуская жену вперед, пробирался к выходу.

- Дик, разрешите вас познакомить с мистером Уилфридом Керли, послышался сзади голос хозяйки, и молодой человек с выпуклым лбом и свежим! румянцем на щеках застенчиво пожал ему руку и пролепетал, робея:

- Очень рад. Как вы поживаете?.. Я? Да, благодарю вас, превосходно!

Теперь Шелтон вспоминал, что обратил внимание на этого молодого человека, как только вошел в комнату, - тот стоял в уголке и улыбался собственным мыслям. В нем было что-то необычное: казалось, он влюблен в жизнь, казалось, считает ее каким-то живым существом, которому можно задавать бесконечные вопросы - вопросы интересные, остроумные, самые волнующие. Он производил впечатление человека робкого, учтивого, с независимыми взглядами и, несомненно, тоже был англичанином.

- Вы умеете спорить? - спросил Шелтон, не зная, с чего начать разговор.

Молодой человек покраснел, улыбнулся, отбросил волосы со лба.

- Да... нет... право, не знаю, - ответил он. - Мне кажется, у меня голова недостаточно быстро работает, чтобы участвовать в споре. Вы ведь знаете, какую огромную работу проделывает каждая мозговая клетка. Это страшно интересно.

И, согнувшись под прямым углом, он вытянул ладонь и стал пояснять Шелтону свою мысль.

Шелтон смотрел на руку молодого человека, на выражение его лица, когда он хмурил брови или слегка ударял себя по лбу,

подыскивая нужные слова, и все это было крайне интересно. Внезапно молодой человек прервал свои рассуждения и взглянул на часы.

- Мне, кажется, пора, - проговорил он, весь залившись краской. - Я должен быть в "Берлоге" не позже одиннадцати.

- Мне тоже нужно идти, - сказал Шелтон.

И, попрощавшись с хозяйкой дома, они пошли за своими шляпами и пальто.

ГЛАВА XIV

В ВЕЧЕРНЕМ КЛУБЕ

- Могу я полюбопытствовать, что такое "Берлога"? - спросил Шелтон молодого человека, когда они вышли на улицу, где дул холодный ветер.

- Да просто вечерний клуб, - улыбнувшись, ответил его спутник. - Мы дежурируем там по очереди. Мой день - четверг. Не хотите ли зайти? Вы там увидите много интересных типов. Это совсем близко, за углом.

Шелтон с минуту поколебался и ответил:

- С удовольствием.

Они подошли к дому, стоявшему на углу мрачной улицы; дверь была открыта, и в нее только что вошли двое мужчин. Шелтон и молодой человек поднялись следом за ними по деревянной свежeweымытой лестнице и оказались в большой комнате с дощатыми стенами, где пахло опилками, газом, дешевым кофе и старым платьем. В ней был бильярдный стол, два или три деревянных столика, несколько деревянных скамей и книжный шкаф. Кругом стояли и сидели на скамьях юноши и люди постарше, из рабочих, - Шелтону показалось, что у них на редкость удрученный вид. Один читал; другой, прислонясь к стене, с разочарованным видом пил кофе; двое играли в шахматы, а четверо без конца стучали бильярдными шарами.

К вновь прибывшим, кисло улыбаясь, тотчас же подошел невысокого роста человечек в черном костюме, бледный, с тонкими губами и глубоко запавшими глазами, окруженными чернотой, - видимо, распорядитель.

- Вы что-то поздноватое сегодня, - сказал он, обращаясь к Керли, и, окинув Шелтона взглядом отшельника и аскета, спросил, не дожидаясь, пока их познакомят:

- Вы играете в шахматы? А то вон Смит ждет партнера.

Молодой человек с безжизненным лицом, который уже расположился перед засиженной мухами шахматной доской, мрачно спросил Шелтона, какими он будет играть - черными или белыми. Шелтон выбрал белые. Атмосфера добродетельности, царившая в комнате, действовала на него угнетающе.

Человечек с запавшими глазами остановился возле них в неловкой позе и принялся наблюдать за игрой.

- Вы стали лучше играть, Смит, - сказал он. - Я думаю, что вы сможете дать Бэнксу коня вперед!

И он впился в Шелтона мрачным взглядом фанатика; говорил он монотонно, в нос, страдальческим голосом и все время кусал губы, точно твердо решил всеми силами смирить плоть.

- Вы должны почаще приходить сюда, - сказал он, когда Шелтон проиграл партию. - Сможете неплохо попрактиковаться. У нас есть несколько отличных шахматистов... Вам, конечно, далеко еще до Джонса и Бартоломью, - добавил он, обращаясь к противнику Шелтона, словно считал своим долгом поставить его на место. - Вы должны почаще приходить сюда, - повторил он, вновь обращаясь к Шелтону. - Среди членов нашего клуба есть немало превосходных молодых людей. - И он не без самодовольства оглядел унылую комнату. - Сегодня у нас меньше народу, чем обычно. Где, например, Тумс и Води?

Шелтон тоже с тревогой поглядел по сторонам. Он невольно почувствовал симпатию к Тумсу и Води.

- Что-то они, мне кажется, развинулись, - заметил человечек с запавшими глазами. - Наш принцип - развлекать всех и каждого. Одну минутку: я вижу, Карпендер ничего не делает.

Он направился к мужчине, который стоял на другом конце комнаты и пил кофе, но не успел Шелтон взглянуть на своего противника, пытаясь придумать, что бы такое сказать, как маленький человечек уже снова был возле него.

- Вы что-нибудь понимаете в астрономии? - спросил он Шелтона. - У нас тут несколько человек очень интересуются астрономией. Неплохо было бы, если бы вы с ними побеседовали.

Шелтон испуганно вздрогнул.

- Ах, нет... - проговорил он. - Я...

- Я был бы рад видеть вас иногда здесь по средам: в этот день у нас бывают крайне интересные беседы, а потом богослужения. Мы все время стремимся привлекать новые силы... - Говоря это, он окинул взглядом загорелое, обветренное лицо Шелтона, словно прикидывая, много ли в нем сил. - Керли говорит, что вы недавно вернулись из кругосветного путешествия; вы могли бы сообщить нам много интересного.

- Скажите, пожалуйста, а из кого состоит ваш клуб? - спросил Шелтон.

Маленький человечек вновь принял самодовольный и блаженно-умиротворенный вид.

- О, мы принимаем всех, лишь бы человек ничем не был скомпрометирован, - ответил он. - За этим следит "Дневное общество". Конечно, мы не принимаем тех, против кого общество возражает. Вы бы пришли как-нибудь на заседание нашего комитета, мы собираемся по понедельникам, в семь часов. У нас есть и женский клуб...

- Благодарю вас, - сказал Шелтон. - Вы очень любезны.

- Мы будем очень рады, - сказал маленький человечек, и лицо его исказилось страданием. - Сегодня у нас собралась главным образом холостая молодежь, но бывают здесь и женатые люди. Конечно, мы тщательно следим за тем, чтобы это были люди действительно женатые, - поспешил он добавить, словно испугавшись, что его слова могли шокировать Шелтона, - и чтобы не было ни пьянства, ни проявления каких-либо преступных инстинктов, ну, вы сами понимаете...

- Скажите, а вы оказываете также и денежную помощь?

- О да, - ответил маленький человечек. - Если вы придете на заседание нашего комитета, то сами сможете убедиться в этом. Мы тщательнейшим образом расследуем каждый случай, стремясь отделить плевелы от пшеницы.

- Я думаю, вы находите немало плевел, - заметил Шелтон.

Маленький человечек улыбнулся скорбной улыбкой. Его монотонный голос зазвучал чуть пронзительнее.

- Как раз сегодня я вынужден был отказать одному мужчине - мужчине и женщине, совсем молодой паре с тремя малыми детьми.

Он болен и сейчас без работы, но видите ли, когда мы навели справки, выяснилось, что они не состоят в браке.

Наступила небольшая пауза; маленький человечек, не отрываясь, смотрел на свои ногти и вдруг с видимым удовольствием принялся грызть их. Шелтон слегка покраснел.

- А что же делать женщинам и детям в таких случаях? - спросил он.

В глазах маленького человечка вспыхнул огонек.

- Мы, конечно, взяли себе за правило не поощрять греха... Виноват, одну минутку: я вижу, там кончили играть на бильярде.

Он поспешил к играющим, и в тот же миг шары снова застучали. Сам он играл с притворным воодушевлением, бегал за шарами и всячески подбодрял игроков, которыми, казалось, овладело полное безразличие.

Шелтон пересек комнату и подошел к Керли. Тот сидел на скамейке, улыбаясь собственным мыслям.

- Вы еще долго пробудете здесь? - спросил Шелтон.

Керли торопливо вскочил с места.

- К сожалению, сегодня здесь нет никого из интересных людей, - сказал он.

- Что вы, совсем наоборот! - успокоил его Шелтон. - Просто у меня сегодня был довольно утомительный день, и мое настроение не соответствует атмосфере вашего клуба.

Лицо его нового знакомого озарилось улыбкой.

- Правда? Вы считаете... то есть я хочу сказать... Но он не успел закончить фразу, так как в эту минуту стук бильярдных шаров прекратился и послышался голос человечка с запавшими глазами:

- Кто хочет получить книгу, пусть напишет здесь свою фамилию. В среду, как всегда, будет молитвенное собрание. Очень прошу расходиться без шума. Я сейчас потушу свет.

Один газовый рожок погас, а другой внезапно вспыхнул ярким пламенем. Свет стал резче, и от этого унылая комната стала еще безотраднее. Посетители один за другим исчезали в дверях. Маленький человечек остался один посреди комнаты; он стоял, подняв руку к крану газового рожка, и горящими глазами одержимого глядел вслед удаляющимся членам своего клуба.

- Вам знакома эта часть Лондона? - спросил Керли Шелтона, когда они вышли на улицу. - Здесь, право, забавно; самый глухой закоулок в Лондоне, честное слово. Если хотите, я могу повести вас в такое опасное место, куда даже полиция не заглядывает.

Он, видимо, так жаждал этой чести, что Шелтону не захотелось разочаровывать его.

- Я бываю здесь довольно часто, - продолжал Керли, когда они свернули куда-то и начали подниматься по темному узкому переулку, змеившемуся между глухой стеной с одной стороны и рядом домов - с другой.

- Зачем? - спросил Шелтон. - Здесь не очень-то хорошо пахнет.

Молодой человек запрокинул голову и с такою жадностью втянул воздух, словно всякий новый запах пополнял его знание жизни.

- Да, но это-то и интересно, - сказал он. - Человек должен все знать. Вот ведь и эта тьма - презабавная штука: тут что угодно может случиться... На прошлой неделе неподалеку отсюда убили кого-то; здесь это всегда может случиться.

Шелтон в изумлении уставился на своего собеседника, но этого розовощекого юношу трудно было заподозрить в болезненном пристрастии к ужасам.

- Вот тут поблизости есть великолепная сточная канава, - продолжал юный гид. - А в этих трех домах люди мрут от тифа, как мухи. - У первого же фонарного столба молодой человек повернул к Шелтону свое младенчески серьезное лицо и кивком головы указал на дома: - Если б мы были в Ист-Энде, я показал бы вам места почище этих. Есть там один содержатель кофейни, который знает всех воров в Лондоне. Замечательно интересный тип! - добавил он, с некоторым беспокойством глядя на Шелтона. - Но я боюсь, что это место не вполне безопасно для вас. Я - другое дело: они уже стали признавать меня. И притом, как видите, взять с меня нечего.

- Боюсь, что сегодня я не смогу пойти туда с вами, - сказал Шелтон. Мне пора домой.

- Можно мне вас проводить? При звездах город выйдет преинтересно!

- Буду очень рад, - сказал Шелтон. - А вы часто посещаете этот клуб?

Его спутник снял шляпу и провел рукой по волосам.

- Видите ли, очень уж у них все чинно, - сказал он. - Я люблю бывать там, где люди едят, - на каких-нибудь пикниках на лоне природы или на школьных празднествах. Так приятно смотреть, когда люди едят. Они ведь, как правило, никогда не наедаются вдоволь, у них все идет на питание мозга и мышц, а костям-то не хватает. Есть такие места, где зимой раздают беднякам хлеб и какао. Вот туда я люблю ходить.

- Я однажды был в таком месте, - заметил Шелтон. - Но мне стало стыдно, что я туда сунулся.

- О, эти люди не обращают на вас никакого внимания: ведь большинство из них еле живы от голода. Там можно встретить замечательно интересных типов массу алкоголиков, например... Очень полезно побродить ночью по городу, заметил он, когда они проходили мимо полицейского участка. - Узнаешь куда больше, чем днем. На прошлой неделе я провел презабавную ночь в Хайд-парке вот где можно изучить человеческую природу!

- А вас это интересует? - спросил Шелтон.

Его спутник улыбнулся.

- Чрезвычайно, - ответил он. - Я видел, как один парень три раза залезал в чужие карманы.

- Ну и как же вы поступили?

- О, у меня с ним был презабавный разговор!

Шелтон вспомнил человечка с запавшими глазами, который взял себе за правило не поощрять греха.

- Это, знаете ли, был профессиональный карманник из Ноттинг-Хилла, продолжал Керли. - Он рассказал мне свою историю. Конечно, у него не было никакой возможности выбиться в люди. Но самое интересное произошло, когда я рассказал ему, что видел, как он обчищал карманы: словно вползал в погреб, не зная, что там внутри.

- Ну и...?

- Он показал мне свою добычу: всего пять с половиной пенсов.

- И что же случилось потом с вашим приятелем? - спросил Шелтон.

- Да ничего - ушел... У него был восхитительно низкий лоб.

Они подошли к дому, где жил Шелтон.

- Не зайдете ли ко мне выпить бокал вина? - предложил он.

Юноша улыбнулся, весь вспыхнул и покачал головой.

- Нет, благодарю вас, - сказал он. - Мне еще нужно дойти до Уайтчепела {Один из беднейших кварталов Лондона.}. Я теперь питаюсь одной овсянкой замечательно укрепляет кости. В конце каждого месяца я обычно неделю живу на овсянке. Это наилучшая диета, когда нет денег.

И, снова покраснев, он улыбнулся и исчез.

Шелтон поднялся к себе и сел на кровать. На душе у него было тяжело. Он печально и медленно развязывал белый галстук, и вдруг ему представилась Антония, глядящая на него широко раскрытыми, удивленными глазами. И этот взгляд был для него словно откровение: как-то утром, выйдя из окна на улицу, он увидел прохожего, который внезапно остановился и почесал ногу, тогда тоже точно молния озарила все вокруг, и Шелтон понял, что этот человек одинаково с ним думает и чувствует. А вот что на самом деле чувствует и о чем думает Антония, он никогда не узнает. "Пока я не увидел ее на вокзале, я и сам не знал, как сильно люблю ее и как мало ее знаю", - подумал он и, глубоко вздохнув, поспешил раздеться и лечь.

ГЛАВА XV

ДВА ПОЛЮСА

С каждым днем ожидание июля становилось все более невыносимым, и если бы не Ферран, который по-прежнему ежедневно приходил к нему завтракать, Шелтон бежал бы из столицы. Первого июня молодой иностранец явился позже обычного и сообщил, что, как он узнал через одного знакомого, в отеле в Фолкстоне требуется переводчик.

- Если б у меня были деньги на необходимые расходы, - сказал он, быстро перебирая желтыми пальцами пачку засаленных бумажек, словно стараясь выяснить, кто же он на самом деле такой, - я б уехал сегодня же. Ваш Лондон гнетет меня.

- А вы уверены, что получите это место? - спросил Шелтон.

- Думаю, что да, - ответил молодой иностранец. - У меня есть неплохие рекомендации.

Шелтон невольно бросил недоверчивый взгляд на бумаги, которые Ферран держал в руках. Резко очерченные губы бродяги под еле пробивающимися рыжими усиками искривились в обиженной усмешке.

- По-вашему, человек с поддельными рекомендациями - все равно что вор? Нет, нет, я никогда не стану вором: у меня было немало возможностей стать им, и тем не менее, - сказал он горделиво и горько, - это не в моем характере. Я никогда никому не причинял зла. Вот это, - и он указал на бумаги, - конечно, некрасивая штука, но вреда от нее никому не будет. Если у человека нет денег, он должен иметь рекомендации: только они и спасают его от голодной смерти. У общества зоркий глаз на слабых: оно никогда не наступает человеку на горло, пока тот окончательно не свалился.

И взгляд Феррана, устремленный на Шелтона, казалось, говорил: "Это вы сделали меня тем, что я есть, - вот и миритесь теперь с моим существованием".

- Но ведь имеются работные дома, - произнес наконец Шелтон.

- Работные дома! - воскликнул Ферран. - Да, конечно, настоящие дворцы! Я вам вот что скажу: никог4 да в жизни я не видел более безотрадных мест, чем ваши работные дома, они лишают человека всякого мужества.

- А я всегда считал, - холодно заметил Шелтон, - что наша система помощи бедным лучше, чем в других странах.

Ферран нагнулся вперед и оперся локтем о колено, - он всегда принимал эту позу, когда был особенно уверен в своей правоте.

- Что ж, - заметил он, - никому не возбраняется быть высокого мнения о собственной стране. Но, откровенно говоря, я покидал такие места крайне обессиленный и физически и морально, и вот почему. - Горькая складка у рта разгладилась, и перед Шелтоном предстал художник, рассказывающий о том, что он пережил. - Вы щедро тратите деньги, у вас прекрасные здания, исполненные чувства собственного достоинства чиновники, но вам чужд дух гостеприимства. Причина ясна: вы питаете отвращение к нуждающимся. Вы приглашаете нас в свои работные дома, а когда мы туда приходим, вы обращаетесь с нами пусть не жестоко, но так, словно мы не люди, а лишь номера, преступники, не заслуживающие даже презрения, - так, словно мы вас лично оскорбили; ну и естественно, что мы выходим оттуда совсем приниженными.

Шелтон закусил губу.

- Сколько вам нужно денег на дорогу и на то, чтобы начать новую жизнь? - спросил он.

Ферран сделал невольное движение, показавшее, какими зависимыми людьми оказываются даже самые независимые мыслители, когда у них нет ни гроша в кармане, и взял банковый билет, который протягивал ему Шелтон.

- Тысяча благодарностей, - сказал он. - Я никогда не забуду, как много вы для меня сделали.

И хотя при прощании голос Феррана звучал весело, Шелтон не мог не почувствовать, что тот и в самом деле тронут.

Шелтон еще долго стоял у окна и смотрел вслед Феррану, снова уходившему на поиски счастье; потом он оглянулся на свою уютную комнату, на множество вещей, скопившихся здесь за долгие годы, - на фотографии бесчисленных друзей, на старинные кресла и набор разноцветных трубок. С прощальным пожатием влажной руки бродяги беспокойство снова овладело Шелтоном. Нет, он не в силах дольше сидеть в Лондоне и дожидаться июля.

Шелтон взял шляпу и, не задумываясь над тем, куда идет, зашагал по направлению к реке. День был ясный, солнечный, но холодный ветер то и дело нагонял тучи, разражавшиеся проливным дождем. И вот, когда полил очередной ливень, Шелтон вдруг заметил, что находится на Блэнк-Роу.

"Интересно, как поживает тот маленький француз, которого я тогда видел здесь", - подумал он.

В хорошую погоду Шелтон, наверное, перешел бы на другую сторону улицы и прошествовал мимо, но поскольку начался дождь, он вошел и постучал в знакомое окошечко.

Все оставалось по-старому в доме Э 3 по Блэнк-Роу, все так же уныло белел каменный пол, все та же неряшливая женщина ответила на его стук. Да, Каролан всегда здесь: он никогда не выходит, точно боится нос высунуть на улицу! Маленький француз тотчас же явился на зов привратницы, словно кролик по мановению фокусника. Лицо у него было совсем желтое, цвета золотой монеты.

- Ах, это вы, мосье! - воскликнул он.

- Да, - сказал Шелтон. - Ну, как поживаете?

- Я всего пять дней как вышел из больницы, - пробормотал маленький француз, похлопывая себя по груди. - Все здешний поганый воздух наделал. Я ведь живу взаперти - все равно что в коробке; ну, а это мне вредно, потому что я южанин. Чем могу быть

вам полезен, мосье? Я с удовольствием сделаю для вас все, что в моих силах.

- Да нет, мне ничего не нужно, - ответил Шелтон. - Просто я проходил мимо и решил вас навестить.

- Пойдемте на кухню, мосье, там никого нет, Брр! Il fait un froid etonnant! {Ну и холодище! (франц.)}

- Какие же у вас теперь клиенты? - спросил Шелтон, входя в кухню.

- Да все те же, - ответил маленький француз. - Правда, сейчас их у меня не так много: ведь на дворе лето!

- Неужели вы не можете найти себе никакого более прибыльного занятия?

Парикмахер насмешливо прищурился.

- Когда я в первый раз приехал в Лондон, - сказал он, - мне удалось получить место в одном из ваших приютов. Я решил, что судьба моя устроена. И вот представьте себе, мосье, что в этом высокопочтенном заведении мне приходилось за одно пенни брить десять клиентов! Здесь, правда, они платят мне далеко не всегда; зато уж если платят, так платят по-настоящему. В вашем климате, да еще человеку *poitrinaire* {Чахоточному (франц.)}, нельзя рисковать. Здесь я и окончу свои дни. Скажите, вы видели того молодого человека, который в свое время интересовал вас? Вот вам еще один такой же! Это человек смелый, каким и я был когда-то; *il fait de la philosophie* {Он философствует (франц.)}, подобно мне, и увидите, мосье, это доконает его. В нашем мире нельзя быть смелым. Смелость губит людей.

Шелтон взглянул украдкой на маленького француза, заметил сардоническую улыбку на его желтом, полумертвом лице и, почувствовав всю несуразность слова "смелый" в применении к нему, улыбнулся с таким состраданием, что его улыбка стоила потока слез.

- Давайте посидим, - сказал он, протягивая французу портсигар.

- *Merci, monsieur* {Благодарю, мосье (франц.)}, всегда приятно выкурить хорошую папиросу. Помните старого актера, который произнес перед вами такую прочувствованную речь? Ну, так он умер. Только я и был рядом с ним, когда он умирал. *Un vrai drole!* {Настоящий чудак! (франц.)} Он тоже был смелый. И вот вы увидите, мосье, что молодой человек, которым вы интересуетесь, умрет в

больнице для бедных или в какой-нибудь дыре, а может, и просто на большой дороге; заснет как-нибудь в пути - в холодную ночь - и конец; а все потому, что некий внутренний голос протестует в нем против существующих порядков, и он всегда будет убежден, что все нужно изменить к лучшему. Il n'y a rien de plus tragique! {Нет ничего трагичнее этого! (франц.).}

- Послушать вас, так выходит, что всякий бунт обречен на провал, сказал Шелтон, которому вдруг показалось, что разговор принял чересчур личный характер.

- О, это очень сложная тема, - сказал маленький француз с поспешностью человека, для которого нет большего удовольствия, чем посидеть под навесом кафе и потолковать о жизни. - Тот, кто бунтует, большей частью вредит самому себе, да и другим не бывает от него никакой пользы. Так уж повелось. Но я обратил бы ваше внимание вот на что... - Он умолк, словно собираясь поведать о некоем важном открытии, и задумчиво выпустил дым через нос. - Если человек бунтует, то скорее всего потому, что его побуждает к этому его натура. Уж это вернее верного. Но как бы то ни было, нужно всячески стараться не сесть между двух стульев: это уж совсем непростительно, - добродушно закончил он, Шелтон подумал, что еще не видел человека, о котором можно было бы с большим основанием сказать, что он уселся между двух стульев; к тому же он безошибочно почувствовал, что от чисто теоретического протеста маленького парикмахера до действий, логически вытекающих из такого протеста, далеко, как от земли до неба.

- По натуре своей, - продолжал маленький француз, - я оптимист; потому-то я и ударился теперь в пессимизм. У меня всю жизнь были идеалы. И вот, поняв, что они для меня уже недостижимы, я стал жаловаться. Жаловаться очень приятно, мосье!

"Какие же это были у него идеалы?" - с недоумением подумал Шелтон и, не найдя ответа, только кивнул головой и снова протянул собеседнику портсигар, ибо тот, как истый южанин, уже бросил папиросу, докурив ее только до половины.

- Величайшее удовольствие в жизни - поговорить с человеком, который способен понять тебя, - с легким поклоном продолжал француз. - С тех пор как умер тот старый актер, у нас тут никого нет, с кем можно было бы поговорить по душам. Да, это был не человек, а

воплощение бунта. Бунтовать - c'était son métier; {Было его профессией (франц.).} он посвятил этому свою жизнь, подобно тому, как другие посвящают свою жизнь погоне за деньгами; а когда он утратил способность активно возмущаться, он стал пить. В последнее время это был для него единственный способ протестовать против порядков нашего Общества. Преинтересная личность - je le regrette beaucoup! {Я очень жалею о нем! (франц.).} Но, как видите, он умер в большой нужде; подле него не было ни души, некому было даже сказать ему последнее прости, - сам я, понятно, не иду в счет. Он умер пьяный, мосье. C'était un homme! {Вот это был человек! (франц.).}

Шелтон продолжал доброжелательно глядеть на маленького француза.

- Не всякий сумеет так кончить свою жизнь, - поспешил добавить парикмахер. - У человека бывают минуты слабости.

- Да, конечно, - согласился Шелтон.

Маленький парикмахер украдкой бросил на него скептический взгляд.

- Впрочем, - заметил он, - ведь это важно только для неимущих. Если есть деньги, то все эти проблемы...

Он пожал плечами. Легкая усмешка отчетливее обозначила морщинки у глаз, и он махнул рукой, словно хотел сказать, что об этом не стоит больше говорить.

Шелтону показалось, что француз отгадал его тайные мысли.

- Значит, по-вашему, недовольство свойственно лишь неимущим? - спросил он.

- Плутократ, мосье, - ответил маленький парикмахер, - отлично знает, что, попади он на эту galere {Галера (франц.). Здесь в смысле: "Стань он на этот путь".}, и ему будет хуже, чем бездомному псу.

Шелтон встал.

- Дождь прошел, - сказал он. - Надеюсь, что вы скоро поправитесь. Не откажите принять от меня вот это... в память о старом актере.

И Шелтон сунул французу соверен. Тот поклонился.

- Заходите, мосье, когда будете поблизости, я всегда счастлив видеть вас, - с жаром проговорил он,

И Шелтон ушел.

"...хуже, чем бездомному псу... - подумал он. - Что он хотел этим сказать?"

Шелтон сам почувствовал себя чем-то вроде такого бездомного пса. Еще месяц разлуки может убить всю сладость ожидания, может даже убить любовь. Его чувства и нервы были так напряжены из-за этого постоянного ожидания, что он реагировал на все слишком остро; все приобретало в его глазах преувеличенное значение, - так раздражает здоровых людей искусство, в котором слишком много жизненной правды. Самая сущность вещей обнаруживалась теперь для него со всею ясностью, подобно костям, проступающим сквозь кожу похудевшего лица: слишком уж явным было убожество невыносимо тяжелой действительности. Вдруг Шелтон увидел, что стоит перед домом своей матери, казалось, некая жажда утешения, некий инстинкт привели его в Кенсингтон. Судьбе словно нравилось перебрасывать его от одного полюса к другому.

Миссис Шелтон не выезжала из города и, хотя было первое июня, грелась у камина, протянув ноги к огню; на ее розовом личике, у глаз, были такие же морщинки, как у маленького парикмахера, только рожденные жизнерадостностью, а не духом протеста. Она заулыбалась при виде сына, и морщинки ее словно ожили.

- Мой дорогой мальчик, как чудесно, что ты приехал, - сказала она. - А как поживает наша милочка?

- Благодарю вас, отлично, - ответил Шелтон.

- Она, должно быть, такая душенька!

- Мама, - запинаясь, проговорил Шелтон, - я так больше не могу!

- Не можешь? Что не можешь, дорогой Дик? Вид у тебя очень озабоченный. Пойди сюда, сядь рядом и давай уютненько побеседуем. Не унывай. - И, склонив головку набок, миссис Шелтон с подкупающей улыбкой посмотрела на сына. А он, натолкнувшись на ее неиссякаемый оптимизм, почувствовал себя таким подавленным и несчастным, как никогда еще за все время своего испытания.

- Мама, я не могу больше ждать! - сказал он.

- Да что же случилось, мой мальчик?

- Все очень плохо!

- Плохо? - воскликнула миссис Шелтон. - Ну-ка, расскажи мне подробно!

Но Шелтон только покачал головой.

- Вы, надеюсь, не поссорились?..

Она запнулась: вопрос показался ей таким вульгарным, - его можно было бы задать разве что слуге.

- Нет, - чуть ли не со стоном ответил Шелтон.

- Знаешь, мой дорогой Дик, мне это кажется немного странным, проворковала мать.

- Я знаю, что это кажется странным.

- Послушай, ты никогда раньше не был таким, - сказала миссис Шелтон, беря его за руку.

- Да, я никогда не был таким, - с усмешкой подтвердил Шелтон.

Миссис Шелтон плотнее закуталась в индийскую шаль.

- О, мне так понятно, что ты переживаешь, - весело, с сочувствием проговорила она.

Шелтон сидел, сжав голову руками и пристально глядя на огонь - веселый и изменчивый, как лицо его матери.

- Но ведь вы так обожаете друг друга, - продолжала она. - И Антония такая прелестная девушка!

- Вы не понимаете, - угрюмо пробормотал Шелтон. - Дело не в ней... и вообще ничего не случилось - дело во мне...

Миссис Шелтон снова схватила его руку и на сей раз прижала ее к своей мягкой, теплой щеке, давно утратившей упругость молодости.

- О, я знаю! - воскликнула она. - Мне так понятно, что ты переживаешь!

Но по сияющей безмятежности ее глаз Шелтон увидел, что она решительно ничего не понимает. И надо отдать ему справедливость, он был вовсе не так глуп, чтобы пытаться что-то разъяснить ей. Миссис Шелтон вздохнула.

- Как было бы чудесно, если бы, проснувшись утром, ты посмотрел на все иначе. На твоём месте, голубчик, я прежде всего совершила бы большую прогулку, а затем отправилась бы в турецкую баню; потом я взяла и написала бы ей и все бы ей объяснила. Последуй моему совету, и сам увидишь, как все отлично уладится.

Загоревшись этой мыслью, миссис Шелтон встала и, слегка потянувшись всем своим крошечным, еще таким молодым телом, в экстазе молитвенно сложила руки.

- Дик, мой дорогой, ну сделай это! - воскликнула она. - Ты сам увидишь, как все будет чудесно!

Шелтон улыбнулся: у него не хватало духу рассеять ее иллюзии.

- И передай ей мой самый горячий привет, - продолжала она. - Скажи, что я жду не дождусь свадьбы. Ну, дорогой мой мальчик, обещай же мне, что ты так и поступишь.

Шелтон сказал:

- Я подумаю.

Миссис Шелтон, несмотря на свой ишиас, стояла выпрямившись, упираясь ножкой в каминную решетку.

- Не унывай! - воскликнула она. Глаза ее сияли; она явно наслаждалась собственным сочувствием.

Удивительная женщина! Сын не унаследовал от нее этого простодушного оптимизма, не покидавшего ее ни в радости, ни в беде.

Да, в этот день жизнь перебросила Шелтона от одного полюса к другому от француза-парикмахера, чей ум воспринимал все только критически и чьи худые пальцы трудились целый день, чтобы спасти его от голодной смерти, - к родной матери, которая готова была примириться с чем угодно, лишь бы это было представлено ей в надлежащем свете, и которая за всю свою жизнь не ударила палец о палец.

Вернувшись домой, Шелтон написал Антонии:

"Я не могу больше сидеть в Лондоне и ждать; уезжаю в Байдфорд, откуда намерен совершить небольшое путешествие пешком. Дойду до Оксфорда и побуду там до тех пор, пока мне не будет разрешено приехать в Холм-Окс. Я пришлю Вам свой адрес. Пожалуйста, пишите, как обычно".

Он собрал все фотографии Антонии - любительские групповые снимки, сделанные миссис Деннант - и спрятал их в карман охотничьей куртки. На одном из снимков Антония стояла возле своего маленького брата, который сидел на садовой ограде, свесив ноги. В ее полужакрытых глазах, в округлости ее шеи и чуть выдающемся вперед подбородке была какая-то холодная настороженность словно она охраняла сорванца, взобравшегося на высокую стену. Шелтон положил эту фотографию отдельно, чтобы смотреть на нее каждый день, утром и вечером, как люди молятся богу.

* ЧАСТЬ ВТОРАЯ *

В СЕЛЬСКОЙ АНГЛИИ

ГЛАВА XVI ЧИНОВНИК ИЗ ИНДИИ

Неделю спустя Шелтон очутился однажды утром у стен Принстаунской тюрьмы.

Он и раньше видел эту зловещую каменную клетку. Но сегодня вид мрачного здания застал его врасплох: оно так не вязалось с волшебными впечатлениями от утренней прогулки по вересковым зарослям, от древних курганов и кукования запоздалой кукушки. Шелтон свернул с панели и, спустившись в ров, пошел вдоль стен тюрьмы, разглядывая их с каким-то болезненным любопытством.

Так вот она, система, с помощью которой людей заставляют подчиняться воле общества. И тут Шелтон внезапно понял, что все идеи и правила, которыми, как им кажется, повседневно руководствуются его соотечественники-христиане, на самом деле обесмысливаются и сводятся на нет в каждой ячейке тех сот, что мы именуем Обществом. Евангельские заповеди, вроде той, что гласит "Кто из вас без греха, пусть первый бросит камень!", признаны неприменимыми в жизни, и признали их таковыми пэры и судьи, епископы и государственные деятели, торговцы и мужья - иными словами, все истинные христиане Англии.

"М-да, - подумал Шелтон, словно открыв новую истину, - чем более христианской считает себя нация, тем менее она следует принципам христианства".

Общество - это благотворительное учреждение, которое не дает ничего даром и очень мало дает за грош - да и то только из страха!

Шелтон взобрался на ограду и, усевшись на ней, принялся наблюдать за тюремным надзирателем, который медленно чистил красно-желтое яблоко. Выражение его лица с массивной нижней челюстью, манера стоять, широко расставив крепкие ноги, слегка нагнув голову, - все свидетельствовало о том, что это подлинный столп Общества. Не обращая ни малейшего внимания на пристальный взгляд Шелтона, он следил за тоненькой полоской кожуры, которая все ниже и ниже свисала с яблока, пока упругой спиралью не упала на землю, распластавшись на ней, словно игрушечная змейка. Потом он надкусил яблоко, рот у него был огромный, зубы неровные. Он явно считал себя неизмеримо выше всех окружающих. Нахмурившись, Шелтон медленно слез с ограды и пошел прочь.

Спускаясь с холма, он снова остановился, заметив группу заключенных, работавших в поле. Они медленно двигались, словно в каком-то грустном танце, а за изгородью, со всех четырех сторон окружавшей поле, расхаживали вооруженные ружьями часовые. Точно такое же зрелище можно было бы увидеть во времена Римской империи, только у часовых вместо ружей были бы копья.

Пока Шелтон стоял и смотрел на них, с ним поравнялся какой-то человек, быстро шагавший по дороге, и спросил, далеко ли до Эксетера. Его круглое лицо, продолговатые карие глаза, с интересом смотревшие на мир из-под нависших бровей, остриженные волосы и короткая шея показались Шелтону знакомыми.

- Ваша фамилия, случайно, не Крокер?

- Да ведь это Грач! - воскликнул путник, протягивая руку. - Сколько времени не встречались - с окончания университета!

Они крепко пожали друг другу руки. В университете Крокер занимал комнату как раз над Шелтоном и часто не давал ему спать по ночам, играя на гобое.

- Откуда вы свалились?

- Из Индии. Получил длительный отпуск. Послушайте, вам в эту сторону? Пойдемте вместе.

И они пошли очень быстро, с каждой минутой все ускоряя шаг.

- Куда вы так торопитесь? - спросил Шелтон.

- В Лондон.

- О, всего только в Лондон?!

- Я решил добраться туда за неделю. - Вы что ж, тренируетесь?

- Нет.

- Ну, так вы убьете себя такой ходьбой.

Крокер только усмехнулся в ответ. Выражение его глаз встревожило Шелтона: в них было вдохновенное упорство. "Все такой же мечтатель! подумал он. - Вот бедняга!"

- Ну, как же вам жилось в Индии? - спросил он.

- Да видите ли, болел чумой, - рассеянно ответил Крокер.

- Боже милостивый! - воскликнул Шелтон.

Крокер улыбнулся.

- Подхватил ее, когда работал на голоде, - сказал он.

- Так... Голод и чума! - сказал Шелтон. - Что же, вы там, видно, в самом деле считаете, что приносите какую-то пользу?

Крокер с удивлением посмотрел на него и потом скромно ответил:

- Нам очень прилично платят.

- Да, это, конечно, самое главное, - в тон ему заметил Шелтон.

Помолчав немного, Крокер спросил, глядя прямо перед собой:

- А вы что же думаете, что мы не приносим там никакой пользы?

- Я не авторитет в этом вопросе, но, говоря откровенно, полагаю, что не приносите.

Крокер, видимо, был озадачен.

- Почему же это? - резко спросил он.

Шелтону не очень хотелось излагать свои взгляды, и он промолчал.

- Почему вы считаете, что мы не приносим пользы в Индии? - повторил его приятель.

- А разве можно навязать прогресс какому-нибудь народу со стороны? грубовато спросил Шелтон.

Чиновник из Индии дружелюбно, но не без удивления посмотрел на Шелтона и заметил:

- Вы ничуть не изменились, старина!

- Ну, нет, - сказал Шелтон, - так просто вы от меня не отделаётесь. Укажите мне хотя бы один народ или даже одного человека, который бы достиг чего-то, не приложив к тому собственных усилий.

- Выходит, все мы злодеи, - проворчал Крокер.

- Вот именно, - сказал Шелтон. - Мы подчиняем себе народы, чья культура в корне отлична от нашей, и задерживаем их естественное развитие, навязывая им культуру, возникшую сообразно с нашими условиями жизни. Представьте себе, что, увидев в оранжерее тропический папоротник, вы говорите: "Мне вредна такая жара, следовательно, она должна быть вредна и папоротнику. Возьму-ка я вырью его и посажу снаружи на свежем воздухе".

- Так, значит, по-вашему, нужно отказаться от Индии? - в упор спросил чиновник.

- Я вовсе не сказал этого, но говорить, что мы приносим Индии пользу, это... гм...

Крокер сдвинул брови, стараясь уяснить себе точку зрения Шелтона.

- Ну, послушайте: стали бы мы управлять Индией, если бы это не было нам выгодно? Нет. Так вот: говорить, что мы управляем страной ради наживы, - это цинично, хотя в циничных высказываниях обычно содержится доля правды; но называть управление страной, которое приносит нам большие барыши, великой и благородной миссией - это лицемерие. Если я ударю вас под ложечку ради собственной выгоды, - ну, что ж, таков закон природы, но сказать, что это пошло вам на пользу, - на это я не способен.

- Нет, нет, - с испугом возразил Крокер. - Вы не убедите меня, что мы не приносим пользы в Индии.

- Одну минуту. Весь вопрос в том, как на это взглянуть. Вы смотрите на это как непосредственный участник событий. А вы отойдите подальше и полюбуйтесь. Вы наносите Индии удар под ложечку и заявляете, что это добродетельный поступок. Ну, а теперь поглядим, что же будет дальше: либо Индия не отдышится от вашего удара и умрет преждевременной смертью, либо она отдышится, и тогда ваш удар, то есть, я хочу сказать, ваш труд - во всяком случае, его моральное значение - окажется сведенным на нет, а ведь вы могли бы приложить свой труд там, где он не пропал бы даром.

- Разве вы не сторонник империи? - спросил не на шутку встревоженный Крокер.

- Право, не знаю, но я не разглагольствую о благах, которыми мы одеваем другие народы.

- В таком случае вы, значит, не верите ни в абстрактную правоту, ни в справедливость?

- Скажите на милость, какое отношение к Индии имеют наши понятия о правоте или справедливости?

- Если бы я думал так, как вы, - со вздохом произнес совсем приунывший Крокер, - я просто потерял бы почву под ногами,

- Несомненно. Мы всегда считаем, что лучше наших критериев на всем свете не сыщешь. Это главное, в чем мы убеждены. Почитайте речи наших политических деятелей. Ну, не удивительно ли, как они уверены в собственной правоте! Очень приятно сознавать, что своими поступками приносишь пользу и себе и другим, но ведь если подумать, так то, что здорово одному, - другому смерть! Посмотрите на природу. Но мы в Англии никогда не смотрим на природу, - мы не

чувствуем в этом потребности. Наша традиционная точка зрения помогла нам набить карманы - это самое главное.

- Знаете, старина, это ужасно зло, все, что вы говорите, - заметил Крокер с удивлением и грустью.

- Да кто угодно обозлится, глядя, как мы - фарисеи - жиреем и надуваемся, точно воздушный шар, от сознания собственной добродетели. Порою так и хочется проткнуть его булавкой - хотя бы для того, чтобы услышать шипение выходящего газа.

Шелтон сам удивлялся своей горячности; почему-то он подумал об Антонии: вот кого нельзя причислить к фарисеям!

Крокер шагал с ним рядом>, глубоко огорченный, и Шелтону стало жаль его.

- Набивать себе карманы - это еще далеко не самое главное, - снова заговорил Крокер. - Человек должен действовать, не задумываясь над тем, почему он поступает так, а не иначе.

- Скажите, а вы когда-нибудь смотрите на обратную сторону медали? спросил Шелтон. - Скорее всего - нет. Вероятно, вы начинаете действовать, не успев обдумать все до конца.

Крокер усмехнулся.

"И он тоже фарисей, - подумал Шелтон. - Только у него нет фарисейской гордости. Вот странно!"

Некоторое время они шли молча. Крокер, который, казалось, был погружен в глубокое раздумье, вдруг произнес, посмеиваясь:

- А вы непоследовательны! Вы должны бы считать что нам нужно отказаться от Индии.

Шелтон смущенно улыбнулся.

- Но почему бы нам не набивать себе карманов? Меня только возмущает, что мы произносим по этому поводу столько возвышенных слов.

Чиновник из Индии робко взял Шелтона под руку.

- Если бы я думал, как вы, - сказал он, - я бы и дня не прожил в Индии.

Шелтон ничего не ответил.

Ветер начал стихать, и над вересковыми просторами вновь разлилось очарование утра. Путники приближались к границе возделанных полей. Шел шестой час, когда, спустившись со

скалистых холмов, они очутились в залитой солнцем долине Монклэнд.

- Тут написано... - сказал Крокер, заглядывая в путеводитель, - тут написано, что это на редкость уединенное место.

Кругом и в самом деле никого не было, и приятели уселись под старой липой, не доходя деревни. Дымок из трубок, истома, разлитая в воздухе, теплые испарения, поднимающиеся от земли, неумолчное жужжание насекомых нагоняли на Шелтона дремоту.

- А помните, - спросил его спутник, - помните ваши словесные бои с Бусгейтом и Хэлидомом по воскресеньям вечером у меня в комнате? Кстати, как поживает старина Хэлидом?

- Женился, - сказал Шелтон.

Крокер вздохнул.

- А вы? - спросил он,

- Нет еще, - угрюмо ответил Шелтон. - Я... помолвлен.

Крокер взял его за руку повыше локтя и, крепко сжав ее, что-то буркнул. Для Шелтона это было самым приятным из всех полученных им поздравлений: в нем чувствовалась зависть.

- Я хотел бы жениться, пока я еще здесь, на родине, - сказал чиновник из Индии после долгого молчания. Он полулежал на траве, слегка склонив голову набок и широко раскинув ноги; руки его были глубоко засунуты в карманы, по лицу блуждала рассеянная улыбка.

Солнце скрылось за скалистой вершиной одного из холмов, но от земли продолжало подниматься тепло, и воздух был напоен пряным ароматом шиповника, который стоял весь в цвету у ближайшего коттеджа. Время от времени на сходящихся здесь дорожках появлялись местные жители: они не торопясь проходили мимо, поглядывая на незнакомых людей и обсуждая свежие новости, и исчезали в домиках, разбросанных по склону холма. Где-то вдали часы пробили семь, и майский жук, гудя, закружил под тенистой липой. Все дышало сладкой дремой и покоем. Мягкий воздух, медлительные голоса, тени и шорохи, запах дыма от только что зажженных очагов - все говорило о безмятежной жизни и домашнем тепле. Мир, что лежал за пределами этой долины, отодвинулся куда-то далеко-далеко. Этот укромный уголок был так типичен для островной страны, тут люди тихо появлялись на свет, мужали и без

шума сходили в могилу; тут, как подсолнухи на солнце, расцветало довольство.

Шелтон взглянул на Крокера: шляпа у него съехала на затылок, он клевал носом. Близ такой же деревни находилась, должно быть, усадьба, где родился этот Крокер; со временем он поселится в одном из тысячи подобных домов, и ни чума, ни борьба с голодом не оставят на нем и следа; ничто не затронет ни его миропонимания, ни предрассудков, ни принципов; он ни в чем не изменится от общения с народом чужой страны, от знакомства с другими условиями жизни, неизвестными дотопе чувствами и странными для него суждениями!

Майский жук с шумом ударился о плечо Шелтона и, гудя, полетел дальше. Крокер очнулся и, повернувшись к Шелтону, приветливо спросил, подтолкнув его в бок:

- О чем это вы задумались, Грач?

ГЛАВА XVII

ПРИХОДСКИЙ СВЯЩЕННИК

Шелтон продолжал путешествие вместе со своим товарищем по университету; в среду вечером, через четыре дня после их встречи, они подошли к деревне Дауденхем. Весь день они шагали среди пастбищ, по дороге, окаймленной густыми зелеными изгородями и высокими тенистыми вязами. Раза два, нарушая однообразие пути, они сворачивали на тропинку, идущую вдоль канала, который лениво дремал в зеленых берегах, задыхаясь от водяных лилий и глянцевиных листьев кувшинок. Природа, настроенная в этот день иронически, набросила плотный серый покров на мягкие краски пышного ландшафта. С самого утра и до наступления темноты далекое небо оставалось все таким же свинцовым; холодный ветер ерошил верхушки живых изгородей, и вязы в ознобе покачивали ветвями. Коровы - пестрые, пятнистые, рыжие, белые - щипали траву с видом глубокого недовольства своей судьбой. На лугу, сбегавшем к каналу, Шелтон заметил пять сорок, и часов в пять начался дождь - упорный, холодно плумящийся над путниками дождь; впрочем, Крокер, взглянув на небо, заявил, что он мигом! пройдет. Но дождь не прошел мигом, и приятели вскоре вымокли до нитки. Шелтон устал, и его раздражало, что Крокер, который тоже устал, с каждой минутой становился все веселее и оживленнее. Мысли Шелтона то и дело возвращались к Феррану. "Эта наша прогулка, - думал он, - должно быть, похожа на

его скитания - идешь все вперед и вперед, несмотря на смертельную усталость, пока какой-нибудь добрый человек не накормит ужином и не приютит на ночь". И он угрюмо продолжал шлепать по грязи, поглядывая время от времени на раздражающе бодрого Крокера, который стер ногу и теперь сильно хромал. Внезапно Шелтону пришло в голову, что жизнь для трех четвертей населения земного шара состоит в каждодневном труде до полного изнеможения, и у людей этих нет выбора, ибо стоит им по какой-то не зависящей от них причине выбиться из колеи и перестать работать до полного изнеможения, как они вынуждены будут просить милостыню или голодать.

- А мы, кто даже не понимает, что значит "изнеможение", называем их "лентяями и бездельниками", - вдруг произнес вслух Шелтон.

Было девять часов, и уже совсем* стемнело, когда они добрались до Дауденхема. На улице, по которой они шли, не было заметно никаких признаков гостиницы; обсуждая, где бы им переночевать, они миновали церковь с четырехугольной колокольней и рядом с ней увидели дом - по всей вероятности, жилище священника. Крокер остановился.

- А что, если мы спросим его, где бы нам переночевать? - предложил он, облакачиваясь на калитку, и, не дожидаясь ответа Шелтона, позвонил.

Дверь отворил сам священник - гладко выбритый мужчина без кровинки в лице, чьи впалые щеки и худые руки свидетельствовали о постоянной борьбе с лишениями. Его серые глаза аскета глядели доброжелательно, тонкие губы были чуть тронуты подобием улыбки.

- Чем могу быть полезен? - спросил он. - Гостиница? Да, тут есть одна "Голубые шахматы", только она, вероятно, уже закрыта. Они там рано ложатся, как положено добрым христианам.

В глазах его появилось задумчивое выражение: казалось, он, как заботливый пастырь, размышлял о том, куда бы поместить этих промокших овец.

- Вы, случайно, не питомцы Оксфорда? - спросил он так, словно ответ на этот вопрос мог разрешить проблему их ночлега. - Колледж святой Марии? Да неужели? А я из колледжа святого Павла. Моя фамилия Лэдимен, Биллингтон Лэдимен; возможно, вы помните моего

младшего брата. Я могу предложить вам комнату здесь, у себя, если вы сумеете обойтись без простынь. Я на два дня отпустил экономку, и она, по глупости, захватила с собой ключи.

Шелтон с радостью согласился, решив, что тон священника вполне естествен для человека его профессии и вовсе не свидетельствует о высокомерии.

- Вы, я думаю, проголодались за день ходьбы. Боюсь, у меня в доме... м-м... ничего не найдется, кроме хлеба. Я мог бы вскипятить вам воды: горячая вода с лимонным соком все же лучше, чем ничего.

Он провел их в кухню, разжег там огонь и поставил чайник; потом он вышел, чтобы они могли снять промокшую одежду, и вскоре вернулся, неся старые, порыжевшие пиджаки, ковровые ночные туфли и одеяла. Путники переоделись и, налив себе по стакану кипятку, последовали за хозяином в его кабинет, где, судя по разложенным на столе книгам, он перед их приходом готовил свою проповедь при слабом свете лампы.

- Мы причинили вам бездну хлопот, - сказал Шелтон. - Вы, право, очень любезны.

- Ну, что вы, - ответил священник. - Мне только жаль, что в доме ничего нет.

Такая бедность особенно поражала при воспоминании о плодородии тучных полей, мимо которых путники проходили днем; голос священника, вылетающий из бескровных губ, звучал трагически, хотя он и не сетовал на горькую судьбу. Голос этот был какой-то особенный; казалось, что его обладатель знаком и с богатством и с красотой, но глубоко презирает пошлую потребность в деньгах, тогда как глаза - бесцветные глаза аскета - говорили яснее слов: "О, как бы я хотел сам испытать, что значит возможность хотя бы раз в год истратить лишний фунт или два!"

Все тут было куплено по дешевке; никакой роскоши, - недоставало даже самого необходимого. Комната была унылая и пустая; потолок потрескался, обои выцвели, и лишь книги, аккуратно расставленные на полках, выделялись среди этого запустения плянцевитой кожей своих корешков с тисненым на них гербом.

- Мой предшественник привел дом в плачевное состояние, - сказал священник. - Мне говорили, правда, что бедняге приходилось очень туго. К несчастью, в наши дни, когда приходы приносят так

мало, трудно ожидать чего-то другого. А он был человек женатый, имел большую семью...

Крокер, уже успевший выпить дымящийся напиток, сидел в своем кресле, улыбаясь, и клевал носом; вид у него был довольно забавный: он наглухо застегнул черный пиджак и, завернув ноги в одеяло, протянул их к слабому пламени только что зажженного в камине огня. Шелтон же совсем перестал чувствовать усталость; необычная обстановка давала пищу его мозгу; он украдкой разглядывал убогое жилище, и все - комната, священник, мебель, даже сам огонь - вызывало в нем такое чувство, словно он видел перед собою ноги, торчащие из коротких, не по росту брюк. Но Шелтон догадывался, что под окружающей его скудостью скрывается что-то другое - что-то возвышенное и сугубо отвлеченное, что исключало всякую возможность участливых расспросов. И, повинувшись овладевшему им нервному возбуждению, он вдруг воскликнул:

- Зачем только священники обзаводятся такими большими семьями!

Легкая краска проступила на щеках хозяина, - ее появление было неожиданным и странным; в это время Крокер хмыкнул, как хмыкает человек, который задремал, но не хочет этого показывать.

- Да, это, конечно, приводит к печальным последствиям, - пробормотал священник, - в большинстве случаев.

Шелтон хотел было переменить тему разговора, но в эту минуту злополучный Крокер вдруг всхрапнул. Будучи человеком действия, он уже крепко спал.

- Большая семья, - поспешно произнес Шелтон, увидев, как взметнулись вверх брови священника, когда он услышал храп, - это, можно сказать, почти преступление.

- Да как же это может быть преступлением?

Шелтон почувствовал, что ему нужно чем-то подкрепить свою мысль.

- Право, не знаю, - сказал он, - только уж очень много слышишь о таких семьях - я имею в виду семьи священников. У меня самого два родных дяди...

На лице священника появилось новое выражение: он плотнее сжал губы, чуть выставив вперед подбородок. "Ну, прямо настоящий мул!" - подумал Шелтон. Глаза священника тоже изменились: они

стали более серыми, колючими и чем-то похожими на глаза попугая. Шелтону теперь совсем не нравилось его лицо.

- Я думаю, что в этом вопросе мы с вами, пожалуй, не поймем друг друга.

Шелтону стало стыдно.

- Впрочем, мне, в свою очередь, хотелось бы задать вам один вопрос, сказал священник, как бы снисходя до Шелтона и показывая, что он готов продолжать разговор на затронутые им низменные темы.

- Чем же вы оправдываете брак, если не тем, что он диктуется законами природы?

- Я говорю просто то, что думаю.

- Дорогой мой сэръ, вы забываете, что материнство для женщины величайшее счастье.

- По-моему, подобное удовольствие должно порядком надоедать, если оно слишком часто повторяется. Материнство есть материнство, сколько бы у матери ни было детей - один или дюжина.

- Боюсь, - нетерпеливо возразил священник, не отступая, однако, от низменной темы, затронутой его гостем, - что, следуя вашей теории, трудно было бы заселить мир.

- А вы когда-нибудь жили в Лондоне? - вместо ответа спросил Шелтон. Когда я бываю там, мне всегда кажется, что мы вообще не имеем права иметь детей.

- По-моему, вы упускаете из виду наш долг перед страной, - удивительно владея собой, заметил священник и с такой силой сжал ручку кресла, что суставы пальцев у него хрустнули. - Прирост населения - вопрос первостепенной важности!

- На этот счет возможны две точки зрения. Все зависит от того, какой вы хотите видеть вашу страну.

- Не знал я, что на этот счет могут быть разные взгляды, - заметил священник и улыбнулся улыбкой фанатика.

Чем больше священник пытался навязать Шелтону свое мнение, тем больше в Шелтоне нарастало вполне естественное чувство противоречия, и он спорил, уже позабыв о существовании вопроса, над которым до сих пор едва ли задумывался.

- Быть может, я и ошибаюсь, - сказал он, не отрывая глаз от одеяла, в которое были завернуты его ноги, - но, по-моему, вопрос о

том, хорошо ли стране иметь такое население, что она не в состоянии прокормить себя, можно считать по меньшей мере спорным.

- Вы случайно не принадлежите к числу сторонников Малой Англии? спросил священник, чье лицо вновь обрело прежнюю бледность.

Фраза эта оказала на Шелтона своеобразное действие; повинувшись инстинктивному нежеланию разбираться в своих политических симпатиях, он поспешно ответил:

- Конечно, нет!

А священник, чтобы закрепить за собой победу, безоговорочным тоном заявил, переводя разговор в возвышенный план, более близкий его сердцу:

- Вы, несомненно, согласитесь, что ваша теория безнравственна в самой своей основе. Она, если хотите, сумасбродна, я бы сказал даже, греховна.

- Почему же прямо не сказать "истерична, нездорова"? - с жаром воскликнул Шелтон: его бесила собственная бесчестность. - Кажется, так называют все, что противоречит общепринятому мнению.

- Что ж, - заметил священник, словно пытаюсь взглядом подчинить Шелтона своей воле, - должен сказать, что ваши идеи в самом деле кажутся мне и сумасбродными и нездоровыми. Люди для того и вступают в брак, чтобы иметь детей.

Шелтон поклонялся, но это не вызвало улыбки у его собеседника.

- Мы живем в беспокойное время, - продолжал священник, - и меня огорчает, что человек с вашим положением способствует распространению таких взглядов.

- Эти правила высокой морали изобрели те, кому от них ни жарко, ни холодно, а потом навязали их тем, кто от них плачет горькими слезами, сказал Шелтон.

- Никто не изобретал этих правил, - сурово возразил священник. - Они заповеданы нам свыше.

- Ах, да! Прошу прощения, - сказал Шелтон.

Он чуть не забыл, у кого он в гостях. "Этот священник непременно хочет навязать мне свои взгляды", - подумал он. Ему показалось, что священник стал еще больше похож на мула, в его голосе стало еще больше высокомерия, глаза загорелись еще более властным огнем. Одержат победу в этом споре казалось теперь чем-

то очень важным, тогда как на самом деле это не имело никакого значения. Но одно действительно было важно: ясно, что никогда и ни в чем эти два человека не смогут достигнуть согласия.

В эту минуту Крокер вдруг перестал храпеть, голова его упала на грудь, и вместо храпа послышалось свое образное посвистывание.

Шелтон и священник одновременно взглянули на спящего, и вид его отрезвил их.

- Ваш приятель, видимо, очень устал, - сказал священник.

Шелтон сразу забыл про свою досаду: их хозяин вдруг показался ему таким трогательным - в мешковатой одежде, худой, со впалыми щеками и немного красным носом, который говорил о том, что его обладатель иногда прикладывает к спиртному. А ведь в конечном счете он добрейший человек!

Добрейший человек поднялся и, заложив руки за спину, подошел к гаснущему камину. Века неоспоримой власти церкви стояли за его спиной. То, что у каминной доски отбиты края и очаг заржавел, что каминные щипцы погнуты и поломаны, а манжеты у священника обтрепались, - все это чистейшая случайность!

- Я не хочу навязывать вам свое мнение, - сказал он, - но вы, мне кажется, не правы прежде всего потому, что ваши идеи порождают у женщин легкомысленное отношение к семейной жизни, и такая точка зрения преобладает сейчас в нашем обществе.

Шелтону тотчас вспомнилась Антония - ее ясные глаза, едва заметные веснушки на нежной, розовой коже, белокурые волосы, собранные в узел на затылке; слово "легкомыслие" было просто неприменимо к ней. И те женщины, которых он видел на улицах Лондона, - женщины, еле бредущие с двумя или тремя детьми, женщины, согнувшиеся под тяжестью детей, которых им не с кем оставить, женщины, которые продолжают работать, несмотря на беременность, истощенные женщины, необеспеченные женщины его собственного класса с дюжиной детей - все эти жертвы святости брака, - разве к ним применим эпитет "легкомысленные"!

- Не для того нам дарована жизнь, чтобы... - Упражняться в остроумии? подсказал Шелтон.

- Удовлетворять свои беспутные желания, - строго поправил его священник.

- Все это, сэр, быть может, было хорошо для предшествующего поколения, но сейчас население нашей страны резко увеличилось. Не понимаю, почему мы не можем сами решать эти вопросы.

- Подобный взгляд на нравственность мне просто непонятен, - заявил священник, глядя с бледной улыбкой на Крокера.

Тот продолжал посвистывать во сне, - только свист у него стал громче и разнообразнее.

- Больше всего меня возмущает то, что мы, мужчины, решаем, какая жизнь должна быть у женщин, и называем их безнравственными, истеричками лишь потому, что они не разделяют наших взглядов.

- Я думаю, мистер Шелтон, что мы вполне можем предоставить решение этих вопросов богу, - сказал священник.

Шелтон промолчал.

- Следуя воле божьей, именно мужчины, а не женщины, всегда устанавливали мерилу нравственности. Ведь мы разумный пол!

- Вы хотите сказать, что мы большие ханжи? Да, я согласен, - "е сдавался Шелтон.

- Ну, это уж слишком! - начиная сердиться, воскликнул священник.

- Прошу прощения, сэр, но разве можно ожидать, чтобы современные женщины оставались верны взглядам наших бабушек? Ведь мы, мужчины, своей предприимчивостью создали совсем новые условия существования, а женщин мы ради собственного удобства пытаемся удержать в прежнем положении. Как правило, именно те мужчины, которые больше всего заботятся о собственном удобстве, - в пылу спора Шелтон даже не заметил, какой насмешкой прозвучало слово "удобство" в этой комнате, - готовы обвинять женщин в том, что они отступают от старой морали.

Священник еле сдерживал желание желчно ответить Шелтону.

- Старая мораль! Новая мораль! - сказал он. - Какая нелепость!

- Извините, но, я полагаю, мы говорим об общепринятой морали. Что же касается истинной нравственности, то из миллиона людей вряд ли хотя бы один достоин судить о ней.

Священник слегка прищурился.

- Я полагаю, - сказал он сдавленным голосом, словно рассчитывая, что это придаст его словам больший вес, - каждый

образованный человек, который искренне старается служить господу, имеет право смиренно, повторяю, смиренно, притязать на звание человека высоконравственного.

Шелтон уже собрался было сказать что-то резкое, но вовремя сдержался. "Ну что это я, - подумал он. - Точно какая-нибудь баба, всеми силами добиваюсь, чтобы последнее слово осталось за мной".

В эту минуту откуда-то послышалось жалобное мяуканье, и священник направился к двери.

- Одну минутку, боюсь, что это какая-нибудь из моих кошек мокнет под дождем.

Вскоре он вернулся с мокрой кошкой на руках.

- Вот ведь все время выбегают на улицу, - сказал он Шелтону, и на худом лице его, покрасневшем оттого, что он нагибался, появилась улыбка.

Он рассеянно гладил мокрую кошку, и капля влаги медленно стекала у него по носу.

- Бедная киска, бедная киска! - повторял он.

Надтреснутый голос, произнесший эти слова с почти бесчеловечным высокомерием, и мягкая улыбка, в которой воплотилась вся человеческая доброта, преследовали Шелтона, пока он не заснул.

ГЛАВА XVIII

В ОКСФОРДЕ

Последние лучи заходящего солнца играли на крышах домов, когда путники вступили на Хай-стрит - величественную улицу, священную для каждого, кто учится в Оксфорде. Шумной толпе в студенческих мантиях и четырехугольных шапочках был столь же чужд дух подлинной науки, казалось, витавшей над шпилями зданий, как догматы церкви чужды духу истинного христианства.

- Зайдем в Гриннинг? - спросил Шелтон, когда они проходили мимо клуба.

В эту минуту из дверей вышли двое элегантных молодых людей в белых костюмах, и приятели невольно окинули себя критическим взглядом.

- Идите, если вам хочется, - с усмешкой сказал Крокер.

Шелтон покачал головой.

Никогда еще он не испытывал такой любви к этому старому городу. Оксфорд давно ушел из его жизни, но все здесь было дорого и мило сердцу Шелтона; даже атмосфера обособленности не возмущала его. Исполненный величия прошлых веков, оплетенный золотой паутиной славных традиций, пробуждающий целый ряд ярких воспоминаний, город дурманил Шелтона, как духи любимой женщины. Проходя мимо ворот одного из колледжей, приятели заглянули внутрь, посмотрели на холодный, серый, вымощенный камнем двор и на ящик с ярко-красными цветами в одном из окон; кругом царила тишина и таинственное спокойствие замкнутой жизни, - казалось, перед молодыми людьми приоткрылась дверь в освященное годами прошлое. Бледный юноша в студенческой шапочке внимательно разглядывал доску объявлений, задрав кверху прыщеватое лицо с неправильным носом, придерживая рукой потертую мантию. Привратник колледжа рослый румяный мужчина с маленьким ртом - почтительно стоял у дверей своего домика. Живое олицетворение раз навсегда установленного порядка, он, казалось, существовал для того, чтобы придавать больше благопристойности бесчисленному множеству студенческих грешков. Взгляд его голубых глаз остановился на путниках. Эти глаза словно говорили: "Я не знаю вас, сэры, но, если вы хотите побеседовать, я рад буду выслушать все, что вы имеете сказать!"

К стене был прислонен велосипед с теннисной ракеткой, привязанной к рулю. Рядом бульдог, отчаянно сопя, тряс головой, но большая, окованная железом дверь, к которой он был привязан, даже не дрогнула. Сквозь эту узкую щель веками вливался внутрь человеческий металл - вливался, принимал определенную форму и уже в виде готового литья возвращался обратно.

- Пойдем, - сказал Шелтон.

Они вошли в "Голову епископа" и пообедали в том самом зале, где Шелтон, выиграв на скачках, устроил когда-то обед для двадцати четырех благовоспитанных юношей; на стене все еще висела картина, изображающая скаковую лошадь, в которую один из них запустил тогда бокалом, но промахнулся и попал в официанта; а вот и сам официант - подает рыбный салат Крокеру. По окончании обеда Шелтону снова, как в былое время, захотелось со вздохом подняться из-за стола; снова потянуло побродить по улицам рука об руку с

каким-нибудь приятелем; снова пробудилась жажда дерзать, совершать что-то доблестное и незаконное; снова стало казаться, что он избранный среди избранных и учится в лучшем колледже лучшей в этом лучшем из миров страны. Улицы, притихшие и умиротворенные в лучах заходящего солнца, словно приветствовали эту послеобеденную прогулку; квадратный двор колледжа, где когда* то учился Шелтон, - величественная смесь церковной старины и современности - был долгие годы средоточием его мира, точкой, где сходились все его помыслы до поступления в университет; да и после тень этих серых стен ложилась на все, что бы он ни делал. И вот теперь, при виде этого двора, все сомнения Шелтона сразу улеглись и появилась уверенность в собственной значительности и безопасности. Садовая ограда, чьи высокие зубцы он так часто украшал пустыми бутылками, не пробудила в нем никаких чувств. И вид лестницы, где он однажды швырнул бараньей ногой в бестактного, надоедливового наставника, тоже не вызвал у него угрызений совести. Наверху этой лестницы расположены комнаты, где он зубрил до одури перед последними экзаменами, следуя системе, по которой студент разогревает свои знания зубрежкой, к моменту экзамена доводит их до кипения, а потом дает им навсегда остыть. Перед Шелтоном возникло лицо его репетитора - человека с пронзительным взглядом, который всю неделю без передышки поставлял знания, а по воскресеньям уезжал в Лондон.

Приятели миновали лестницу, которая вела в комнату их наставника.

- Интересно, вспомнит ли нас малыш Тэрл, - сказал Крокер. - Я с удовольствием повидал бы его. Может, зайдём?

- Малыш Тэрл? - задумчиво переспросил Шелтон.

Поднявшись наверх, они постучали в массивную дверь.

- Войдите, - послышалось изнутри.

То был голос самого сна.

В мягком розовом кресле сидел небольшой человек с розовым лицом и огромными красными ушами, - казалось, он прирос к этому креслу.

- Что вам угодно? - спросил он, часто моргая.

- Вы меня не помните, сэр?

- Боже мой! Да неужели это Крокер? Вас прямо не узнаешь с такой бородой!

Крокер усмехнулся, вспомнив, что не брился с самого начала своих странствий.

- Вы помните Шелтона, сэр?

- Шелтона? Ну, конечно! Здравствуйте, Шелтон! Садитесь, возьмите сигару.

Скрестив толстые ножки, маленький джентльмен оглядел своих посетителей сонным взглядом, точно хотел сказать: "И зачем это, собственно говоря, вы пришли и разбудили меня?"

Шелтон с Крокером взяли себе по стулу; они тоже, по-видимому, думали: "Правда, зачем это мы пришли и разбудили его?" И так как Шелтон не мог ответить на этот вопрос, он поспешил укрыться за дымом своей сигары. Стены, обшитые панелями, были увешаны изображениями памятников греческого искусства; мягкий пушистый ковер нежил усталые ноги Шелтона; богатые корешки множества книг поблескивали в свете керосиновых ламп - словом, вся эта атмосфера высокой культуры вместе с запахом табачного дыма начинала действовать на Шелтона; он лишь смутно понимал, о чем Крокер любезно беседовал с хозяином, который, моргая, глядел на них из-за огромной пенковой трубки, - и лицо его при этом до смешного напоминало луну. Внезапно дверь распахнулась, и в комнату, широко шагая, вошел высокий мужчина с большими карими глазами и румяным насмешливым лицом.

- О, я, кажется, нехстати, Тэрл! - сказал он, окидывая надменным взором комнату.

Маленький толстяк заморгал чаще прежнего и пробормотал:

- Ничуть, Берримен; берите стул, присаживайтесь. Вновь пришедший, которого хозяин назвал Беррименом, сел и тотчас уставился на стену своими красивыми карими глазами.

Шелтон, смутно помнивший этого преподавателя, поклонился, но тот улыбался своим мыслям и не заметил приветствия.

- Сейчас придут Триммер с Уошером, - сказал Берримен; не успел он договорить, как дверь отворилась и в комнату вошли названные джентльмены.

Одинакового роста, но совсем разные, они держались чуть фамильярно, чуть высокомерно, словно снисходительно разрешали

миру существовать. Яркие пятна румянца горели на широких скулах того, которого звали Триммер; щеки у него были землисто-серые, а губы довольно пухлые, и это делало его похожим на паука. Уошер был худой и бледный, с застывшей на лице вежливой улыбкой.

Маленький толстяк повел рукой, в которой держал трубку.

- Крекер, Шелтон, - представил он.

Наступило неловкое молчание.

Шелтон изо всех сил старался придумать хоть какую-нибудь умную тему для разговора, но сознание, что ни одна мысль не будет здесь воспринята серьезно, парализовало его мозг, и потому он продолжал молчать, глядя на тлеющий кончик своей сигары. Ему казалось неудобным навязывать этим джентльменам свое присутствие, не объяснив предварительно, кто он и что собой представляет; и он было поднялся, собираясь уходить, когда Уошер внезапно заговорил:

- "Госпожа Бовари"! - насмешливо прочитал он название книги, лежавшей на этажерке, и, поднеся ее ближе к своим мутным глазам, повторил, словно это было что-то очень забавное: - "Госпожа Бовари"!

- Неужели вы в состоянии читать такие вещи, Тэрл? - спросил Берримен.

Как и следовало ожидать, название знаменитого романа разом пробудило его к жизни; он не спеша подошел к полкам, взял какую-то книгу, раскрыл и стал читать, шагая взад-вперед по комнате.

- Хм... Берримен, - послышалось сзади; это сказал Триммер, сидевший спиной к камину, зажав в кулаки полы мантии. - Ведь это же классическое сочинение! - продолжал он примирительным тоном.

- Классическое! - воскликнул Берримен, вперив в Шелтона пронизывающий взгляд. - Да этого писателю следовало бы висеть кнутом за такую порнографию!

В душе Шелтона тотчас вспыхнуло чувство враждебности; он взглянул на маленького хозяина, но тот лишь чаще замигал глазами.

- Берримен просто хочет сказать, - с ехидной усмешкой пояснил Уошер, что автор не принадлежит к числу его любимцев.

- Да перестаньте вы, ради бога, а то Берримен сейчас усядется на своего конька! - внезапно проворчал маленький толстяк.

Берримен поставил книгу обратно на полку и взял другую. Он был просто неподражаем в своей саркастической рассеянности.

- А как, по-вашему, мог бы написать такую вещь человек, который воспитывался в Итоне? Зачем нам знать все это? Писатель должен быть человеком спортивным и джентльменом!

И он снова с высоты своего величия посмотрел на Шелтона, словно приготовившись выслушать его возражения.

- А вы не... - начал было Шелтон.

Но Берримен уже снова уставился на стену.

- Мне, право, все равно, что чувствует падшая женщина, - сказал он. Меня это не интересует.

Триммер попытался сгладить неприятное впечатление:

- Весь вопрос в моральных критериях - и только. Он сидел, расставив ноги, словно ножки циркуля, и

зажав в руках полы мантии, - это придавало ему необычайное сходство с весами. Снисходительно улыбаясь, он оглядывал присутствующих, как бы заклиная их не высказываться слишком резко. "Ведь мы же светские люди, казалось, говорил он. - Мы знаем, что все на свете ерунда. Таков дух времени. Почему бы нам не уделить этому внимания?"

- Я правильно вас понял, Берримен, что вам не нравятся пикантные книги? - все с той же ехидной улыбкой спросил Уошер.

Услышав этот вопрос, маленький толстяк хихикнул и часто-часто замигал, как бы говоря: "Право, нет ничего приятнее, как читать такую книгу в холодную погоду у горящего камина".

Берримен, сделав вид, будто не заметил дерзкого вопроса Уошера, продолжал шагать по комнате, погруженный в изучение книги.

- Мне нечего сказать тем, кто болтает, будто искусство все оправдывает, - изрек он наконец, останавливаясь перед Шелтоном и глядя на него сверху вниз, словно только что заметил его. - Я называю вещи своими именами.

Шелтон ничего не сказал на это, ибо не знал, обращается ли Берримен к нему или же ко всем присутствующим. А Берримен продолжал:

- Да разве нам интересно знать, что чувствует мещанка, наделенная склонностью к пороку? Ну, скажите, к чему это? Ни один человек, который привык ежедневно принимать ванну, не выбрал бы такого сюжета.

- Итак, вы добрались до вопроса... гм.... о сюжетах, - весело прогудел Триммер, плотнее закутываясь в мантию. - Дорогой мой, искусство, если это настоящее искусство, оправдывает любой сюжет.

- Искусство - это Гомер, Сервантес, Шекспир, Оссиан, - прокрипел Берримен, ставя на место вторую книгу и беря третью. - А куча мусора - это всякие неумытые господа.

Раздался смех. Шелтон оглядел всех по очереди. За исключением Крекера, который дремал, глупо улыбаясь во сне, все остальные выпядили так, словно они и представить себе не могли, что какая-нибудь тема способна тронуть их сердца; словно все они держались в море жизни на таком крепком) якоре, что волны житейских невзгод могли лишь раздражать их своею дерзостью. Возможно, Триммер заметил некий блеск в глазах Шелтона, и это заставило его снова ринуться на выручку.

- У французов, - сказал он, - совсем иной взгляд на литературу, так же как и на честь. Все это очень условно.

Но что он хотел этим сказать, Шелтон так и не понял.

- Честь, - сказал Уошер. - l'honneur {Честь (франц.)}, die Ehre {Честь (нем.)}, дуэли, неверные жены...

Он явно собирался еще что-то прибавить, но не успел, так как в эту минуту маленький толстяк вынул изо рта свою пенковую трубку и, держа ее дрожащими пальцами на расстоянии двух дюймов от подбородка, пробормотал:

- Поосторожней, друзья, Берримен ужасно строг в вопросах чести.

Он дважды мигнул и снова сунул трубку в рот.

Не положив третью книгу на полку, Берримен взял четвертую; он стоял, выпятив грудь, словно собирался использовать книги в качестве гимнастических гирь.

- Совершенно верно, - заметил Триммер, - замена дуэлей судами - явление весьма...

Шелтон был уверен, что Триммер и сам не знал, хотел ли он сказать "значительное" или "незначительное". К счастью, Берримен перебил его:

- Мне суды не указ: если какой-нибудь субъект сбежит с моей женой, я разможжу ему голову.

- Тише, тише! - остановил его Триммер, судорожно хватаясь за полы мантии.

Внезапная мысль осенила Шелтона. "Если твоя жена обманет тебя, подумал он, поймав взгляд Триммера, - ты промолчишь об этом, но будешь вечно грозить ей скандалом".

Уошер провел рукой по бледным щекам, на губах его играла неизменная улыбка; казалось, он непрерывно занят сочинением какой-то эпитафии.

Теоретик, собиравшийся разmozжить голову будущему сопернику, потянулся всем телом и поднял книги на уровень плеч, словно собираясь закидать ими и собеседников, чтобы привить им уважение к своим взглядам. Лицо его побледнело, красивые глаза стали еще красивее, по губам скользнула усмешка. Больно было смотреть на этого человека, сочетавшего в себе черты "сильного" мужчины с чертами студента, все теории которого должны были неизбежно рассыпаться в прах, стоило только нанести ему удар посильнее.

- Да, что касается прощания неверных жен и тому подобных пустостей, сказал он, - так я не сторонник сантиментов.

Говорил он насмешливо, пронзительным голосом. Шелтон быстро оглядел присутствующих. Лица всех дышали самодовольством. Шелтон покраснел и вдруг произнес тихо и отчетливо:

- Это и видно!

И тут же понял, что никогда еще не производил подобного впечатления, да и впредь едва ли когда-нибудь произведет, - люта я ненависть, вспыхнувшая во взглядах, яснее ясного говорила об этом. Впрочем, она тотчас сменилась вежливой, насмешливой снисходительностью, свойственной хорошо воспитанным людям. Крокер в волнении поднялся с места; ему, видимо, было не по себе, и он явно обрадовался, когда Шелтон встал вслед за ним и пожал руку маленькому толстяку, который, задыхаясь от табачного дыма, пожелал им спокойной ночи.

- Кто они такие, эти ваши небритые друзья? - услышал Шелтон, закрывая за собой дверь.

ГЛАВА XIX

СЛУЧАЙ НА УЛИЦЕ

- Одиннадцать часов, - сказал Крокер, когда они вышли из колледжа. Мне еще не хочется спать. Может, пройдемся немного по Хай-стрит?

Шелтон согласился; он был все еще под впечатлением встречи с преподавателями и не замечал усталости и боли в ногах. К тому же это был последний день его странствий, ибо он не изменил своего намерения пробыть в Оксфорде до начала июля.

- Мы называем это место средоточием знаний, - сказал он, когда они проходили мимо огромного белого здания, безмолвно царившего над окружающей тьмой. - Но мне кажется, оно столь же мало заслуживает своего названия, как и наше общество, которое называют "средоточием истинного благородства".

Крокер лишь проворчал что-то в ответ; он смотрел на звезды, подсчитывая, может быть, сколько ему потребуется времени, чтобы добраться до неба.

- Нет, - продолжал Шелтон, - у нас тут слишком много здравого смысла, чтобы чрезмерно напрягать свой ум. Мы знаем, когда и где следует остановиться. Мы накапливаем сведения о вымерших племенах и вызубриваем все греческие глаголы, ну, а что касается познания жизни или самих себя, то... Те же, кто в самом деле стремятся к знанию, - люди совсем иного рода. Они пробивают себе путь во тьме, не ведая усталости, не жалея сил. Таких мы здесь не воспитываем!

- Как славно пахнут липы! - сказал Крокер.

Он остановился возле какого-то сада и взял Шелтона за пуговицу. Глаза у него были грустные, как у собаки. Казалось, он хочет что-то сказать, но боится обидеть собеседника.

- Нам внушают, что здесь учат быть джентльменами, - продолжал Шелтон. Но один какой-нибудь случай, который потрясет человека до глубины души, гораздо скорее научит этому, нежели долгие годы пребывания здесь.

- Гм! - буркнул Крокер, крутя пуговицу Шелтона. - Те, кто считался лучшим из лучших здесь, оказывались и впоследствии лучшими из лучших.

- Надеюсь, что нет, - угрюмо сказал Шелтон. - Я, например, был снобом, когда тут учился. Я верил всему, что мне говорили, всему, что

делало жизнь приятной. А что представляла собой наша компания? Ничего, кроме...

Крокер улыбнулся в темноте: он считался тогда чересчур эксцентричным, чтобы принадлежать к компании Шелтона.

- Да, вы всегда выделялись среди ваших приятелей, старина, - сказал он.

Шелтон отвернулся, вдыхая аромат цветущих лип. В воображении его проносились картины прошлого. Но лица старых друзей как-то странно перемешались с лицами тех, с кем он встречался совсем недавно: девушка в поезде, Ферран, женщина с крупным, плоским, густо напудренным лицом, маленький парикмахер и много других, а над всеми, словно чем-то связанное с каждым из них, витало загадочное лицо Антонии. Запах цветущих лип окутывал его своей чарующей сладостью. На улице приглушенно, но отчетливо звучали шаги прохожих, и ветер доносил слова песенки:

Ведь он же славный малый!

Ведь он же славный малый!

Ведь он же славный ма-алый!

Мы все так говорим!

- А все же, - сказал он вдруг, - славные они были ребята!

- Я тогда считал, что некоторые из них чересчур зазнаются, - задумчиво проговорил Крокер.

Шелтон рассмеялся.

- Сейчас мне глубоко противен этот наш снобизм и себялюбие, - сказал он. - Противен этот городок, весь обернутый в вату, весь такой чертовски комфортабельный...

Крокер покачал головой.

- Это чудесный старый город, - сказал он, остановив наконец взгляд на башмаках Шелтона, и прибавил запинаясь: - Знаете, старина, по-моему, вы... вам следовало бы поостеречься!

- Поостеречься? Чего?

Крокер судорожно стиснул его руку.

- Да не беситесь, старина, - сказал он. - Я хочу сказать, что вы, похоже, мм... глубоко заблуждаетесь.

- Глубоко заблуждаюсь? Вы хотите сказать, что я наконец стою на правильном пути?

Крокер ничего не ответил, на лице его отразилось разочарование. Что же все-таки он хотел сказать? Злорадное чувство, что приятель потерял из-за него душевный покой, смешалось в сердце Шелтона со смутным презрением! и смутной жалостью. Крокер первый прервал молчание.

- Я думаю, не пройти ли мне еще немного сегодня ночью, - сказал он, - я чувствую себя вполне бодрым. Вы в самом деле хотите расстаться со мной здесь, Грач?

В голосе его звучала тревога, словно он боялся, что Шелтон может упустить нечто очень хорошее. Но у Шелтона тотчас заболели ноги: они горели, как в огне.

- Да, - сказал он. - Вы ведь знаете, почему я здесь остаюсь.

Крокер кивнул.

- Ваша невеста живет тут поблизости? Ну что ж, здесь я с вами распрощаюсь. Мне хотелось бы пройти сегодня еще миль десять.

- Дорогой мой, но ведь вы устали и хромаете!

Крокер ухмыльнулся.

- Нет, - сказал он, - я хочу еще пошагать сегодня. Увидимся в Лондоне. До свидания!

Крепко пожав Шелтону руку, он повернулся и, прихрамывая, пошел дальше.

- Не будьте же идиотом! - крикнул ему вслед Шелтон. - Вы совсем выбьетесь из сил.

Вместо ответа Крокер лишь оглянулся - в темноте белым пятном мелькнуло его круглое лицо - и помахал палкой.

Шелтон медленно побрел дальше; взойдя на мост, он облокотился на перила и стал смотреть вниз, на масляные пятна от света фонарей, отражавшегося в темной воде, под деревьями. Ему было хорошо и грустно. В голове его теснились самые разнообразные мысли - и мятежные и сладостные. Вспомнилось, как пять лет назад они с Антонией возвращались с реки лужайками Крайстчерча: он до сих пор ощущал все запахи этого летнего дня, аромат своей любви. Скоро она станет его женой. Его женой! Внезапно перед ним возникли лица университетских преподавателей. Ведь и у них, возможно, есть жены - толстые или тощие, строптивые или покладистые! Впрочем, все эти господа, несмотря на внешнее различие, в сущности, очень похожи друг на друга. Но в чем же заключается это сходство? В

нетерпимости, порожденной убеждением, что они единственные носители культуры. А честь? Вот странный предмет для обсуждения! Честь! Что это за честь, которая вызывает столько шума и так настоятельно заявляет о своих правах? Шелтон усмехнулся. "Можно подумать, что если человеку сделали больно, то страдает прежде всего его честь!" мелькнула у него мысль. И он медленно пошел по пустынной гулкой улице в "Голову епископа", где он снял номер.

Утром он получил телеграмму:

"Осталось тридцать миль восемнадцать часов пятка болит, но иду бодро. Крокер".

Шелтон прожил две недели в "Голове епископа", дожидаясь конца своего искуса, но, казалось, конец этот никогда не наступит. Мучительнее всего было сознание, что Антония, которая живет так близко, столь же далека от него, как если бы она жила на другой планете. Каждый день он брал ялик и спускался вниз по реке до Холм-Окса, надеясь встретить Антонию; но дом Деннантов стоял в двух милях от реки, и шансов увидеть Антонию было очень мало. За все это время она ни разу не приходила на берег. Проведя таким образом полдня, Шелтон с чувством странного облегчения возвращался, изо всех сил налегая на весла, так как грести приходилось против течения, садился за обед, с аппетитом съедал его и, закурив сигару, предавался мечтам. Каждое утро он просыпался возбужденный, с жадностью проплатывал письмо Антонии - если получал его - и тотчас принимался за ответ. Его письма были самым удивительным из всего, что он делал в эти две недели: ни в одном из них он не выразил и намек на те мысли, которые волновали его, но зато наполнил их чувствами, которых на самом деле вовсе не испытывал; и потому, пытаясь анализировать написанное, Шелтон приходил в исступление, - его так пугала и возмущала собственная неискренность, что он бросал перо. Шелтон обнаружил, что на свете нет двух людей, которые делились бы друг с другом всеми своими мыслями без остатка; разве что в минуты близости, с которыми так трудно было связать холодные голубые глаза Антонии и ее ослепительную улыбку. Все вокруг слишком много думают о соблюдении приличий.

Снедаемый тоской и любовью, Шелтон лишь смутно ощущал шум и суету традиционного университетского праздника, как всегда собравшего в Оксфорде сотни людей для поглощения лосося с

майонезом и дешевого шампанского. Готовясь к посещению Холм-Окса, он сбрил бороду и выписал себе из Лондона кое-какие вещи. Вместе с ними ему прислали письмо от Феррана, которое гласило:

"Отель "Королевский павлин",

Фолкстон. 20 июня.

Дорогой сэръ!

Простите, что до сих пор не писал Вам, но я так издергался, что не имел ни малейшего желания писать; когда будет время, я расскажу Вам презабавные вещи. Я вновь столкнулся с демоном неудачи, который подстерегает каждый мой шаг. Весь день и почти всю ночь я занят на работе, приносящей мне уйму хлопот и почти никакой выгоды, и потому я лишен возможности присматривать за своими вещами. В мою комнату забрались воры и обобрали меня до нитки, оставив один пустой чемодан. Теперь я снова почти раздет и прямо не знаю, к кому обратиться, чтобы раздобыть денег и одеться, как того требуют выполняемые мною обязанности. Видите, до чего мне не везет! Счастье только раз улыбнулось мне со времени приезда в Вашу страну: это было, когда я повстречал такого человека, как Вы. Простите, что не пишу Вам больше. Надеюсь, Вы находитесь в добром здравии.

Крепко жму руку.

Остаюсь преданный Вам Луи Ферран".

Эти строки вновь вызвали у Шелтона ощущение, что его добротой злоупотребляют, но он тотчас устыдился своих мыслей и, не откладывая, написал следующий ответ:

"Гостиница "Голова епископа",

Оксфорд. 25 июня.

Дорогой Ферран!

Крайне опечален Вашими злоключениями. Я очень надеялся, что на сей раз Ваша жизнь сложится удачнее. Высылаю почтой четыре фунта. Пишите, всегда буду рад получить от Вас весточку.

Искренне Ваш Ричард Шелтон".

Он отправил письмо, испытывая чувство удовлетворения, какое обычно ощущает человек, благородно исполнивший свой долг.

За три дня до наступления июля с Шелтоном произошел один из тех неприятных случаев, от которых застрахованы люди, живущие

спокойно и заботящиеся лишь о сохранности своего имущества и репутации.

Вечер был невыносимо жаркий, и Шелтон вышел с сигарой побродить по городу; на улице к нему подошла какая-то женщина и заговорила с ним. Он понял, что это одна из тех женщин, которых мужчины обрекли служить им забавой, - сочувствовать таким считается сентиментальным. Лицо у нее было красное, голос хриплый; в ней не было ничего привлекательного, кроме фигуры, подчеркнутой безвкусным нарядом. Развязный тон, одутловатые щеки и запах пачули, исходивший от нее, вызвали у Шелтона отвращение. Он вздрогнул, когда она дотронулась до его руки, и, отшатнувшись, ускорил шаг. Но она продолжала идти следом, тяжело дыша, и ему вдруг стало жаль эту женщину, которая, задыхаясь, так гналась за ним.

"Ведь я могу хотя бы сказать ей что-то", - подумал он и, остановившись, произнес с состраданием, но сурово:

- Это невозможно!

И хотя она улыбалась, он понял по ее разочарованному взгляду, что она не будет настаивать.

- Весьма сожалею, - добавил он.

Она пробормотала что-то. Шелтон покачал головой.

- Весьма сожалею, - повторил он. - До свидания!

Женщина прикусила губу.

- До свидания, - глухо сказала она.

Дойдя до угла, Шелтон обернулся. Женщина неуклюже бежала по улице; откуда-то сзади появился полисмен и крепко схватил ее за локоть.

Сердце Шелтона тревожно забилося. "Боже! - подумал он. - Что же мне теперь делать?" Его первым побуждением было уйти и забыть об этом, поступить так, как поступил бы на его месте любой порядочный человек, который не имеет ни малейшего желания впутываться в подобную историю.

И все же Шелтон повернул обратно и, пройдя немного, остановился шагах в десяти от них.

- Спросите у этого джентльмена! Он сам заговорил со мной, - утверждала женщина хриплым голосом, в котором! Шелтон, несмотря на резкость тона, почувствовал страх.

- Ладно, ладно, - возразил полисмен, - знаем мы эти басни!

- Чтоб черт побрал вашу полицию! - со слезами в голосе закричала женщина. - Вы что, одни только есть хотите? Надо же и мне чем-то жить!

Шелтон с минуту стоял в нерешительности, но, заметив выражение ее испуганного лица, подошел к ним. Тут полисмен обернулся, и, увидев его бледное лицо со злыми глазами и тяжелой челюстью, словно перерезанной ремешком шлема, Шелтон почувствовал отвращение и в то же время страх, точно он очутился лицом к лицу со всем, что презирал и ненавидел и чего смутно боялся. Казалось, перед ним стояло холодное, уверенное в своей правоте воплощение закона и порядка, что поддерживает сильных и попирает слабых, воплощение самодовольства и подлости, против которых могут протестовать лишь избранники с чистой душой. И самым странным было то, что этот человек всего лишь выполнял свой долг. Шелтон провел языком по пересохшим губам.

- Надеюсь, вы не собираетесь отдать ее под суд? - спросил он.

- А почему бы и нет? - в тон ему спросил полисмен.

- Послушайте, констэбль, вы ошибаетесь. Полисмен вынул записную книжку.

- Ах, вот что, ошибаюсь? Прошу назвать ваше имя и адрес: мы должны сообщать о таких вещах.

- Конечно, пожалуйста, - с раздражением сказал Шелтон и назвал свое имя и адрес. - Но я первый заговорил с ней.

- Может быть, вы зайдете завтра утром в суд и повторите это? - Дерзко сказал полисмен.

Шелтон посмотрел на него, стараясь вложить в свой взгляд как можно больше силы.

- Смотрите, поосторожнее, констэбль! - сказал он, но слова эти даже ему самому показались жалкими.

- Мы тут не для шуток поставлены, - угрожающе заметил полисмен.

Не найдясь, что ответить, Шелтон только повторил:

- Смотрите, поосторожнее, констэбль!

- Вы джентльмен, а я только полицейский, - сказал блюститель порядка. У вас деньги, а у меня власть.

И, схватив женщину за локоть, он повел ее за собой.

Шелтон повернулся и пошел прочь.

Он зашел в Гриннинг-клуб и бросился на диван. Он не чувствовал ни жалости к женщине, ни особой злости на полисмена, а лишь недовольство собой.

"Что же я должен был сделать? - думал он. - Ведь этот негодяй действовал вполне законно".

Он сидел, пристально разглядывая картины на стенах, и в душе его росло отвращение. "Тот или иной из нас, - думал он, - но ведь мы виноваты в том, что эти женщины ведут такую жизнь. А толкнув их на это, мы не можем обойтись без них, - не только не можем, но и не хотим, и вместе с тем мы преследуем их с помощью закона и гоним их на улицу, а потом... мы хватаем их и бросаем в тюрьму. Ха! Прекрасно... великолепно! Хватаем их и бросаем в тюрьму! А сами сидим и возмущаемся. Но что же мы делаем? Ничего! Наша система - самая высокоморальная из всех существующих в мире систем. Мы пользуемся всеми ее выгодами, не запачкав даже края своей одежды, - страдают только женщины. Да и почему бы им не пострадать? Ведь женщина - низшее существо!"

Шелтон закурил папиросу и велел слуге подать вина.

"Пойду в суд", - решил он, но тут ему внезапно пришло в голову, что это происшествие непременно попадет в местные газеты. Репортеры, конечно, не упустят случая расписать такой пикантный эпизод: "Джентльмен против полисмена!" И Шелтон представил себе, с каким серьезным видом будет читать это отец Антонин, добропорядочный мировой судья. Во всяком случае, кто-нибудь непременно увидит его имя в газете и постарается рассказать об этом, - ну разве можно пропустить такую новость! И тут Шелтон вдруг с ужасом понял: если он хочет помочь этой женщине, ему придется подтвердить на суде, что он первый заговорил с нею.

"Я должен пойти в суд", - все снова и снова повторял он, точно стараясь убедить себя, что он не трус.

Полночи он провел без сна, тщетно пытаясь решиться на что-то.

"Но я же не заговаривал с ней, - твердил он себе. - Мне придется солгать; а ведь меня приведут к присяге!"

Он пытался убедить себя, что ложь противоречит его принципам, но в глубине души знал, что может и солгать, если только будет уверен в безнаказанности своего поступка, - более того, это казалось ему актом элементарной человечности.

"Но почему я должен страдать? - думал он. - Я ничего не сделал. Это же и неразумно, и несправедливо".

Шелтон возненавидел несчастную женщину, из-за которой он сейчас так мучился и колебался. Стоило ему принять то или иное решение, как перед ним, словно кошмар, вставало лицо полисмена с мутными глазами деспота, и он тотчас ударялся в другую крайность. Наконец он уснул, твердо решив пойти в суд, а там - будь что будет!

Проснулся он с чувством какого-то смутного беспокойства. "Ну, какую я смогу принести пользу, если даже и пойду в суд? - подумал он, лежа неподвижно и вспоминая события минувшего вечера. - Они, конечно, поверят полисмену, а я только понапрасну очерню себя..." И в душе его снова началась борьба, только уже не столь ожесточенная, как накануне. Дело было вовсе не в том, что подумают другие, и даже не в том, что ему, возможно, придется покривить душой (все это он отлично понимал), - дело было в Антонии. Он не имел права ставить себя в столь ложное положение, - это было бы некрасиво, более того - непорядочно по отношению к ней.

Шелтон отправился завтракать. В зале сидело несколько американцев; одна девушка была немного похожа на Антонию. Ночное происшествие постепенно изглаживалось из памяти Шелтона, теперь оно уже не казалось таким важным.

Два часа спустя, взглянув на часы, Шелтон обнаружил, что наступило время второго завтрака. Он не пошел в суд, не стал клятвопреступником; зато он написал письмо в местную газету, в котором заявил, что общество подвергает себя серьезной опасности, веря в непогрешимость полиции и потому наделяя ее слишком широкими полномочиями; что всякое слово этих чиновников, поставленных на страже закона и порядка, обычно принимается на веру; что полицейские всегда стоят друг за друга как из общности интересов, так и из своеобразного *esprit de corps*! {Дух кастовой сплоченности! (франц.).} "Разве не разумно предположить, - писал Шелтон, - что среди тысяч людей, наделенных столь широкими полномочиями, могут найтись мерзавцы, которые постараются использовать эти полномочия, чтобы продвинуться по службе, играя на беззащитности обездоленных и трусости тех, кому есть что терять? Те, на ком лежит священная обязанность подбирать людей на такие должности, где человек фактически ни за что не несет

ответственности, обязаны во имя свободы и гуманности выполнять этот долг в высшей степени вдумчиво и осторожно..."

Хоть все это и было правильно, тем не менее Шелтон в глубине души был недоволен собой, - его преследовала мысль, что куда лучше было бы смело и прямо совершить клятвопреступление, чем написать это письмо в газету.

Он так и не увидел свое письмо напечатанным, поскольку в нем содержались зародыши горькой правды.

После завтрака Шелтон нанял верховую лошадь и поехал за город. Напряженное состояние, в котором он находился все это время, прошло, и он чувствовал себя, как человек, выздоравливающий после тяжелой болезни; при этом он тщательно воздерживался от чтения местных газет. Но что-то в нем возмущалось недолговечностью его благородного порыва.

ГЛАВА XX ХОЛМ-ОКС

Холм-Окс стоял не очень далеко от дороги; это был старинный помещичий дом, при постройке которого думали не о красоте, а о том, чтобы он, как заботливая мать, был возможно ближе к амбарам, конюшням и окруженным высокими стенами садам; дом был красный, длинный, с плоской крышей и окнами в стиле эпохи королевы Анны; на ромбовидных стеклах, прочерченных белыми переплетами, играло солнце.

Перед домом, окаймляя продолговатую зеленую лужайку между дорогой и посыпанной гравием аллеей, росли вязы - самые почтенные на свете деревья, в которых гнездились грачи - самая консервативная из всех существующих на свете птиц. Огромная осина - чувствительное творение природы - тряслась и дрожала немного поодаль, как бы извиняясь за свое появление в столь невозмутимо спокойном обществе. Порой ее посещала кукушка, которая прилетала раз в год, чтобы поиздеваться над прочным укладом! жизни, но она редко задерживалась надолго, так как мальчишки, выведенные из себя ее непостоянством, принимались швырять в нее камнями.

Деревенька, приютившаяся в лощине, еще не избавилась от страха перед автомобилями. Эта группа однообразных коттеджей с остроконечными крышами была постоянно овеяна запахом сена, навоза и роз, а сейчас к этим запахам, простого, смиренного

существования примешивался аромат цветущей липы. За ложиной возвышалась церковь с квадратной колокольней, хранившая в своих серых стенах летопись жизни деревенской паствы - перечень рождений, смертей и свадеб, даже рождений незаконных детей, даже смертей самоубийц и, казалось, протянувшая над головами простых смертных невидимую руку господскому дому. Благопристойные и чинные, эти две крыши привлекали к себе взоры и, словно сговорившись затмить все вокруг, заслоняли собой более скромные постройки.

Июльское солнце светило прямо в лицо Шелтону всю дорогу от Оксфорда до Холм-Окса, и все же он был очень бледен, когда, пройдя по аллее, подошел к дому и позвонил.

- Миссис Деннант дома, Добсон? - спросил он степенного дворецкого в ливрее - старого слугу, считавшего, что до полудня дворецкий непременно должен носить цветные штаны, чтобы его не спутали с лакеем.

- Миссис Деннант, - отвечал сей почтенный муж, поднимая голову, и на его круглом безбородом лице появилось любезно-виноватое выражение, какое бывает у слуг, долго проживших в хорошей семье, - миссис Деннант ушла в деревню, сэр, но мисс Антония в угловой гостиной.

Шелтон пересек низкий холл, отделанный деревянными панелями, с окном в глубине, сквозь которое виднелась мирная зеленая лужайка. Поднявшись по шести широким низким ступеням, он остановился. Из-за двери до него доносились приглушенные звуки гамм; Шелтон стоял, весь во власти охватившего его волнения, сердце его стучало так громко, что в ушах шумело, и он почти не слышал рояля. С застывшей на лице улыбкой он тихо повернул ручку двери.

Антония сидела за роялем; голова ее слегка покачивалась в такт движению пальцев, а изящные ступни мерно двигались, нажимая на педали. Она, как видно, только что играла в теннис: на стуле валялись небрежно брошенные ракетка и берет. На ней была синяя юбка и кремовая блузка без воротника. Лицо ее покраснелось, брови были чуть нахмурены; пальцы быстро бегали по клавишам, и она наклонялась то в одну, то в другую сторону, отчего шелк рукавов то натягивался, то повисал свободными складками.

Шелтон стоял и смотрел, не отрывая глаз, на ее губы, беззвучно отсчитывающие такт, на пышный ореол белокурых волос, на темные брови, сбегаящие к переносице, на нежные щеки с еле заметной синевой под глазами, голубыми и прозрачными, как лед, на чуть заостренный подбородок без ямочки на это далекое и такое милое, чуть тронутое загаром и холодно-безмятежное лицо.

Антония повернула голову и, вскочив со стула, воскликнула:

- Дик! Вот хорошо!

Она протянула ему обе руки, но ее улыбающееся лицо яснее слов говорило: "Только не надо сентиментальностей!"

- Разве вы не рады мне? - пробормотал Шелтон.

- Не рада вам? Ну и смешной же вы, Дик! Как будто вы сами не знаете... О, да вы сбрили бороду!.. Мама с Сибиллой пошли в деревню навестить старенькую миссис Хопкинс... Пойдемте в сад. Тея и мальчишки играют в теннис... Как замечательно, что вы приехали!

Антония схватила берет. Почти одного роста с Шелтоном, девушка сейчас казалась еще выше, - она стояла, подняв руки, и широкие рукава ее блузки трепетали, словно крылья, от движения пальцев, прикалывающих берет к прическе.

- Мы, пожалуй, еще успеем сыграть партию до завтрака. Вы можете взять мою вторую ракетку.

- У меня ничего нет с собой, - растерянно сказал Шелтон. - Мне не во что переодеться.

Она спокойно оглядела его с головы до ног.

- Можете взять что-нибудь у Бернарда, у него масса всяких вещей. Я вас подожду.

Она взмахнула ракеткой, посмотрела на Шелтона и, крикнув: "Только быстро!", исчезла.

Шелтон взбежал наверх и стал переодеваться, чувствуя себя неловко, как всякий человек, натягивающий чужое платье. Когда он спустился, Антония стояла в холле, напевая песенку и постукивая ракеткой по туйфле; она широко улыбалась, показывая белые, как жемчуг, зубы. Взяв ее за рукав, он прошептал:

- Антония!

Яркий румянец залил ее щеки; она повернула голову и посмотрела через плечо.

- Пошли, Дик! - крикнула она и, распахнув стеклянную дверь, выбежала в сад.

Шелтон последовал за ней.

Высокая сетка отделяла теннисную площадку от выгона. В одном углу ее возвышался каменный дуб, его густая листва выделялась ярким мазком на светлом фоне окружающей зелени. Увидев Шелтона и Антонию, Бернард Деннант прекратил игру и сердечно пожал руку гостя. Тея, в короткой юбке, стоявшая на дальнем конце площадки, откинула с лица прямые светлые волосы и, закрываясь рукой от солнца, неторопливо подошла к ним. Судья, мальчуган лет двенадцати, лежал на животе и, визжа, играл с шотландской овчаркой. Шелтон нагнулся и дернул его за волосы:

- Здравствуй, Тоддлс! Ах ты, шалопай этакий!

Они стояли вокруг Шелтона, и в глазах их было откровенное, безжалостное любопытство, а в манере держать голову что-то обидно недоверчивое, - словно от Шелтона исходил некий едва уловимый острый запах, возбуждающий интерес и порицание.

Когда партия кончилась и девушки сели отдыхать в двойной гамак, висевший под каменным дубом, Шелтон отправился с Бернардом на выгон разыскивать затерявшиеся в траве мячи.

- Знаешь, старина, - заметил его бывший однокашник, сухо улыбаясь, мамаша собирается задать тебе хороший нагоняй.

- Нагоняй? - удивился Шелтон.

- Я не знаю толком, в чем дело, но по некоторым ее замечаниям я понял, что ты писал Антонии какие-то странные вещи.

И, снова сухо улыбнувшись, он посмотрел на Шелтона.

- Странные вещи? - с раздражением переспросил тот. - Что ты хочешь этим сказать?

- Ну, не знаю! Мамаша считает, что Антония... м-м... встревожена и сбита с толку или что-то в этом роде. Ты писал ей, что многое в жизни обстоит далеко не так, как это кажется на первый взгляд. А такие вещи писать не полагается.

И, продолжая улыбаться, он покачал головой. Шелтон опустил глаза.

- Но ведь это правда! - сказал он.

- Очень возможно. Только держи свою философию при себе, старина.

- Философию? - повторил удивленный Шелтон.
- Оставь нам парочку наших священных предрассудков.
- Священных?! Да в жизни ничего нет священного, кроме... - начал было Шелтон и тут же перебил себя: - Ничего не понимаю!
- Кроме идеалов и тому подобного! Ты что-то перешел границу "практической политики", в этом, очевидно, все и дело, мой мальчик. Бернард вдруг нагнулся и, подняв последний мяч, сказал: - А вот и мамаша!

И Шелтон увидел миссис Деннант, которая шла по лужайке со своей второй дочерью, Сибиллой.

Когда молодые люди подошли к каменному дубу, три девушки, взявшись под руки, уже направились к дому, а миссис Деннант, в сером платье, стояла одна и разговаривала с младшим садовником. В руках, защищенных коричневыми перчатками, она держала корзинку, которая отгораживала от бородатого садовника строгие, но свободные складки ее темной "рабочей" юбки. Рядом сидела шотландская овчарка и, насторожив уши, смотрела на их лица, словно пыталась понять, чем же отличаются друг от друга эти двуногие.

- Благодарю вас, вы больше не нужны мне, Баньян. А, Дик! Наконец-то! Как приятно видеть вас!

При каждой встрече с миссис Деннант Шелтон думал: до чего же она типична. Ему всегда казалось, что он встречал очень много женщин, подобных ей. Он сознавал, что в ее несомненно высоких качествах нет ничего индивидуального, что они скорее присущи всему ее классу. Миссис Деннант, хоть и отличалась сильным характером, считала, что проявлять своеобразие своей природы не принято. Она была высокая, худая, но отнюдь не тощая, с чуть горбатым носом, длинным выдающимся подбородком и волевым, но добрым ртом, обнажавшим в улыбке, пожалуй, слишком много зубов. Ее манера говорить указывала на родовитость: она растягивала слова, пренебрегая таким вульгарным свойством речи, как музыкальность, и делая неожиданные ударения, - то есть говорила, следуя той особой манере, которая присуща аристократам и составляет дополнительную усладу их жизни.

Шелтон знал, что миссис Деннант многим интересуется; целый день она чем-то занята: с семи утра, когда горничная приносит ей маленький чайник с чаем, кусочек бисквита и любимую собачку

Топса, до одиннадцати вечера, когда, держа в одной руке серебряный подсвечник с зажженной свечой, а в другой какой-нибудь новый роман, или, еще лучше, прелестный томик мемуаров, какие великие люди пишут о людях еще более великих, она прощается с детьми и гостями, отправляясь на покой. Да и разве может быть иначе, если нужно заниматься фотографией и садоводством, председательствовать в местном благотворительном обществе, наносить визиты богачам, печься обо всех бедняках, читать все новые книги и содержать свои мысли и мнения в таком порядке, чтобы ничто чуждое не могло ненароком затесаться между ними, конечно, она всегда была чем-то занята. Сведения, которые она черпала из всех этих источников, были обширны и разнообразны, но миссис Деннант никогда не допускала, чтобы они оказывали какое-либо влияние на ее взгляды, а во взглядах этих не чувствовалось ни аромата, ни остроты, и брала она их с того же блюда, что и все остальные представители ее класса.

Шелтону нравилась миссис Деннант. Она не могла не нравиться. Она была добрая и такая хорошая; что-то в ней напоминало дорогую, и притом вполне пригодный для обихода фарфор; к тому же она не душилась, словно в знак протеста против всяческой мишуры, - ни вербеной, ни фиалками, никакими из тех духов, что любят женщины, - от нее вообще ничем не пахло. Когда ей приходилось иметь дело с людьми не "ее круга" (она исключала из их числа викария, хотя отец его и торговал галантереей), все ее существо, несмотря на ее утонченность, казалось, шептало мягко и деликатно, но вполне рассудительно: "Я - это я, а вы - это вы, не так ли?" Она не то чтобы сознательно выделяла себя из числа простых смертных, - нет: она в самом деле была незаурядной женщиной. Она держалась так потому, что не могла держаться иначе: ведь так испокон веков вели себя все люди ее круга. Они впитали это с дыханием нянек, склонявшихся над их колыбелью, и настолько отравили свой организм, что впоследствии уже не способны были наполнять легкие хорошим, свежим воздухом. А манеры миссис Деннант! Ах, эти манеры! Они так тщательно скрывали ее истинную сущность, что приходилось сомневаться в наличии таковой.

Шелтон внимательно слушал, с каким сочувствием и как живо рассуждала миссис Деннант о младшем садовнике.

- Бедный Баньян! - говорила она. - Полгода назад он потерял жену и сначала как-то держался, но сейчас на него, право, жалко смотреть. Я сделала все, что могла, чтобы подбодрить его: грустно видеть его таким подавленным! Ах, дорогой Дик, если б вы знали, как он калечит мои новые розовые кусты! Боюсь, не сошел бы он с ума; придется уволить его, беднягу!

Она, конечно, сочувствовала Баньяну, или, вернее, считала, что он вправе погоревать самую малость, поскольку потеря жены - вполне законная и разрешенная церковью причина для скорби. Но впадать в крайность?! Нет, это уж слишком"!

- Я обещала повысить ему жалованье, - вздохнула она. - Ведь он был таким великолепным садовником. Да, кстати, дорогой Дик! Я хочу поговорить с вами. Быть может, мы пойдем завтракать?

Сделав в записной книжечке пометку о своем посещении миссис Хопкинс, она направилась к дому, сопровождаемая Шелтоном.

И лишь под вечер Шелтон получил обещанный нагоняй, но так как Антонии в комнате не было, а Шелтон в ее отсутствие мог думать только о ней, то он не придал разговору серьезного значения.

- Вот что, Дик, - решительным тоном начала высокородная миссис Деннант, как всегда растягивая слова, - я считаю, что не нужно забивать Антонии голову всякими идеями.

- Идеями?.. - смущенно пробормотал Шелтон.

- Все мы прекрасно знаем, - продолжала миссис Деннант, - что далеко не все в мире обстоит так, как должно было бы обстоять.

Шелтон посмотрел на нее; сидя за письменным столом, она широким, размашистым почерком писала приглашение к обеду какому-то епископу. Шелтон не заметил в ней и тени замешательства, и все же он был потрясен. Если уж она - она - считает, что не все в мире обстоит так, как нужно, - значит, в мире действительно творится что-то неладное!

- Не так, как должно?.. - тихо повторил Шелтон.

Миссис Деннант окинула его непреклонным, но дружески теплым взглядом своих глаз, которые так напоминали ему глаза зайчихи.

- Видите ли, - продолжала она, - Антония показывала мне некоторые из ваших писем. Ну, так вот: не стоит отрицать, дорогой

Дик, что последнее время вы слишком много предавались всяким мыслям.

Шелтон понял, что он был несправедлив к миссис Деннант: она относилась к мыслям так же, как к младшим садовникам, - гнала их прочь, чуть только усматривала в них крайности.

- Боюсь, что это от меня не зависит, - сказал он.

- Мой милый мальчик, вы ничего этим не достигнете... Ну, а теперь я хочу взять с вас обещание, что вы не будете говорить с Антонией на подобные темы.

Шелтон в изумлении поднял брови.

- Вы отлично понимаете, что я хочу сказать, - добавила миссис Деннант.

Шелтону стало ясно, что, попросив миссис Деннант уточнить, какие именно темы она имеет в виду, он нанесет удар по ее представлению о приличиях: было бы жестоко заставить ее выйти за привычные рамки!

И потому он сказал:

- Да, конечно!

К его величайшему удивлению, она вдруг покраснела - трогательно и жалко, как краснеют только немолодые женщины, и сказала, растягивая слова:

- Не говорите с ней о бедных... о всяких преступниках, о браках, - вы писали о свадьбе, помните?

Шелтон молча склонил голову. Инстинкт матери победил: в своем материнском волнении миссис Деннант решила нарушить светские условности и полностью разъяснила, что именно она подразумевает под опасными темами.

"Неужели она действительно не понимает всей нелепости нашей жизни, подумал Шелтон, - когда один обедает на золоте, а другой отыскивает себе обед в помойной яме; когда супруги продолжают жить вместе, несмотря на полнейший разлад, - *pour encourager les autres* {В назидание другим (франц.)}; когда люди исповедуют христианскую мораль и в то же время требуют признания только своих прав; когда презирают иностранцев только за то, что они иностранцы; когда возможны войны, когда... да возьмем любую нелепость, любую дикость!"

И все же он по справедливости был вынужден признать, что это вполне естественно, поскольку миссис Деннант всю жизнь только и делала, что старалась не замечать нелепости окружающего ее мира.

В эту минуту в дверях показалась улыбающаяся Антония. Она сияла молодостью и весельем, но вид у нее был слегка обиженный, словно она знала, что говорили о ней. Антония села рядом с Шелтоном и принялась его расспрашивать о молодом иностранце, про которого он ей писал; и, глядя в ее глаза, он подумал, что она тоже, возможно, не понимает, как это нелепо, когда один человек покровительствует другому.

- А я думаю, что на самом деле он хороший человек, - сказала она. По-моему, все то, о чем он вам рассказывал, было лишь...

- Хороший! - настороженно перебил Шелтон. - Я не вполне понимаю, что значит это слово.

Глаза ее затуманились: "Ну, как вы можете говорить так, Дик?" казалось, спрашивали они. Шелтон погладил ее по рукаву.

- Расскажите нам о мистере Крокере, - попросила она, не обращая внимания на его ласку.

- Он помешанный, - сказал Шелтон.

- Помешанный? Но, судя по вашим письмам, он просто прелесть.

- Так оно и есть, - устыдившись, подтвердил Шелтон. - Он, конечно, вовсе не сумасшедший, то есть я хочу сказать, что я хотел бы быть хоть наполовину таким сумасшедшим, как он.

- Кто это сумасшедший? - раздался из-за самовара голос миссис Деннант. - Том Крокер? Ах, да! Я ведь знавала его мать, она урожденная Спринджер.

- А он дошел за неделю до Лондона? - спросила Тея, появляясь на пороге с котенком на руках.

- Право, не знаю, - принужден был сознаться Шелтон.

Тея тряхнула головой, отбрасывая волосы со лба.

- Какой же вы тюлень, что не разузнали, - сказала она.

Антония нахмурилась.

- Вы были так добры к этому молодому иностранцу, Дик, - тихо сказала она и, улыбаясь, посмотрела на Шелтона. - Мне очень хотелось бы его увидеть.

Но Шелтон покачал головой.

- А мне кажется, - угрюмо заметил он, - что я сделал для него невероятно мало.

По лицу Антонии вновь пробежала тень, словно ей стало холодно от его слов.

- Право, не пойму, что еще вы могли бы для него сделать? - сказала она.

Сердце Шелтона ныло, словно опаленное огнем: желание проникнуть в душевный мир Антонии, смутный страх и смутная боль, ощущение бесплодности всех его усилий владели им, а впереди - ничего, тупик.

ГЛАВА XXI АНГЛИЧАНЕ

Шелтон уже возвращался в Оксфорд, когда встретил мистера Девианта, ехавшего с прогулки верхом. У отца Антонии, худощавого человека среднего роста, было болезненно-бледное лицо, редкие седые усы, иронически приподнятые брови, а вокруг глаз сеть мелких морщинок. Старая серая куртка со складкой на спине, темные плисовые бриджи, поношенные красновато-коричневые краги и тщательно начищенные штиблеты придавали ему вид несколько обтрепанный, однако не лишенный известного благородства.

- А, Шелтон! - приветливо сказал он своим спокойным голосом. Наконец-то наш пилигрим снова с нами. Вы что, уже уходите?

И, взяв Шелтона под руку, он вызвался проводить его полями до большой дороги.

Они еще ни разу не встречались после помолвки, и Шелтон, волнуясь, старался придумать, что бы такое сказать, хотя бы и самое банальное. Он расправил плечи, откашлялся и искоса посмотрел на мистера Деннанта. Сей джентльмен чопорно шагал рядом; его плисовые бриджи слегка шуршали при ходьбе. Он помахивал желтой складной тросточкой и время от времени ударял ею по крагам, а потом всякий раз насмешливо поглядывал на свои ноги. Он сам был похож на эту тросточку: такой же желтый, тонкий, словно весь складной, с крючковатым носом, так напоминающим ручку его трости.

- Говорят, в этом году будет неурожай фруктов и ягод, - заметил наконец Шелтон.

- Милый мой, вы, видно, не знаете, что за народ эти фермеры. Надо бы повесить несколько человек - огромная была бы польза! Ну и

люди! Вот у меня, например, ведь уродилась же клубника.

- Я полагаю, что в нашем климате человек не может не ворчать, - сказал Шелтон, обрадовавшись, что можно еще немного отдалить страшную минуту.

- Совершенно верно, совершенно верно! Взять хотя бы нас, злополучных землевладельцев: я был бы несчастнейшим человеком, если б не мог иной раз поругать фермеров. Скажите, вы когда-нибудь видели лучший выгон? А они еще хотят, чтобы я сбавил им арендную плату!

Мистер Деннант иронически посмотрел вокруг, на минуту задержался взглядом на Шелтоне, потом снова уставился в землю, словно увидел на его лице нечто такое, что серьезно обеспокоило его. Наступило молчание.

"Пора!" - подумал Шелтон.

Мистер Деннант по-прежнему не отрывал взора от своих штиблет.

- Вот, скажем, если бы они заявили, что мороз повредил куропаткам, это еще имело бы какой-то смысл, - шутливо заметил он. - Но разве от них можно ждать чего-нибудь толкового? Они ничего не соображают. Вот ведь люди!

Шелтон перевел дух и, не глядя на своего спутника, поспешно начал:

- Ужасно трудно, сэр...

Мистер Деннант ударил себя тросточкой по ноге.

- Да, ужасно трудно мириться с этим, но что поделаешь? Без фермеров не проживешь! А ведь если бы не фермеры, тут по-прежнему водились бы зайцы!

Шелтон неестественно рассмеялся и снова искоса взглянул на своего будущего тестя. Что означало это покачивание головой, эти резко обозначившиеся морщинки у глаз, эти вдруг искривившиеся губы? Шелтон перевел глаза на красивый орлиный нос мистера Деннанта (нос этот обладал способностью краснеть на ветру) и встретил его взгляд, - странное в нем притаилось выражение.

- Мне почти никогда не приходилось иметь дело с фермерами, - наконец сказал Шелтон.

- Неужели! Вот счастливчик! Это самые несносные люди на свете, поистине самые несносные... если не считать дочерей!

- Ну, сэр, вы вряд ли можете ожидать, чтобы я... - начал было Шелтон.

- Нет, конечно, нет! А знаете, я серьезно думаю, что нас с вами сейчас как следует вымочит.

Огромная черная туча закрыла солнце, на котелок мистера Деннанта упало несколько тяжелых капель дождя.

Шелтоя в душе обрадовался ливню: это была милость, ниспосланная самим провидением. Ему, несомненно, придется завести разговор о женитьбе, но это можно будет сделать не сейчас, а позже.

- Я все же пойду, - сказал он. - Я не боюсь дождя. А вам лучше бы вернуться, сэр.

- Подождите: у меня тут арендатор живет, вон в том коттедже, - сказал мистер Деннант своим сухим, небрежным тоном. - Мошенник отчаянный - любит поохотиться в чужих лесах! Не попросить ли его за это хотя бы приютить нас на время дождя, как вы думаете?

И мистер Деннант, ехидно улыбаясь и словно высмеивая свое намерение остаться сухим, постучал в дверь чистенького коттеджа.

Дверь открыла девушка одного с Антонией возраста и роста.

- А, Феба! Отец дома?

- Нет, - смущаясь, отвечала девушка, - отец куда-то ушел, мистер Деннант.

- Очень жаль. Не разрешите ли переждать у вас дождь?

Очаровательная Феба провела их в парадную комнату и, смахнув пыль со стульев, пододвинула их гостям; потом присела в реверансе и вышла.

- Какая хорошенькая девушка! - сказал Шелтон,

- Да, очень хорошенькая: за ней увивается добрая половина здешних парней, но она не хочет расставаться с отцом. О, этот негодяй хоть кого окрутит.

По этому замечанию Шелтон вдруг понял, что теперь уж ему не удастся избежать щекотливого разговора. Он подошел к окну. Дождь лил как из ведра, но золотая полоска на горизонте сулила скорое прояснение. "Боже мой! - думал Шелтон. - Сказать бы мне скорей что-нибудь, пусть даже самое идиотское - и покончить с этим!" Но он продолжал стоять не оборачиваясь, точно на него нашел столбняк.

- Какой страшный ливень! - проговорил он наконец. - Настоящий водяной смерч.

А ведь ничуть не труднее было бы сказать: "Ваша дочь - самое прелестное существо на свете. Я люблю ее и постараюсь сделать ее счастливой!" Ничуть не труднее, - ему не пришлось бы даже передохнуть лишней раз, чтобы произнести эти слова. И все же он не мог их произнести! Он стоял и смотрел, как дождь, шурша, стекает по листьям и своим неиссякаемым потоком прибывает пыль на высушенной солнцем дороге; он подмечал малейшие подробности того, что происходило снаружи: как дождевые капли, словно копья, ударялись о листья и как листья по сто раз в минуту стряхивали их с себя, а по краям их бесшумно и быстро стекали вниз крохотные струйки прозрачной, чистой, как лед, воды. Он заметил и понурую голову коровы, которая в поисках укрытия от дождя остановилась у живой изгороди, жуя свою жвачку.

Мистер Деннант ничего не ответил на его замечание о дожде. Молчание так угнетало Шелтона, что он наконец обернулся. Его будущий тесть сидел на жестком стуле, широко раздвинув колени, и, нагнувшись, пристально смотрел на свои начищенные штиблеты, тыкая тросточкой в ковер; достаточно было одного взгляда на его лицо, чтобы от решимости Шелтона не осталось и следа. Выражение этого лица вовсе не было непреклонным, суровым или устрашающим отнюдь нет, - просто на какой-то момент оно перестало быть насмешливым. Это так поразило Шелтона, что он утратил дар речи. В озабоченности мистера Деннанта ему почудилось что-то человеческое, как будто его и в самом деле что-то тревожило. Но стоило ему взглянуть на Шелтона, как на лице его снова появилось обычное холодно-насмешливое выражение.

- Ну и погода выдалась, как раз для уток! - заметил он, и снова во взгляде его промелькнула неподдельная тревога. Неужели он тоже боится чего-то?

- Мне трудно выразить... - поспешно начал Шелтон.

- Да, да, чертовски неприятно, когда вымокнешь! - прервал его мистер Деннант и запел:

И драться будем, и пить, друзья,

И все нам нипочем!

- Вы, конечно, обедаете у нас на той неделе, а? - продолжал он. - Вот и прекрасно! Будет епископ Блюментальский и старик сэра Джек Бакуэл. Надо сказать жене, чтоб она посадила вас между ними...

Я в звездную ночь прогуляться не прочь...

...Епископ - величайший противник развода, а старик Бакуэл по крайней мере дважды бывал в бракоразводном суде...

По опушке вдоль ручья...

- Не желаете ли чаю, джентльмены? - раздался в дверях голос Фебы.

- Нет, благодарю вас, Феба, - сказал мистер Деннант и, когда Феба краснея вышла, добавил: - Эту девушку давно пора выдать замуж.

На его впалых щеках почему-то проступил румянец.

- Как не стыдно держать такую красотку точно на привязи, около отца. Вот уж настоящий эгоист, этот малый!

И он бросил на Шелтона быстрый взгляд, словно произнес нечто опасное.

Лесник нас искал и собак спускал,

Он даром время потерял.

И вдруг Шелтон ясно понял, что отец Антонии, так же как и он сам, хотел бы высказать свое отношение к предстоящему событию, так же, как и он, не способен это сделать. Сознать это было очень приятно.

- Знаете, сэра... - начал было Шелтон.

Но брови мистера Деннанта вдруг взлетели кверху, морщинки у глаз собрались в сплошную сетку, казалось, он весь сжался в комок.

- Слава богу, дождь перестал! - воскликнул он. - Не будем терять времени! Пошли, милейший, в такую минуту опасно медлить!

И, распахнув дверь, с обычной своей шуточной любезностью он пропустил Шелтона вперед.

- Я, видимо, расстанусь здесь с вами, - сказал он. - Пожалуй, да. Счастливого пути!

Он протянул Шелтону сухую желтую руку. Тот схватил ее и крепко пожал, бормоча:

- ...так благодарен...

Брови мистера Деннанта снова дрогнули, словно кто-то ущипнул их. Шелтон догадался о том, что творилось у него на душе, и это явно не понравилось мистеру Деннанту. Румянец сбежал с его лица; теперь

из-под узких полей котелка на Шелтона смотрело смертельно-бледное, спокойное, морщинистое лицо; редкие седые усы свисали вниз; резче обозначились морщинки у глаз; ноздри раздулись; на губах была загадочная улыбка.

- Благодарность! - сказал он. - Благодарность почти равносильна пороку, не так ли? Спокойной ночи!

В лице Шелтона что-то дрогнуло, он приподнял шляпу и, повернувшись так же круто, как и его собеседник, пошел своей дорогой. Все это время он принимал участие в комедии, какая возможна только в Англии. Теперь он мог спокойно улыбаться, вспоминая пережитое чувство неловкости, ибо он знал, что выполнил свой долг. Все, что надлежало и требовалось сказать, было сказано, и сказано так, как подобные вещи принято говорить. Ничьи чувства не были оскорблены. Теперь он мог спокойно улыбаться - улыбаться, думая о себе, о мистере Деннанте, о завтрашнем дне; улыбаться, вдыхая сладкие запахи земли, нежные и робкие, какие может вызвать к жизни только дождь.

ГЛАВА XXII

В ПОМЕСТЬЕ

Время второго завтрака в Холм-Оксе, за исключением, разумеется, охотничьего сезона, было, как и во всех хорошо поставленных загородных домах, временем наиболее возвышенных бесед. Жизнь в доме уже кипела ключом, и к разговору о погоде, о собаках, лошадях, соседях, крикете и гольфе примешивался лепет о литературе, ибо Деннанты были люди высокоинтеллектуальные и в их доме нередко можно было услышать такие фразы: "Читали вы эту очаровательную книгу Позера?" или "Да, я достал новое издание "Бэблингтона"; дивный переплет, книга такая легкая, прямо как пух!" Но самым оживленным месяцем" в Холм-Оксе, когда там собиралось самое избранное общество, был июль, ибо в июле в Холм-Оксе обычно принимали великое множество несчастных лондонцев, измученных зимним сезоном в столице и куда больше заслуживающих отдыха, чем швея, которая целый день гнет спину в своей полутемной каморке. Сами Деннанты никогда не выезжали в Лондон на зимний сезон. На то была их добрая воля. Они считали, что вполне достаточно провести в столице неделю-другую. У них было пристрастие к свежему воздуху, и даже Антония после своего первого выезда в свет, два года

тому назад, пожелала как можно скорее вернуться домой, заявив, что на лондонских балах задохнуться можно.

Когда Шелтон прибыл в Холм-Окс, съезд гостей только еще начинался, но каждый день приносил с собой новое пополнение истомленных столичных жителей, которых размещали по старинным, темным, приятно пахнущим спальням. К каждому из гостивших здесь Шелтон относился с симпатией, но он заметил, что наблюдает за ними как бы со стороны. Шелтон знал, что, если судить людей поодиночке, почти все они окажутся лучше его самого и что, лишь когда судишь о них в массе, они становятся достойными той уничтожающей критики, какой он склонен был подвергнуть их. Он знал это так же хорошо, как и то, что условности, изобретенные для того, чтобы лишить человека возможности следовать естественным влечениям своей натуры, являются не более как отрицательной суммой положительного отношения отдельных людей к тому или иному вопросу.

И он наблюдал их в массе. Но, как всегда, сказывались вежливость и боязнь привлечь к себе внимание: внешне он продолжал оставаться все тем же воспитанным, скромным молодым человеком, а свои суждения держал при себе.

В умственном отношении Шелтон разделил гостей в Холм-Оксе на две категории: на тех, кто безропотно принимает все, как оно есть, и на тех, кто принимает все с насмешкой; в вопросах морали и те и другие, как он обнаружил, принимали все без намека на критику. Высказать собственное суждение по вопросам морали - все равно, что признать себя погибшим человеком, хуже того - оказаться отщепенцем в глазах других. Шелтон пришел к такому мнению скорее интуитивно, чем на основании чьих-то слов, так как касаться подобных тем в разговоре было, конечно, не принято, а вести беседу полагалось весело и громко, как и подобает воспитанным людям. Шелтон никак не мог усвоить нужный тон, и он невольно чувствовал, что этот недостаток делает его несколько подозрительным в глазах других гостей. Царившая в доме Деннантов атмосфера никогда раньше не казалась ему такой нелепой, как сейчас, - она заставляла его сомневаться в своей принадлежности к джентльменам. Может ли человек сгорать от страсти, терзаться душевной мукой и дурными предчувствиями и по-прежнему оставаться джентльменом? Это

казалось невероятным. Один из гостей, по имени Эджбестоя, человек с замашками аристократического мерзавца и почти совсем лысый, с маленькими глазками и черными усами, как-то раз привел Шелтона в полное замешательство, сказав о ком-то, совсем ему неизвестном: "Просто мужлан какой-то - сам не знает, чего хочет".

Страшное сомнение всколыхнуло душу Шелтона.

Казалось, все в мире разделено на категории, разложено по полочкам и оценено. Например, англичанин ценится дороже, чем простой смертный, а собственная жена - дороже, чем всякая другая женщина. К тем явлениям или сторонам жизни, которые неизвестны по личному опыту, относятся как к чему-то немного забавному и, вероятно, заслуживающему всяческого порицания. Словом, здесь все было подчинено принципам, узаконенным высшим обществом.

Нервное состояние, в котором находился Шелтон, делало его сверхчувствительным ко всему, что было ему чуждо. Мелочи, на которые он раньше не обращал внимания, теперь поражали его, - например, тон, каким мужчины говорили о женщинах: не совсем враждебно и не то чтобы презрительно; точнее, пожалуй, с вежливой издевкой, - разумеется, когда речь шла не о своей жене, матери, сестрах или ближайших знакомых, а о любой посторонней женщине. Поразмышлив над этим, Шелтон пришел к заключению, что мужчина из высших классов общества считает священной только свою собственность, а на всех прочих женщин смотрит как на предмет сплетен, шуток и скользких замечаний. Поразило его и то обстоятельство, что войной, которая шла в то время, все интересовались лишь постольку, поскольку она касалась людей их круга. Считалось, что это прескверная штука, потому что бедняга Джек Имярек и Питер Имярек убиты, а бедняга Тэдди Имярек ходит теперь с одной рукой вместо двух! Человечество в целом не принималось в расчет, зато принимались в расчет интересы высших классов и между прочим той страны, которая им принадлежала. Вот они чинно восседают в креслах, устремив взор на горизонт, ограничивающий их владения!

Однажды поздно вечером, когда кончили играть на бильярде и слушать музыку и дамы разошлись по своим комнатам, Шелтон, сменив фрак на куртку, спустился вниз и сел в одно из огромных кресел, даже летом стоявших полукругом у камина. Шелтон только

что расстался с Антонией; все еще находясь под ее обаянием, он не сразу принялся разглядывать мужчин в разноцветных куртках, расположившихся здесь и, скрестив ноги, потягивавших вино и куривших сигары.

Шелтона вывел из задумчивости его сосед, который, со стуком поставив стакан, вдруг пересел на стоявший у камина пуф. Окутанный клубами табачного дыма, он сидел нахохлившись, колени и локти его выпирали, образуя острые углы, изо рта торчала сигара, которая, продолжая линию носа, делала его похожим на клюв, а ярко-красные отвороты наглухо застегнутой куртки казались перьями на груди диковинной птицы, на которую он и был похож.

- Там очень хорошо обслуживают, - сказал он.

- У Верадо обслуживают куда лучше, - раздалось в ответ справа от Шелтона.

- Лучшей гостиницы, чем "Золотой телец", вы нигде не найдете: там бесплатные турецкие бани! - лениво протянул толстяк с крошечным ртом.

Эти слова, произнесенные удивительно мягко и вкрадчиво, прозвучали словно благословение. И для тех, кто был в этой старинной, обшитой дубом комнате, мир сразу же, точно по мановению волшебной палочки, разделился на три части - где обслуживают хорошо, где обслуживают куда лучше и где в вашем распоряжении бесплатная турецкая баня.

- Если вы любите настоящие турецкие бани, - вмешался в разговор высокий юноша с гладко выбритым красным лицом (он недавно вошел в комнату и теперь стоял, чуть приоткрыв рот и как-то беспомощно выставив вперед огромные ступни), - вам, знаете, ли, надо поехать в Будапешт: бани там великолепнейшие!

Шелтон заметил, как еле уловимое удовлетворение разлилось по лицам всех присутствующих, точно им предложили трюфелей или что-то не менее изысканное.

- О нет, Пудлс, - заметил человек, восседавший на пуфе, - мне один знакомый рассказывал, что никакие бани не могут сравниться с софийскими. - И лицо его преобразила тайная радость человека, вкусившего порок хотя бы понаслышке.

- Ах, никакие бани не могут соперничать с багдадскими, - протянул толстяк с маленьким ртом.

Слова его снова прозвучали над присутствующими как благословение, и снова весь мир разделился на три части: где обслуживают хорошо, где обслуживают куда лучше и... Багдад!

А Шелтон подумал: "Почему это я не знаю такого места, где было бы лучше, чем в Багдаде?"

Он казался сам" себе таким ничтожеством. Выходит, что он не знает ни одного из этих чудесных мест и ничем не может быть полезен своим ближним; впрочем, в глубине души он был убежден, что остальные столь же мало знают о предмете разговора, как и он сам, - просто им приятно вспомнить все когда-то слышанное и со вкусом сообщить об этом. Увы! Шелтон не знал забавных историй, за какие светских людей удостаивают ярлычка "славный малый" и к тому же "весельчак".

- А вы были когда-нибудь в Багдаде? - робко спросил он толстяка.

Тот, ничего не ответив, стал рассказывать какой-то анекдот; крошечный рот его на широком лице извивался, как гусеница. Анекдот был презабавный.

За исключением Антонии, Шелтон не видел почти никого из женской половины общества, собравшегося в Холм-Оксе, ибо, следуя установленному в таких поместьях обычаю, мужчины и дамы старались по возможности избегать друг друга. Они встречались за столом, иногда собирались, чтобы сыграть партию в крокет или теннис; в остальное же время, словно по тайному уговору, они держались порознь, как на Востоке.

Однажды, разыскивая Антонию, Шелтон заглянул в гостиную и обнаружил в ней несколько дам, занятых горячим спором. Он уже хотел было удалиться, но, не желая слишком явно показать, что зашел сюда лишь в поисках своей невесты, сел и стал слушать.

Высокородная Шарлотта Пенгвин сидела на низком диване у окна и вязала неизменный шелковый галстук - шестой по счету, с тех пор как она начала вязать точно такой же в Йере; рядом на подоконнике стояла гортензия, и лепестки круглых, как шар, цветов почти касались горящих румянцем щек тетушки. Она смотрела с томным интересом! на говорившую даму. Дама эта была плотная, небольшого роста; седые волосы ее, зачесанные назад, открывали низкий лоб; лицо у нее было энергичное и немного недовольное. Она стояла с книгой в руках, словно произнося проповедь. Будь она мужчиной, про нее можно

было бы сказать, что это бойкий молодой делец, ибо, несмотря на седины, чувствовалось, что она никогда не состарится и никогда не утратит способности быстро принимать решения. Черты ее лица обладали большой подвижностью, в живом, но немного жестком взгляде сквозила фанатическая убежденность в правильности собственных суждений; подчеркнуто простое платье словно утверждало ее право вмешиваться в чужие дела. Лицо у нее было не красное и не бледное, не желтое и не зеленое, но все эти оттенки сливались в нем словно для того, чтобы она возможно меньше выделялась на фоне окружающей природы; и улыбка у нее была какая-то странная, кисло-сладкая, больше всего напоминающая вкус яблока с гнильцой.

- Я их просто не слушаю, - говорила она. Голос у нее был не резкий, но деловитый: чувствовалось, что у нее нет времени заниматься пустяками. - Я на опыте убедилась, что с ними лучше всего обращаться, как с детьми.

Услышав это, дама, читавшая "Таймс", улыбнулась; ее рот, вернее, все ее жесткое красивое лицо напоминало деревянных лошадок в яблоках, которых можно купить в пассаже в Сохо. Она скрестила ноги, зашуршав дорогим тяжелым шелком юбок. Казалось, вся она захрустела и затрещала, произнеся резко, не глядя на окружающих:

- А я считаю, что бедняки - очаровательные люди!

Сибилла Деннант, сидевшая на диване, рассмеялась серебристым смехом и, бросив Шелтону на колени залаявшего терьера, спросила:

- А вы, Дик? Какого вы мнения о бедных?

Шелтон в замешательстве огляделся по сторонам.

Пожилые дамы, которые уже высказали свое мнение, смотрели теперь на него, и в их взглядах он прочел полное пренебрежение.

"О, этот молодой человек? - казалось, говорили они. - И вы ждете от него каких-то разумных замечаний? Полно!"

- Какого я мнения о бедных? - запинаясь, спросил Шелтон. - Да никакого.

Дама по имени миссис Мэтток - та, что все время рассуждала стоя, посмотрела на утонченную особу, читавшую "Таймс", и, улыбнувшись своей кисло-сладкой улыбкой, заметила:

- Возможно, вы не знаете лондонских бедняков, леди Бонингтон?

В ответ леди Бонингтон только зашуршала юбками.

- Ах, миссис Мэтток, пожалуйста, расскажите нам о трущобах! воскликнула Сибилла. - Посещать трущобы, должно быть, так интересно! А здесь такая смертельная скука - только и делаем, что шьем для них фланелевые юбки!

- Бедняки, душенька, совсем не такие, какими вы их себе представляете... - начала было миссис Мэтток.

- А знаете, - прервала ее тетушка Шарлотта, выглядывая из-под гортензии, - по-моему, они такие милые!

- Вы так думаете? - резко спросила миссис Мэтток. - А по-моему, они только и делают, что на все ворчат.

- На меня они никогда не ворчат; они очаровательные люди.

И леди Бонингтон с сумрачной улыбкой посмотрела на Шелтона.

А он невольно подумал, что нужно быть необычайно храбрым, чтобы осмелиться ворчать в присутствии этой богатой деспотичной особы.

- Бедняки - самые неблагодарные люди на свете! - заметила миссис Мэтток.

"Зачем же вы тогда ходите к ним?" - спросил про себя Шелтон.

И, словно в ответ на его мысль, миссис Мэтток сказала:

- Мы обязаны помогать им, обязаны выполнять свой долг, но дожждаться от них благодарности...

- Несчастные! У них такая тяжкая участь! - с иронической улыбкой заметила леди Бонингтон.

- А маленькие дети! - вздохнула тетушка Шарлотта, вспыхнув и глядя вокруг блестящими глазами. - Они такие трогательные!

- Ох, эти дети! - сказала миссис Мэтток. - Я прямо из себя выхожу при виде этих заброшенных созданий. Нет, мы слишком сентиментально относимся к беднякам!

Леди Бонингтон снова зашуршала юбками. Ее пышные плечи глубоко ушли в мягкую спинку кресла; густые темные волосы, отливавшие серебром, были высоко взбиты; рубиновый браслет сверкал на могучем запястье руки, державшей газету; она медленно покачивала ногой, обутой в туфельку из бронзовой кожи. Эта дама отнюдь не производила впечатления слишком сентиментальной.

- Я знаю, что беднякам часто совсем неплохо живется, - заявила миссис Мэтток таким тоном, словно кто-то глубоко оскорбил ее.

И Шелтон не без жалости заметил, что судьба избородила морщинами все ее доброе лицо, - эта сетка крохотных морщинок красноречиво говорила о великом множестве добрых намерений, которые не осуществились по вине непрактичных и вечно недовольных бедняков.

- Что бы вы ни делали, они никогда не бывают довольны, - продолжала она. - Они только обижаются, когда им помогают, или же принимают помощь, но никогда за нее не благодарят.

- О, это так тяжело! - пробормотала тетушка Шарлотта.

Шелтону все больше и больше становилось не по себе. И вдруг он резко сказал:

- Будь я на их месте, я поступал бы точно так же.

Миссис Мэтток метнула в его сторону взгляд своих карих глаз, а леди Бонингтон, звякнув браслетом, промолвила, как бы обращаясь к "Таймсу":

- Мы всегда должны ставить себя на их место.

Шелтон невольно улыбнулся: леди Бонингтон на месте бедной женщины!

- О, я всецело ставлю себя на их место! - воскликнула миссис Мэтток. Я прекрасно понимаю, что они должны чувствовать. Но неблагодарность все же отвратительная черта.

- А они, видимо, не могут поставить себя на ваше место, - пробормотал Шелтон и, набравшись храбрости, быстрым взглядом окинул комнату.

Да, все в этой комнате было удивительно под стать одно другому, и все одинаково ненастоящее, словно каждая картина, каждый предмет обстановки, каждая книга и каждая из присутствующих дам были копиями с какой-то модели. Все они были очень разные, и тем не менее (подобно скульптурам, которые мы видим порой на выставках) все казались слепками с какого-то одного оригинала. Вся комната дышала целомудрием, сдержанностью, строгой логикой, практичностью и комфортом; никто здесь ничем не выделялся - ни чрезмерной добродетелью, ни чрезмерным трудолюбием, ни манерами, ни речами, ни внешним видом, ни своеобразием умозаключений.

ГЛАВА XXIII
ЭСТЕТ

В поисках Антони Шелтон поднялся вверх, в угловую гостиную. Там у окна болтали Тея Деннант и еще какая-то девушка. Заметив взгляд, который они бросили на него, Шелтон подумал, что лучше бы ему было не родиться на свет, и поспешно вышел из комнаты. Спустившись в холл, он столкнулся с мистером Деннантом, - тот шел к себе в кабинет с пачкой каких-то бумаг, видимо, документов.

- А, это вы, Шелтон! - сказал он. - Что это у вас такой растерянный вид? Никак не найдете свою святыню?

Шелтон усмехнулся, сказал "да" и пошел дальше искать Антонию. Но ему не везло. В столовой он обнаружил миссис Деннант: она составляла список книг, которые собиралась выписать из Лондона.

- Дик, посоветуйте мне, пожалуйста, - сказала она. - Все сейчас читают этот роман Кэтрин Эстрик. Наверно, потому, что она особа титулованная.

- Конечно, всякий читает книгу по той или иной причине, - ответил Шелтон.

- Я ненавижу что-нибудь делать только потому, что так делают другие; не стану заказывать эту книгу, - сказала миссис Деннант.

- Отлично!

Миссис Деннант сделала пометку в каталоге.

- Последняя вещь Линсида - это я, конечно, возьму; впрочем, должна признаться, я не очень люблю его, но, пожалуй, его книги надо иметь в доме. А, "Избранные речи" Куолити! Это, должно быть, хорошо, он всегда так изысканно выражается. А вот что делать с этой книгой Артура Баала? Говорят, он большой шарлатан, но все читают его.

И Шелтон заметил, как блеснули ее глаза, так похожие на глаза зайчихи. Лицо ее с тонким носом и мягким подбородком утратило выражение решимости, словно кто-то вдруг посоветовал ей довериться собственному инстинкту. Она выглядела такой жалкой, такой неуверенной. Впрочем, она ведь всегда могла составить мнение о той или иной книге по количеству изданий.

- Пожалуй, все-таки стоит выписать эту книгу, как вы думаете? спросила она. - Вы ищете Антонию? Если увидите в саду Баньяна, скажите ему, пожалуйста, Дик, что я хочу его видеть; последнее время

он стал просто невозможен. Я, конечно, понимаю, как ему тяжело, но, право, он переходит всякие границы.

Получив наказ разыскать младшего садовника, Шелтон вышел из столовой. С горя он заглянул в бильярдную. Антонии там не было. Вместо нее он увидел высокого круглолицего джентльмена с холеными усами, который упорно пытался послать красного в угол. Его звали Мэбби. При появлении Шелтона он выпрямился и, надув губы, словно ребенок, спросил сонным голосом:

- Сыграем по сто?

Шелтон покачал головой, пробормотал что-то в свое оправдание и уже собрался было идти, как вдруг джентльмен по имени Мэбби с огорченным видом дотронулся до того места, где усы его соприкасались с пухлыми румяными щеками, и удивленно спросил:

- По сколько же вы обычно играете?

- Право, не знаю, - ответил Шелтон.

Джентльмен по имени Мэбби натер мелом кий и, передвинувшись на своих толстых расслабленных ногах, обтянутых узкими брюками, изогнулся для удара.

- Хорош удар, а? - спросил он, вновь выпрямившись и с сонным любопытством глядя на Шелтона своими сытыми глазами. Глаза эти, казалось, говорили: "Непонятное животное этот Шелтон!"

Шелтон поспешно вышел из дома, - он хотел добежать до лужайки, расположенной в глубине сада, но тут к нему подошел прогуливавшийся на солнышке молодой человек в рубашке с мягким отложным воротничком, хрупкий на вид, с редкими белобрысыми усиками, высоким лбом и переплетением тонких голубоватых жилок на висках. Походка у него была упругая, шаг мелкий, но четкий. Лицо его, молодое и открытое, носило на себе, подобно лицам многих английских аристократов, печать изысканного эстетства. Должно быть, он понимал толк в старинной мебели и церквах. Сейчас в руках он держал "Спектэйтор",

- А, Шелтон! - сказал он высоким, тонким голосом, останавливаясь в такой удобной позе, что было бы просто кощунством заставить его переменить ее. - Вышли подышать свежим воздухом?

Загорелое лицо Шелтона, его неправильный нос и мягко очерченный, но упрямый подбородок до странности не соответствовали точеным чертам эстета.

- Хэлидом говорил мне, что вы собираетесь выставить свою кандидатуру в парламент, - сказал тот.

Шелтон вспомнил властную манеру Хэлидома устраивать чужие дела по своему усмотрению и улыбнулся.

- Разве я похож на кандидата? - спросил он.

Брови эстета чуть дрогнули. Ему, по-видимому, никогда не приходило в голову, что человек, собирающийся выставить свою кандидатуру в парламент, должен быть похож на кандидата, и он с некоторым любопытством оглядел Шелтона.

- Если на то пошло, так, пожалуй, нет, - сказал он.

В его глазах, с такою нарочитой иронией взирающих на мир, был тот же вопрос, что и в глазах Мэбби, хотя они были совсем другими; они, казалось, тоже спрашивали: "Что за непонятный тип этот Шелтон?"

- Вы по-прежнему служите в министерстве внутренних дел? - спросил Шелтон.

Эстет нагнулся и понюхал розу.

- Да, - ответил он. - Это меня вполне устраивает. У меня остается много свободного времени для занятий искусством.

- Это, должно быть, очень интересно, - сказал Шелтон, не переставая искать глазами Антонию. - Мне вот никогда не удавалось увлечься чем-нибудь.

- Вы никогда ничем не увлекались?! - воскликнул эстет, проводя рукой по волосам (он был без шляпы). - Но чем же вы в таком случае заполняете свое время?

Шелтон не знал, что ответить: он никогда не задумывался над этим:

- Право, не знаю, - нерешительно сказал он. - По-моему, всегда что-нибудь находится.

Эстет засунул руки в карманы и окинул собеседника ясным взглядом.

- Каждый человек должен чем-то увлекаться, чтобы не потерять интереса к жизни, - заметил он.

- Интереса? - угрюмо повторил Шелтон. - Я нахожу, что жизнь сама по себе достаточно интересна.

- Ах, вот как! - сказал эстет, словно порицая такое отношение к жизни, как к чему-то самому по себе интересному.

- Все это прекрасно, - продолжал он, - но этого мало. Почему бы вам не заняться резьбой по дереву?

- Резьбой по дереву?

- Как только мне надоедает заниматься служебными бумагами и тому подобным, я бросаю все и сажусь за резьбу по дереву, - это такой же отдых, как игра в хоккей.

- Но мне совсем не хочется этим заниматься.

Брови молодого эстета сдвинулись, и он дернул себя за ус.

- Вот увидите, как невыгодно прожить жизнь без увлечений, - сказал он. - А что вы будете делать, когда состаритесь?

Слово "невыгодно" прозвучало как-то странно в его устах, ибо, глядя на него, казалось, что весь он словно покрыт эмалью, наподобие современных драгоценностей, которые делают так, чтобы никто не догадался об их настоящей цене.

- Вы бросили адвокатуру? Неужели вам не скучно ничего не делать? продолжал эстет, останавливаясь перед старинными солнечными часами.

Шелтон, естественно, не считал удобным объяснять, что он влюблен и что это заполняет всю его жизнь. Безделье недостойно мужчины! Но до сих пор он никогда еще не ощущал потребности в каком-то занятии. И потому он молчал, но это молчание ничуть не смутило его спутника.

- Прекрасный образец старинного мастерства! - сказал тот, движением подбородка указывая на солнечные часы, и, обойдя кругом, принялся рассматривать их с другой стороны.

Серый постамент часов отбрасывал на дерн тонкую укорачивающуюся тень; по бокам его тянулись вверх язычки мха, а у подножия густо разрослись маргаритки, - казалось, часы растут из самой земли.

- Хотелось бы мне иметь их у себя! - сказал эстет. - Право, не помню, чтоб я видел солнечные часы лучше этих.

И он снова обошел вокруг них.

Брови его были по-прежнему иронически вздернуты, но глаза под ними светились тонким расчетом, рот был слегка приоткрыт. Человек более наблюдательный сказал бы, что на лице его написана жадность, и даже Шелтон был так поражен, словно прочел в "Спектэйторе" исповедь торгаша.

- Перенесите эти часы в другое место, и они утратят все свое очарование, - сказал Шелтон.

Его собеседник нетерпеливо обернулся; на сей раз, как ни удивительно, он и не пытался скрывать свои чувства.

- Нисколько! - оказал он. - Ого! Я так и думал! Тысяча шестьсот девяностый год. Самый расцвет этого мастерства! - Он провел пальцем по краю циферблата. - Великолепная линия - ровная, словно она только сейчас высечена. Вы, видимо, не очень интересуетесь подобными вещами. - И на лице эстета вновь появилась прежняя маска, говорившая, что он привык к равнодушию вандалов.

Они двинулись дальше, к огородам); Шелтон по-прежнему старательно обыскивал глазами каждый тенистый уголок. Ему хотелось сказать: "Я очень тороплюсь", - и помчаться дальше, но в эстете было что-то такое, что оскорбляло чувства Шелтона и в то же время исключало всякую возможность проявить их. "Чувства?! - казалось, говорил этот человек. - Прекрасно. Но нужно что-то еще, кроме этого. Почему бы не заняться резьбой по дереву?.. Чувства! Я родился в Англии и учился в Кембридже..."

- Вы здесь надолго? - спросил он Шелтона. - Я завтра уезжаю к Хэлидому. Очевидно, мы там с вами не встретимся? Славный мальчик, этот Хэлидом! У него превосходная коллекция гравюр!

- Да, я остаюсь здесь, - сказал Шелтон.

- А-а! - протянул эстет. - Прелестные люди эти Деннанты!

Чувствуя, что медленно заливается краской, Шелтон отвернулся и, сорвав ягоду крыжовника, пробормотал:

- Да.

- Особенно старшая дочь: никакого сумасбродства и в помине нет! По-моему, она на редкость приятная девушка.

Шелтон выслушал эту похвалу своей невесте с чувством, очень далеким от удовольствия, как будто слова эстета осветили Антонию с какой-то совсем новой стороны. Он поспешно буркнул:

- Вам, вероятно, известно, что мы помолвлены?

- В самом деле? - воскликнул эстет, вновь окидывая Шелтона веселым, ясным, но непроницаемым взглядом. - В самом деле? Я не знал. Поздравляю!

Казалось, он хотел этим сказать: "Вы человек со вкусом: по-моему, эта девушка способна украсить почти любую гостиную".

- Благодарю, - сказал Шелтон. - А вот и она. Извините, пожалуйста. Мне нужно поговорить с ней.

ГЛАВА XXIV

В РАЮ

Антония стояла на солнце, у старой кирпичной ограды, среди гвоздик, маков и васильков, и тихо напевала какую-то песенку. Шелтон проследил глазами за эстетом, пока тот не скрылся из виду, и стал украдкой смотреть на Антонию - как она нагибалась к цветам, вдыхала их аромат, перебирала их, выбрасывая увядшие, и по очереди прижимала к лицу, не переставая напевать все ту же нежную мелодию.

Еще два-три месяца, и исчезнут все преграды, отделяющие его от этой загадочной юной Евы; она станет частью его, а он - ее; он будет знать все ее мысли, а она - все его мысли. Они станут единым целым; и люди будут думать и говорить о них как о едином целом, - и для этого нужно только вместе простоять полчаса в церкви, обменяться кольцами и расписаться в толстой книге.

Солнце золотило волосы Антонии - она была без шляпы, - румянило ее щеки, придавало чувственную негу очертаниям ее тела; напоенная солнцем и теплом, она, подобно цветам, и пчелам, солнечным лучам и летнему воздуху, казалась сотканной из света, движения и красок.

Внезапно она обернулась и увидела Шелтона.

- А, Дик! - воскликнула она. - Дайте мне ваш носовой платок завернуть цветы. Вот спасибо!

Ее ясные глаза, голубые, как цветы в ее руках, были прозрачны и холодны, точно лед, зато улыбка излучала все дурманящее тепло, скопившееся в этом уголке сада и пропитавшее ее существо. Глядя на ее зарумянившиеся от солнца щеки, на ее пальчики, перебирающие стебли цветов, на белые, как жемчуг, зубы и пышные волосы, Шелтон совсем потерял голову. У него подкашивались ноги.

- Наконец-то я нашел вас! - сказал он. Откинув назад голову, она крикнула "Ловите!" и, взмахнув обеими руками, бросила ему цветы.

Под этим теплым, душистым дождем Шелтон упал на колени и стал собирать из цветов букет, то и дело нюхая гвоздики, чтобы скрыть бушевавшие в груди чувства.

Антония продолжала рвать цветы; набрав целую охапку, она бросала их Шелтону, осыпая ими его шляпу, спину, плечи, а потом принималась рвать дальше и улыбалась улыбкой бесенка, словно сознавая, какие муки причиняет своей жертве. И Шелтон был уверен, что она в самом деле сознает это.

- Вы не устали? - спросила она. - Надо нарвать еще целую уйму. Для всех спален, целых четырнадцать букетов. Я просто не понимаю, как люди могут жить без цветов! А вы?

И, низко нагнувшись над самой его головой, она зарылась лицом в гвоздики.

Шелтон, не поднимая глаз от лежавших перед ним сорванных цветов, с усилием ответил:

- Мне кажется, я мог бы обойтись и без них.

- Бедный, бедный Дик!

Антония отошла на несколько шагов. Солнце освещало ее точеный профиль и ложилось золотыми бликами на грудь.

- Бедный Дик! Досталось вам?

Набрав целую охапку резеды, она снова подошла к нему так близко, что коснулась его плеча, но Шелтон не поднял головы; с бурно бьющимся сердцем, еле переводя дыхание, он продолжал разбирать цветы. Резеда дождем посыпалась ему на шею; цветы, пролетая мимо его лица, оведали его своим ароматом.

- Эти можно не разбирать, - сказала она.

Что это? Неужели кокетство? Он украдкой взглянул на нее, но она уже снова отошла к клумбам и, нагибаясь, нюхала цветы.

- Мне кажется, я только мешаю вам, - пробурчал Шелтон. - Я лучше уйду!

Антония рассмеялась.

- Мне так нравится, когда вы стоите на коленях; у вас очень забавный вид! - И она бросила ему ярко-красную гвоздику. - Хорошо пахнет, правда?

- Слишком хорошо!.. Ох, Антония! Зачем вы это делаете?

- Что делаю?

- Разве вы не понимаете, что вы делаете?

- Как что? Собираю цветы!

И она снова побежала к клумбам, нагнулась и стала нюхать распутившиеся бутоны.

- Не хватит ли?

- О нет, - отозвалась она. - Нет, нет... нужно еще очень много. Пожалуйста, сделайте букеты, если... если любите меня.

- Вы знаете, что я люблю вас, - глухо сказал Шелтон.

Антония посмотрела на него через плечо; лицо ее выражало недоумение и вопрос.

- А ведь мы с вами совсем разные, - сказала она. - Какие цветы поставить в вашу комнату?

- Выберите сами.

- Васильки и махровую гвоздику. Мак - чересчур легкомысленный цветок, а простая гвоздика слишком уж...

- Простая, - подсказал Шелтон.

- А резеда слишком жесткая и...

- Пахучая. Но почему васильки?

Антония стояла перед ним выпрямившись, такая молодая и стройная; лицо ее было очень серьезно: она колебалась, не зная, что ответить.

- Потому что они темные и бездонно-синие.

- А почему махровую гвоздику? Антония молчала.

- А почему махровую гвоздику?

- Потому что... - начала она и, покраснев, согнала с юбки пчелу. Потому что... в вас есть что-то такое, чего я не понимаю.

- Вот как! Ну, а какие цветы я должен дать вам?

Она заложила руки за спину.

- Мне? Все остальные.

Шелтон выхватил из лежавшей перед ним груды исландский мак на длинном и прямом стебле, чуть изогнувшимся вверху под тяжестью цветка, белую гвоздику и пучок жесткой пахучей резеды и протянул Антонии.

- Вот, - сказал он, - это вы!

Но Антония не шевельнулась.

- О, нет, я не такая!

Пальцы ее за спиной медленно разрывали в клочья лепестки кроваво-красного мака. Она покачала головой и улыбнулась сияющей улыбкой. Шелтон выронил цветы и, сжав ее в объятиях, поцеловал в губы.

Но руки его тотчас опустились: не то страх, не то стыд овладел им. Антония не сопротивлялась, но поцелуй снял улыбку с ее губ, оставил в глазах отчуждение, испуг и холод.

"Значит, она вовсе не кокетничала со мной, - с удивлением и гневом! подумал он. - Чего же она хотела?"

И, как побитая собака, он с тревогой вглядывался в ее лицо.

ГЛАВА XXV

ПРОГУЛКА ВЕРХОМ

- А теперь куда? - спросила Антония, придерживая свою гнедую кобылу, когда они свернули на Хайстрит в Оксфорде. - Мне не хочется возвращаться той же дорогой, Дик!

- Мы могли бы проскакать по лугам, два раза пересечь реку, а потом домой, но вы устанете.

Антония покачала головой. Тень от соломенной шляпы легла на ее щеку; розовое ухо просвечивало на солнце.

После того поцелуя в саду что-то новое появилось в их отношениях; внешне Антония вела себя с ним по-прежнему дружески, спокойно и весело. Но Шелтон чувствовал, что в ней произошла внутренняя перемена, как чувствуется перед изменением погоды, что ветер стал каким-то иным. Своим поцелуем он запятнал ее непорочную чистоту; он пытался стереть это пятно, но след все же остался, и след этот был неизгладим.

Антония принадлежала к самой цивилизованной части самой цивилизованной в мире нации, чье кредо гласит: "Можно любить и ненавидеть, можно работать и жениться, но никогда нельзя давать волю своим чувствам; дать волю чувствам значит, оставить след в памяти окружающих, а это вещь непростительная. Пусть наша жизнь будет такой же, как наши лица, пусть не будет на ней ни складок, ни морщинок - даже от смеха. Только тогда мы будем действительно "цивилизованными людьми".

Шелтон чувствовал, что Антонию томит смутное беспокойство. То, что он дал волю своим чувствам, было, пожалуй, даже естественно и могло лишь на мгновение смутить ее, но благодаря ему у нее появилось ощущение, будто и она дала волю своим чувствам, а это уже было совсем другое дело.

- Вы разрешите мне заглянуть в "Голову епископа" и узнать, нет ли для меня писем? - спросил он, когда они проезжали мимо старой

гостиницы.

Шелтону подали засаленный тонкий конверт, на котором старательным четким почерком было выведено: "М-ру Ричарду Шелтону, эсквайру", - казалось, человек, писавший эти строки, вложил в них всю душу, только бы письмо дошло по назначению. Оно было трехдневной давности, и, как только всадники тронулись в путь, Шелтон принялся читать его. Оно гласило:

"Гостиница

"Королевский павлин".

Фолкстон.

Mon cher monsieur Шелтон!

Вот уже третий раз берусь я за перо, чтобы написать Вам, но так как я ничем не могу похвастать, кроме неудач, то все откладывал письмо до лучших дней. В самом деле, мною овладело столь глубокое уныние, что, если бы я не считал своим долгом сообщать Вам о своей судьбе, - право, не знаю, хватило ли бы у меня духа написать Вам даже сейчас. *Les choses vont de mal en mal* {Дела идут все хуже и хуже (франц.)}. Говорят, здесь никогда еще не было такого плохого сезона. Полный застой. И тем не менее у меня тысяча мелких дел, которые отнимают уйму времени, а оплачиваются так ничтожно, что этого не хватает даже на жизнь. Просто не знаю, как быть; одно мне ясно: в будущем году я сюда ни в коем случае не вернусь. Владелец этой гостиницы, мой дорогой хозяин, принадлежит к той многочисленной категории людей, которые не крадут и не занимаются подлогами лишь потому, что у них нет в этом необходимости, а если бы даже такая необходимость и появилась, у них не хватило бы на это храбрости, - к той категории людей, которые не изменяют женам, потому что в них воспитали веру в незыблемость брака и они знают, что, нарушив брачный обет, они рискуют оказаться в неприятном положении и погубить свою репутацию; которые не играют в азартные игры, потому что не смеют; не пьют, потому что это им вредно; ходят в церковь, потому что туда ходят их соседи, а также для того, чтобы нагулять аппетит к обеду; не убивают, потому что, не преступая остальных заповедей, >не имеют к тому оснований. За что же уважать таких людей? А между тем они пользуются большим почетом и составляют три четверти нашего общества! Эти господа придерживаются одного правила: они закрывают на все глаза, никогда

не утруждают своего мыслительного аппарата и плотно затворяют двери, опасаясь, как бы бездомные псы не забрели к ним и не искусали их".

Шелтон перестал читать, чувствуя на себе вопросительный взгляд Антонии, которого он в последнее время стал бояться. В глазах ее был холодный вопрос. "Я жду, - казалось, говорили они. - Я хочу, чтобы вы рассказали мне что-нибудь, - что-нибудь полезное, что помогло бы мне верить в жизнь, но не заставило бы слишком много думать".

- Это письмо от того молодого иностранца, - сказал Шелтон и снова погрузился в чтение.

"У меня есть глаза - вот я и пользуюсь ими; к тому же у меня есть нос pour flairer le humbug {Чтобы учуять ханжество (франц.)}. Я вижу, что никакая самая большая ценность не может сравниться со "свободой мысли". У меня можно отнять что угодно, on ne peut pas m'oter cela! {Но этого у меня отнять нельзя! (франц.)} Здесь для меня нет никакого будущего, и я, конечно, уже давно бы уехал отсюда, будь у меня деньги, но, как я уже сообщал Вам, то, что я в состоянии здесь заработать, едва дает мне de quoi vivre. Je me sens esoeure {На пропитание. Мне все так опротивело (франц.)}. Не обращайтесь, пожалуйста, внимания на мои иеремиады. Вы же знаете, какой я пессимист! Je ne perds pas courage! {Я не теряю мужества! (франц.)}

От души надеюсь, что Вы здоровы. Сердечно жму Вашу руку и остаюсь

Преданный Вам Луи Ферран".

Шелтон ехал, держа в руке распечатанное письмо и внутренне негодуя на то странное смятение, которое вызвал Ферран в его душе. Казалось, этот бродяга-иностранец задел в его сердце давно молчавшую струну, и она зазвучала жалобно и возмущенно.

- Что он пишет? - спросила Антония.

Показать ей письмо или нет? Если невозможно сделать это теперь, то что же будет потом, когда они поженятся?

- Не знаю, как и сказать, - ответил он наконец. - В общем не очень веселые вещи.

- Какой он, Дик? Я хочу сказать - внешне. Производит впечатление джентльмена или...

Шелтон чуть не расхохотался.

- В сюртуке у него вполне приличный вид, - ответил он. - Отец его был виноторговцем.

Антония слегка ударила себя хлыстом по юбке.

- Конечно, если там есть что-нибудь, чего мне не полагается знать, то лучше не говорите, - тихо сказала она.

Вместо того чтобы успокоить Шелтона, эти слова оказали на него как раз обратное действие. Такие отношения, когда от жены приходится скрывать половину своей жизни, вовсе не казались ему идеальными.

- Дело только в том, что все это не очень весело, - с запинкой повторил он.

- Ну и не надо! - воскликнула Антония и, тронув лошадь хлыстом, поскакала вперед. - Терпеть не могу все мрачное.

Шелтон закусил губу. Не его вина, что в жизни так много мрачных сторон. Он знал, что ее слова направлены против него, и, как всегда, испугался, заметив, что она им недовольна. И он помчался догонять ее, пустив лошадь галопом по выжженной солнцем траве.

- Что с вами? - спросил он. - Вы рассердились?

- Вовсе нет.

- Дорогая моя, чем же я виноват, что на свете так много невеселого! Ведь у нас есть глаза, - добавил он, вспомнив фразу из письма.

Даже не взглянув на него, Антония снова хлестнула лошадь.

- В общем, я не хочу видеть мрачные стороны жизни, - сказала она. - И я не понимаю, зачем вам надо их видеть? Нехорошо быть недовольным.

И она ускакала вперед.

Не его вина, что в мире существуют тысячи всевозможных людей и тысячи всевозможных точек зрения, с которыми ей никогда не приходилось сталкиваться! "Какое право имеет наш класс смотреть на других сверху вниз? думал он, прищпоривая лошадь. - Мы единственные на свете существа, которые понятия не имеют о том, что такое жизнь".

Антония неслась галопом; из-под копыт ее лошади в лицо Шелтону летели куски высохшего дерна и пыль. Шелтон почти догнал ее, - еще немного, и он сможет достать до нее рукой; но она

точно играла с ним: в следующую минуту он снова остался далеко позади.

Антония остановила лошадь у дальней изгороди и, сорвав несколько веточек, стала обмахивать ими разгоряченное лицо.

- Ага, Дик, я знала, что вам не догнать меня! - И она потрепала по шее гнедую кобылу, которая с презрительной насмешкой повернулась в сторону коня Шелтона, раздув ноздри; бока ее бурно вздымались, постепенно темнея от пота.

- Надо ехать ровнее, если мы хотим попасть сего* дня домой, - ворчливо заметил Шелтон, соскакивая на землю, чтобы ослабить подпругу.

- Не злитесь, Дик!

- Нельзя так гнать лошадей, они не приучены к этому. Нам лучше возвращаться домой старой дорогой.

Антония опустила поводья и поправила волосы на затылке.

- Это совсем неинтересно, - сказала она, - в оба конца по одной и той же дороге! Ненавижу такие прогулки, так только собак водят гулять.

- Хорошо, - согласился Шелтон. Он подумал, что это позволит им дольше побыть вместе.

Дорога шла все вверх и вверх; с вершины холма открывался вид на леса и пастбища. Вниз они спускались по просеке, и Шелтон подъехал так близко к девушке, что его колено касалось бока ее лошади.

Он смотрел на профиль Антонии и грезил. Она была сама юность блестящие невинные глаза, пылающие щеки и безмятежный лоб; но в улыбке ее и в повороте головы было что-то решительное и недоброе. Шелтон протянул руку и дотронулся до гривы ее лошади.

- Почему вы дали обещание выйти за меня замуж? - спросил он.

Она улыбнулась.

- А вы?

- Я? - воскликнул Шелтон.

Она погладила его по руке.

- Ах, Дик! - вздохнула она.

- Я хочу быть для вас всем на свете, - задыхаясь, сказал он. - Вы думаете, это возможно?

- Конечно!

Конечно! Это слово могло означать и очень много и очень мало.

Антония посмотрела вниз на реку, сверкавшую под откосом извилистой серебряной лентой,

- Дик, у нас может быть такая изумительная жизнь! - сказала она.

Хотела ли она этим сказать, что они поймут друг друга, или же им, по освященному веками обычаю, суждено только разыгрывать взаимное понимание?

Они перебрались через реку на пароме и долго ехали молча; за осинами медленно сгущались сумерки. И Шелтону мнилось, что вся красота этого вечера - трепещущие листья деревьев, торжественный молодой месяц в небе, освещенные им венчики горлицы - лишь отражение красоты Антонии; пряные запахи, таинственные тени, странные шорохи, доносящиеся с полей, посвистывание деревенских парней и всплески водяных птиц - все было полно неизъяснимого очарования. Мелькание летучих мышей, смутные контуры стогов сена, аромат шиповника - все было для него Антонией. Темные круги у нее под глазами обозначились резче, какая-то истома овладела ею, и оттого она казалась еще милее и моложе. На ней как бы лежал отпечаток их родины - суровой и гордой, энергичной и сдержанной, - такой была Англия, пока на лице ее не появилась гримаса алчности, плечи ее не окутала тога богатства и на губах не заиграла улыбка самонадеянности. Прекрасная, беззаботная, свободная!..

Шелтон молчал, и только сердце его стучало.

ГЛАВА XXVI

ПТИЦА ПЕРЕЛЕТНАЯ

В тот вечер, после прогулки, когда Шелтон уже собрался ложиться спать, взгляд его упал на письмо Феррана, и он, побуждаемый смутным чувством долга, стал перечитывать его, борясь со сном. В темной, обшитой дубом спальне мягкий свет свечей падал на кровать с колонками, под балдахином из алого штофа, застланную тончайшими простынями. Медный кувшин с горячей водой, стоявший на умывальнике, серебряная оправа щеток, начищенные башмаки - все кругом блестело; мрачно было только лицо Шелтона, склоненное над желтоватой бумагой, которую он держал в руке.

"Бедняге, конечно, нужны деньги", - подумал он. Но почему надо без конца помогать человеку, которому он ничем не обязан, человеку безнадежному, неисправимому? Пусть тонет; долг Шелтона перед

обществом - не протягивать ему руку помощи. Утонченные манеры этого бродяги разжалобили Шелтона, тогда как деньги эти следовало бы пожертвовать больницам или любым другим благотворительным учреждениям, но только не иностранцам. Оказывать помощь человеку, не имеющему на то никаких прав, уделять ему частицу себя - пусть даже это выражается в дружеском кивке головой, - и все только потому, что этому человеку не повезло... какая сентиментальная глупость! Пора положить этому конец! Но в ту минуту, когда Шелтон пробормотал эти слова, в нем шевельнулась врожденная честность. "Какое лицемерие! - подумал он. - Тебе, голубчик, просто жаль расстаться с деньгами!"

И вот Шелтон, как был, без сюртука, подсел к столу и на бумаге с адресом и гербом Холм-Окса написал Феррану записку:

"Дорогой Ферран!

Мне очень жаль, что дела Ваши плохи. Вам, видно, чертовски не везет. Надеюсь, что, когда Вы получите эти строки, дела Ваши уже поправятся. Мне очень хотелось бы снова встретиться с Вами и поговорить, но я еще некоторое время пробуду вне Лондона и сомневаюсь, смогу ли я, даже когда вернусь, заехать навестить Вас. Держите меня *au courant* {В курсе (франц.).} всех Ваших передвижений. Посылаю Вам чек.

Искренне Ваш Ричард Шелтон".

Тут внимание Шелтона отвлекла залетевшая в комнату ночная бабочка, которая принялась кружить около свечи; пока Шелтон ловил ее и выпускал на свободу, он успел забыть, что не вложил чека в конверт. Утром, когда он еще спал, лакей, придя чистить его платье, забрал вместе с ним и письмо. Так оно и пошло без чека.

Однажды утром, неделю спустя, Шелтон сидел в курительной с джентльменом по имени Мэбби, который рассказывал ему, скольких куропаток он лишил жизни 12 августа прошлого года и скольких собирается лишить жизни 12 августа в этом году, как вдруг дверь открылась и вошел дворецкий с таким видом, словно собирался сообщить некую роковую тайну.

- Вас спрашивает какой-то молодой человек, сэр, - тихо сказал он, наклоняясь к Шелтону. - Но не знаю, пожелаете ли вы принять его, сэр.

- Молодой человек? - повторил Шелтон. - Что за молодой человек?

- Я сказал бы, что он похож на иностранца, сэр, - извиняющимся тоном сказал дворецкий. - Он в сюртуке, но выглядит так, словно немало прошел пешком.

Шелтон поспешно встал: описание незнакомца не предвещало ничего хорошего.

- Где он?

- Я привел его в заднюю комнатку на половине молодых леди, сэр.

- Хорошо, - сказал Шелтон. - Я сейчас выйду к нему...

"Какого черта!" - подумал он, сбегая по лестнице.

Со странной смесью удовольствия и досады вошел Шелтон в маленькую комнатку, где помещались пернатые и четвероногие любимцы молодых обитательниц дома, их теннисные ракетки, клюшки для гольфа и прочее девичье хозяйство. Ферран стоял под клеткой с канарейкой, сжимая обеими руками шляпу и растерянно улыбаясь. На нем был старый сюртук Шелтона, доверху застегнутый; он выглядел бы совсем франтом, если бы не следы утомительного путешествия пешком. К тому же он надел пенсне, несколько скрадывавшее циничное выражение его голубых глаз и вместе с тем не вполне соответствовавшее всему его облику нечестивца и смутьяна. Но даже среди этой чуждой для него обстановки он производил впечатление человека, сознающего, что он делает, и распоряжающегося своей судьбой, - а это и привлекало в нем больше всего.

- Рад вас видеть, - сказал Шелтон, протягивая ему руку.

- Простите мою бесцеремонность, - начал Ферран, - но после всего, что вы для меня сделали, я считал своим долгом предупредить вас о своем отъезде из Англии, если у меня не хватит больше сил искать здесь работу. Деньги мои совсем подходят к концу.

Шелтону показалось, что он уже слышал однажды последнюю фразу.

- Но я писал вам, - сказал он. - Разве вы не получили моего письма?

Легкая судорога передернула лицо скитальца; он достал из кармана письмо и протянул его Шелтону.

- Вот оно, мосье.

Шелтон с удивлением уставился на письмо.

- Но ведь я посылал чек! - сказал он.

Ферран без улыбки смотрел на Шелтона, словно тот нанес ему тяжкое оскорбление, забыв вложить чек в конверт.

Шелтон невольно бросил на него недоверчивый взгляд.

- Я... я же собирался вложить чек, - сказал он.

Ферран, у которого хватило такта промолчать, лишь скривил губы. "Я способен на многое, но только не на это", - казалось, хотел он сказать. И Шелтон тотчас почувствовал всю низость своих сомнений.

- Как это глупо у меня вышло, - сказал он.

- Я не собирался являться сюда без приглашения! - воскликнул Ферран. Я надеялся встретиться с вами где-нибудь поблизости, но, когда добрал сюда, почувствовал, что изнемогаю от усталости. Последний раз я ел вчера в полдень, а прошел я тридцать миль... - Он передернул плечами. - Вам теперь понятно, почему я должен был как можно скорее удостовериться, что вы здесь.

- Да, конечно... - начал было Шелтон и тотчас запнулся.

- Хотел бы я, - продолжал молодой иностранец, - чтобы кто-нибудь из ваших милейших законодателей оказался в этих местах с одним пенни в кармане. В других странах булочки обязаны продавать покупателю столько хлеба, сколько ему нужно, даже если ему нужно хлеба на пенни, а тут они не продадут и корки дешевле, чем за два пенса. У вас не поощряют бедности.

- Что вы думаете теперь делать? - спросил Шелтон, чтобы выиграть время.

- Как я уже писал вам, в Фолкстоне мне делать нечего, хотя я и пожил бы там еще, если бы у меня были деньги на оплату кое-каких расходов. Казалось, Ферран решил лишний раз упрекнуть своего покровителя за то, что тот забыл послать ему чек. - Говорят, что к концу месяца дела там должны улучшиться. Но я подумал, что теперь, когда я уже овладел английским языком, мне, может быть, удастся получить место учителя иностранных языков.

- Понятно, - сказал Шелтон

На самом же деле он ничего не понимал и положительно не знал, как быть. Дать Феррану денег и попросить его убраться отсюда было

бы слишком грубо; к тому же у Шелтона в эту минуту не было при себе ни пенса.

- Только умение философски смотреть на жизнь помогло мне пережить эту неделю, - продолжал Ферран, пожимая плечами. - В прошлую среду, когда я получил ваше письмо, у меня было ровно восемнадцать пенсов в кармане, и я решил поехать к вам. На эти деньги я и добрался сюда. Но силы мои почти иссякли.

Шелтон потер подбородок.

- Постараемся что-нибудь придумать, - начал было он, но тотчас заметил по лицу Феррана, что кто-то вошел в комнату. Обернувшись, он увидел в дверях Антонию.

- Одну минуту, - пробормотал он и, подойдя к Антонии, вышел с ней из комнаты.

Как только они очутились за дверью, она спросила с улыбкой:

- Это, конечно, тот самый молодой иностранец? Вот интересно!

- Да, - медленно ответил Шелтон. - Он пришел посоветоваться со мной насчет места учителя или чего-нибудь в этом роде. Как вы думаете, ваша матушка не будет возражать, если я проведу его наверх, чтобы он мог умыться? Он долго шел пешком. И нельзя ли дать ему позавтракать? Он, должно быть, голоден.

- Конечно! Я сейчас скажу Добсону. Хотите, я поговорю об этом с мамой? Он выйдет очень мило, Дик.

Шелтон украдкой бросил на нее благодарный взгляд и вернулся к своему гостю; что-то побудило его скрыть от Антонии истинное положение вещей.

Ферран стоял на том же месте, где его оставил Шелтон; лицо его по-прежнему хранило оскорбительно-бесстрастное выражение.

- Пойдемте ко мне! - сказал Шелтон; и, пока его гость мылся, причесывался и чистился, Шелтон, глядя на него, подумал, что у Феррана вполне приличный вид, и был признателен ему за это.

Воспользовавшись минутой, когда молодой человек стоял к нему спиной, Шелтон перелистал корешки своей чековой книжки. Никакого следа чека, выписанного на имя Феррана, естественно, не было, и Шелтон острее, чем когда-нибудь, почувствовал угрызения совести.

Миссис Деннант прислала слугу сказать, что завтрак подан; Шелтон провел Феррана в столовую и оставил его там, а сам

направился к хозяйке дома. По дороге он встретил Антонию, которая спускалась вниз.

- Я не помню: сколько дней, вы сказали, он в тот раз не ел? - мимоходом спросила она.

- Четыре.

- У него далеко не заурядный вид, Дик!

Шелтон недоверчиво посмотрел на нее. "Надеюсь, они не собираются устраивать из этого спектакль!" - подумал он.

Миссис Деннант сидела за столом и писала; на ней было темно-синее платье в белый горошек, с воротничком из тончайшего батиста, отделанным черной бархаткой.

- Вы не видели мой новый гибрид? Это Алджи привез мне из Кидстона. Правда, очаровательный? - Иона наклонилась к бесподобной розе. - Говорят, это единственный в своем роде экземпляр. Мне ужасно хочется узнать, правда ли это. Я сказала Алджи, что у меня непременно должна быть такая роза.

Шелтон подумал о единственном в своем роде экземпляре, который завтракал сейчас внизу; хотел бы он, чтобы миссис Деннант проявила к нему такой же интерес, как к своей розе. Но Шелтон знал, что это желание нелепо, ибо над высшими классами властвует могущественный закон, повелевающий им непременно увлекаться чем-нибудь и куда больше интересоваться птицами, розами, миссионерами или редкостными старинными книгами в дорогих переплетах - словом, вещами, с которыми известно, как обращаться, - чем" проявлениями человеческой жизни, проходящей у них на глазах.

- Ах да, Дик! По поводу этого молодого француза... Антония говорит, что он хотел бы получить место учителя. Скажите, вы в самом деле можете рекомендовать его? Миссис Робинсон из Гейтуэйз ищет преподавателя языков для своих мальчиков; к тому же, если бы этот француз был вполне приемлем, его можно было бы взять для Тоддлса: мальчику, право, пора заняться французским; ведь он через полгода пойдет в Итон.

Шелтон внимательно посмотрел на розу; он вдруг понял, почему эти люди больше интересуются розами, нежели своими ближними, - цветами можно интересоваться со спокойным сердцем.

- Видите ли, он не француз, - сказал Шелтон, чтобы немного выиграть время.

- Но и не немец, я надеюсь, - заметила миссис Деннант, проводя рукой по лепестку розы, словно для того, чтобы лучше запомнить ее очертания. - Я не люблю немцев. Это не тот ли, о ком вы писали, - молодой человек, у которого так неудачно сложилась жизнь? Как жаль, когда это случается с такими молодыми людьми! Вы, кажется, рассказывали, что отец его был торговцем. Антония говорит, что у него вполне пристойный вид.

- О да, - поспешил подтвердить Шелтон, почувствовав наконец твердую почву под ногами. - У него вполне пристойный вид.

Миссис Деннант взяла розу и понюхала ее.

- Дивный аромат! Так это он бродил голодный по Парижу? Помню, помню, очень трогательная история! У старой миссис Хопкинс есть комната, которую она собирается сдавать. Мне бы очень хотелось оказать ей услугу. Впрочем, боюсь, что там дыра в потолке. Или вот у нас есть комната в левом крыле, внизу, где когда-то спал лакей Джон. Вполне приличная комната; может быть, поселить его там?

- Вы чрезвычайно добры, - сказал Шелтон, - однако...

- Мне хотелось бы как-то помочь ему вновь обрести чувство собственного достоинства, - продолжала миссис Деннант, - при условии, конечно, что он умен, как вы говорите, и тому подобное. Если он снова поживет в хорошем обществе, это может иметь для него огромное значение. Так грустно, когда молодой человек перестает уважать себя!

Шелтон был немало поражен тем, как практично она смотрит на жизнь. "Помочь вновь обрести чувство собственного достоинства!" Это звучало великолепно! Он улыбнулся и сказал:

- Вы слишком добры! Я думаю...

- Я не умею останавливаться на полпути, - сказала миссис Деннант. Надеюсь, он не пьет?

- Нет, что вы, - успокоил ее Шелтон. - Правда, он страстный курильщик.

- Ну, это еще ничего... Вы представить себе не можете, сколько хлопот мне доставляли пьяницы, особенно кухарки и кучера. А теперь еще и Баньян начал пить.

- О, Ферран не доставит вам никаких хлопот, - сказал Шелтон. - По манерам во всяком случае - это настоящий джентльмен!

Миссис Деннант улыбнулась мягкой, доброй улыбкой.

- Это, милый Дик, небольшое утешение, - сказала она. - Возьмите бедного Бобби Сэрсинкла, возьмите Оливера Сэмпла, Виктора Медэллиона - лучших семей просто не сыщешь!.. Впрочем, если вы уверены, что он не пьет... Алджи, конечно, будет смеяться, но это неважно, он над всем смеется.

Шелтон почувствовал себя виноватым: он никак не ожидал, что его подопечный будет так быстро принят в этой семье.

- Я, право, думаю, что в нем немало хорошего, - проговорил он, - но, конечно, я не очень много знаю о нем, а судя по тому, что он мне рассказывал, у него была прелюбопытная жизнь. Я не хотел бы...

- Где он воспитывался? - спросила миссис Деннант. - Мне говорили, что во Франции нет таких закрытых школ, как у нас, но он, конечно, не виноват в этом, бедный юноша! Ах да, Дик, еще одно: у него есть родственники? С этим нужно быть очень осторожным! Помочь одинокому молодому человеку - одно дело, но помогать еще и его семье - это уже совсем другое. Вспомните, как бывает, когда мужчины женятся на бесприданницах!

- Он говорил мне, - ответил Шелтон, - что единственные его родственники - какие-то двоюродные братья, к тому же богатые.

Миссис Деннант вынула носовой платок и, нагнувшись над розой, смахнула с нее крошечное насекомое.

- Всюду эта тля, - сказала она. - Очень грустная история! Неужели эти его родственники ничего не могут для него сделать?

И она впилась взглядом в самое сердце своей редкостной розы.

- Кажется, он с ними поссорился, - сказал Шелтон. - Мне не хотелось расспрашивать его об этом.

- Ну конечно, - рассеянно согласилась с ним миссис Деннант: она нашла еще одну тлю. - Я всегда думала, что, когда человек молод, ему должно быть очень тяжело без друзей.

Шелтон молчал, погружившись в глубокое раздумье. Никогда еще он так не сомневался в молодом иностранце.

- Я думаю, что лучше всего вам самой на него посмотреть, - сказал он наконец.

- Прекрасно, - сказала миссис Деннант. - Будьте добры, попросите его подняться ко мне. Признаюсь, эта история о его скитаниях в

Париже очень меня растрогала. Интересно, можно ли при таком освещении сфотографировать эту розу?

Выйдя из комнаты, Шелтон спустился вниз. Ферран все еще завтракал. Антония стояла у буфета и резала для него мясо, на подоконнике сидела Тея с персидским котенком на руках.

Обе девушки непроницаемыми голубыми глазами следили за каждым движением скитальца. Дрожь пробежала у Шелтона по спине. В глубине души он проклял появление Феррана, словно оно могло как-то повлиять на его отношения с Антонией.

ГЛАВА XXVII

В ТАЙНИКАХ ДУШИ

Разговор между Ферраном и миссис Деннант, к которому Шелтон прислушивался не без тайного удовольствия, привел к вполне ощутимым результатам; главное, что молодому скитальцу разрешено было поселиться в комнате, которую в свое время занимал лакей Джон. Шелтон был искренне восхищен тем, как Ферран держал себя во время этой беседы. Он умел изумительно тонко сочетать почтительность с достоинством; изумительной была и затаенная улыбка на его губах.

- Знаете, Дик, он очень, очень мил, - сказала миссис Деннант как раз в ту минуту, когда Шелтон собирался повторить ей, что он почти не знает Феррана. - Я немедленно пошлю записку миссис Робинсон. Они довольно простые люди, эти Робинсоны. Я думаю, они возьмут любого человека с моей рекомендацией.

- Конечно, возьмут. Вот почему, по-моему, вам следовало бы знать... начал было Шелтон.

Но блестящие заячьи глаза миссис Деннат были устремлены куда-то вдаль. Обернувшись, Шелтон увидел розу в высокой вазе на высокой тонконогой жардиньерке. Залитая ярким солнцем, она, казалось, кивала им. Миссис Деннант бросилась к фотоаппарату и уткнулась в него носом.

- Вот сейчас свет просто идеальный, - слышался из-под черного покрывала ее приглушенный голос. - Я уверена, что жизнь среди порядочных людей окажет на него поистине чудодейственное влияние. Он понимает, конечно, что кушать он будет отдельно.

Теперь, когда его усилия увенчались успехом и подопечный его получил место, где требовалось оправдать доверие, Шелтону

оставалось лишь надеяться, что все сойдет благополучно; он инстинктивно чувствовал, что Ферран хоть и бродяга, но слишком уважает себя, чтобы отплатить за все черной неблагодарностью.

В самом деле, как и предвидела миссис Деннант, которая отнюдь не лишена была здравого смысла, все устроилось превосходно. Ферран приступил к исполнению своих обязанностей по обучению маленьких Робинсонов французскому языку. А в Холм-Оксе он безвыходно сидел в своей комнате, которую день и ночь прокуривал табаком, и только в полдень появлялся либо в саду, либо, если шел дождь, в кабинете, где давал уроки французского языка юному Тоддлсу. Вскоре он стал завтракать вместе с хозяевами; произошло это отчасти по ошибке Тоддлса, который, видимо, считал такое положение вещей вполне естественным, а отчасти благодаря Джону Ноблу, приятелю Шелтона, который приехал погостить в Холм-Окс и обнаружил, что Ферран невероятно интересный человек, - впрочем, он всюду обнаруживал каких-нибудь невероятно интересных людей. Поминутно отбрасывая волосы со лба, он рассуждал о Ферране своим ровным, унылым голосом, с воодушевлением, которого как будто сам немного стеснялся, словно говоря: "Я, конечно, знаю, что все это очень странно, но, право же, он такой невероятно интересный человек!" Нужно сказать, что Джон Нобл был политическим деятелем и принадлежал к одной из тех двух своеобразных партий, члены которых всегда чем-то очень заняты, необычайно серьезны, неподкупно честны и вдобавок органически враждебны чему бы то ни было своеобразному, ибо боятся преступить границы "практической политики". Поэтому Нобл, несомненно, внушал доверие; он интересовался только тем, что могло принести ему прямую выгоду, обладал удивительной порядочностью и слабо развитым воображением. С Ферраном он беседовал на самые разнообразные темы, - как то раз Шелтон услышал, что они спорят об анархизме.

- Ни один англичанин не одобряет убийства, - говорил Нобл мрачным голосом, который так не вязался с его задорной манерой держать свою красивую голову, - но в главном анархисты абсолютно правы. Рано или поздно наступит такое время, когда собственность будет поровну поделена между всеми. Я симпатизирую анархистам, но не их методам.

- Простите, - перебил его Ферран, - а вы знаете хоть одного анархиста?

- Нет, - ответил Нобл, - конечно, нет!

- Вы говорите, что симпатизируете им, но как только дело дойдет до действий...

- Ну и что же?

- О мосье, анархисты действуют не только рассуждениями.

Шелтон почувствовал, что Феррану хотелось добавить: "А и сердцем, легкими, печенкой". Он стал вдумываться в то, что хотел сказать Ферран, и ему показалось, что вместе с дымом тот выдохнул слова: "Да что вы знаете о нас, отверженных, вы, английский джентльмен с блестящим положением, насквозь пропитанный предрассудками своего класса! Если вы хотите понять нас, вы тоже должны стать отверженным, - для нас ведь это не игрушки".

Разговор этот происходил на лужайке, после того как Ферран кончил свой урок с Тоддлсом. Шелтон оставил Джона Нобла упрямо доказывать молодому иностранцу, что у него, Джона Нобла, много общего с анархистами, и направился к дому, но из-под развесистого каменного дуба раздался голос, окликнувший его по имени. Там, на траве, с трубкой в зубах, сидел по-турецки человек, который прибыл накануне вечером и сразу поразил Шелтона своей дружелюбной молчаливостью. Звали его Уиддон, он только что вернулся из Центральной Африки; это был загорелый мужчина, крепкий, худощавый, с тяжелым подбородком и спокойными, добрыми глазками.

- Простите, мистер Шелтон, - начал он, - не могли бы вы сказать мне, сколько нужно давать прислуге на чай; за десять лет отсутствия я перезабыл все эти тонкости.

Шелтон сел рядом и, бессознательно подражая позе Уиддона, тоже скрестил ноги, что оказалось очень неудобным.

- Я слушал, как этот мальчуган занимался французским, - сказал новый знакомый Шелтона. - Я совсем забыл этот язык. Чувствуешь себя страшным тупицей, когда не знаешь ни одного языка.

- А разве вы не говорите по-арабски? - спросил Шелтон.

- Да, я знаю арабский и еще два-три туземных диалекта, но они не в счет. Какое любопытное лицо у этого учителя!

- Вы находите? - с интересом спросил Шелтон. - У него была любопытная жизнь.

Путешественник оперся о траву ладонями и с улыбкой посмотрел на Шелтона.

- Я назвал бы его непоседой, - сказал он. - Даже в Центральной Африке мне доводилось встречать белых, во многом похожих на него.

- Вы поставили правильный диагноз, - сказал Шелтон.

- Мне всегда жаль таких людей. Обычно в них бывает немало хорошего. Но они сами себе враги. Плохо, когда человек не делает ничего такого, чем он мог бы гордиться.

На лице его появилось выражение жалости.

- Вот именно! Я много раз пытался выразить это словами, но не мог, сказал Шелтон. - Скажите, это неизлечимо?

- Думаю, что да.

- А можете вы объяснить, почему?

Уиддон задумался.

- Мне кажется, это происходит потому, что у таких людей слишком развита способность критически смотреть на мир. Нельзя научить человека гордиться своей работой, - это чувство врожденное.

И, скрестив руки на груди, Уиддон глубоко вздохнул. Он сидел в тени под густой листвой, глядя на освещенный солнцем сад - типичный англичанин, из тех, что сохраняют бодрость духа, а тело изнуряют тяжелым трудом где-нибудь на краю света.

- Вы представить себе не можете, как хорошо быть дома! - сказал он, широко улыбаясь. - Только когда живешь вдали от родины, начинаешь по-настоящему любить ее.

Впоследствии Шелтон часто вспоминал характеристику, которую Уиддон дал бродяге, - снова и снова он сталкивался со способностью Феррана подвергать все тонкой и острой критике, за которую его главным образом и считали "невероятно интересным" хотя порою и малоприятным человеком.

В доме гостил школьный приятель Шелтона со своей женой; эта пара могла служить примером идеального супружества. Они всегда были такие спокойные и веселые, что невозможно было представить себе их ссорящимися. Шелтон, чья спальня примыкала к их комнате, слышал, как они разговаривали по утрам тем же тоном, что и за завтраком, и смеялись точно таким же смехом. По-видимому, они

были вполне удовлетворены своей жизнью; общество поставляло им убеждения точно так же, как универсальные магазины поставляли все необходимое для жизни. Их в меру красивые и в меру добрые лица, выражение которых быстро и безотказно изменялось в соответствии с любыми обстоятельствами, стали так раздражать Шелтона, что, оказавшись с ними в одной комнате, он старался уткнуться в книгу, лишь бы не смотреть на них. А ведь это были добрые люди то есть в меру добрые - и вели себя в доме тихо, кроме тех случаев, когда смеялись, что бывало с ними довольно часто, и притом по таким поводам, которые у Шелтона вызывали желание выть, как воеет собака, заслышав музыку.

- Мистер Шелтон, - сказал как-то Ферран, - я вообще не сторонник брака: у меня самого, как вы понимаете, не было возможности жениться, но, глядя на некоторых людей, живущих здесь, я тем более очень и очень подумал бы, прежде чем совершить этот шаг. Они производят впечатление идеальной молодой пары никогда не ссорятся, всегда хорошо себя чувствуют, живут со всеми в согласии, ходят в церковь, рожают детей... но скажите, есть ли в их жизни хоть какая-то красота? - Он поморщился. - Их совместная жизнь кажется мне настолько уродливой, что, глядя на них, я начинаю задыхаться. По-моему, уж лучше бы они дурно обращались друг с другом, по крайней мере видно было бы, что в них есть хоть что-то живое. Если это называется браком, то Dieu m'en garde! {Упаси меня бог! (франц.).}

Но Шелтон, глубоко задумавшись, молчал.

Слова Джона Нобла: "Он, право же, невероятно интересный человек" - все сильнее раздражали его: они, казалось, объясняли отношение Деннантов к этому пришельцу, оказавшемуся у них в доме. Хозяева относились к нему с некоторой осторожностью, как к экспонату с выставки, на котором повешена дощечка: "Руками не трогать!" Впрочем, чувство собственного достоинства возрождалось у Феррана довольно быстро. Хотя при взгляде на него по-прежнему казалось, что он вырос из платья, которое подарил ему Шелтон, хотя лицо его было все таким же загорелым, а на губах все так же то появлялась вдруг, то исчезала циничная усмешка, Ферран делал честь своим покровителям. Он поборол в себе ужас перед бритвой и очень неплохо выглядел в летнем костюме Шелтона. В конце концов прошло

всего восемь лет с тех пор, как он перестал вращаться среди пристойных людей; к тому же половину этого срока он работал официантом. И, однако, Шелтон желал, чтобы он провалился ко всем чертям. Не манеры его раздражали Шелтона: он с живейшим интересом наблюдал за тем, как тонко этот оборванец умел согласовать свое поведение с поведением хозяев дома, не переставая держаться обособленно и критически относиться ко всему, - а то, что эта обособленность и критическое отношение к жизни заставляли самого Шелтона анализировать среду, в которой он родился и собирался строить свою семейную жизнь. Это была мучительная работа мысли, и, чтобы выяснить, когда она началась, Шелтону пришлось бы вернуться к своей встрече с Ферраном на пути из Дувра.

Гостеприимство, которое Деннанты оказывали такой странной птице, как Ферран, несомненно, было вызвано их добротой; признав это, Шелтон стал анализировать природу этой доброты. Для него самого, для людей его класса это чувство было роскошью, не требующей жертв, но вызывающей приятное ощущение, словно массаж ног. "Все тут добрые, - думал Шелтон. - Вопрос в том, скрывается ли под этой добротой хоть какое-то понимание горя, подлинное сочувствие?" Эта проблема дала ему немалую пищу для размышлений.

Быстрое приспособление Феррана к чуждой ему среде, о котором нередко говорила миссис Деннант, указывало, по мнению Шелтона, лишь на желание как можно лучше использовать свое неожиданное пребывание на этих тучных пастбищах. Шелтон подумал, что на месте Феррана он и сам поступал бы точно так же. Он понимал, что молодой иностранец расшаркивается перед собственностью, и куда больше уважал в нем идущую от сердца язвительную усмешку.

Очень скоро в общем настроении произошла неизбежная перемена; Шелтон все острее ощущал какое-то необъяснимое беспокойство, которым, казалось, был насыщен самый воздух.

- И странного же субъекта вы откопали, Шелтон, - сказал ему раз мистер Деннант, когда они играли в крокет. - Боюсь, из него никогда не выйдет толку.

- В определенном смысле, думаю, что нет, - согласился Шелтон.

- Вы все знаете о нем? Держу пари на шесть пенсов... - Мистер Деннант сделал паузу, чтобы не промахнуться молотком по шару, - что

он сидел в тюрьме.

- В тюрьме? - вскричал Шелтон.

- По-моему, - продолжал мистер Деннант, сгибая колени, чтобы лучше нацелиться для нового удара, - вам следовало бы навести справки... Эх, промахнулся! До чего же нелепые ворота!.. Всему должен быть предел.

- Я никогда не мог установить, где он, этот предел, - ответил Шелтон настороженно и смущенно. - Но я понял: я намекну ему, чтобы он уехал.

- Не обижайтесь, дорогой мой Шелтон, - начал мистер Деннант, следуя за своим вторым шаром, который Шелтон отогнал на дальний конец площадки, - и, пожалуйста, ни на что ему не намекайте. Он меня очень интересует - такой умный, спокойный молодой человек.

Наблюдая за поведением мистера Деннанта в присутствии молодого бродяги, Шелтон пришел к выводу, что хозяин дома говорит не то, что думает. За привычно шутливым тоном и насмешливой маской на бледном лице ясно чувствовалось, как хорошо понимает мировой судья Алджернон К. Деннант, привыкший насмехаться над другими, догадывается, что на сей раз насмеваются над ним. Естественно, он пытался уяснить себе, как это могло случиться. Какой-то бродяга, да к тому же иностранец, заставил английского мирового судью обращать внимание на свою особу, - одно это уже делало немалую честь Феррану. Ферран мог не сказать ни слова за весь обед и все же произвести определенное впечатление. Он - предмет их забот, воспитания и покровительства - внушал им страх. Сомнений не было: они боялись не Феррана, а чего-то непонятного в нем, - они боялись острых умозаключений, которые рождались в извилинах мозга, скрытого под этими прямыми, влажными на вид волосами, боялись непонятной улыбки, которая кривила резко очерченные губы под тонким длинным носом.

Но для Шелтона в этой истории с Ферраном, как и во всем остальном, имела значение только Антония. Сначала, стараясь показать, что она верит своему жениху, Антония, казалось, готова была без конца ублажать его подопечного, словно и она от души стремилась наставить его на путь истинный; но, следя за тем, каким взглядом она смотрела на Феррана, Шелтон всякий раз вспоминал слова, сказанные ею на другой день после его приезда в Холм-Окс: "Я

думаю, на самом деле он хороший - по-моему, все то, о чем он вам рассказывал, было лишь..."

Во взгляде ее по-прежнему сквозило любопытство, и она никогда не забывала о том, что Ферран голодал четыре дня, - это событие казалось ей необычайно красочным и вызывало куда больше сочувствия и интереса, нежели сам человек, с которым так странно столкнула ее судьба. Она наблюдала за Ферраном, а Шелтон наблюдал за ней. Если бы ему сказали, что он за ней наблюдает, он с полной искренностью стал бы отрицать это, но он не мог поступить иначе, ибо хотел понять, как же воспринимает Антония этого их гостя, который олицетворял собою мятежную сторону жизни, все, чего не было в ней самой.

- Дик, - сказала ему однажды Антония, - почему вы никогда не говорите со мной о мосье Ферране?

- А вы хотите поговорить о нем?

- Вам не кажется, что он изменился к лучшему?

- Он пополнил.

Лицо Антонии стало серьезным.

- Нет, в самом деле.

- Не знаю, - сказал Шелтон. - Мне трудно судить о нем.

Антония отвернулась, и что-то в ее движении встревожило Шелтона.

- Ведь он был когда-то почти джентльменом, - сказала она. - Почему же он не может снова стать им?

Антония сидела на низкой стене, отделявшей огород от сада; позади нее росло сливовое дерево, и золотистые плоды его обрамляли ее головку. Густая листва каменного дуба заслоняла солнце, но узкий сноп лучей, пробившись между листьями, освещал ветви сливы над головой Антонии, венчая ее сияющей короной. В этих золотых лучах ее одежда, темные листья, красные кирпичи стены, золотистые сливы - все сливалось в одно язычески яркое пятно. А лицо Антонии было в тени - целомудренное и спокойное, как тихий летний вечер. В смородиновых кустах еле слышно пела какая-то птичка, и казалось, что каждая веточка сливового дерева дышит, живет.

- Возможно, он вовсе и не хочет быть джентльменом, - сказал Шелтон.

Антония переменяла позу.

- Но как он может не хотеть?

- Возможно, он иначе смотрит на жизнь.

Антония молчала.

- Я не знала, что можно по-разному смотреть на жизнь, - проговорила она наконец.

- Вы не найдете и двух людей с одинаковыми взглядами, - холодно ответил Шелтон.

Солнечный луч погас, и дерево померкло. Очертания его стали жестче, резче; теперь это было уже не красочное пятно, пестрое и бесстрастное, как восточная богиня, а обычное северное дерево, сквозь листву которого пробивался серый вечерний свет.

- Я совсем не понимаю вас, - сказала Антония. - Все люди хотят быть хорошими.

- И хотят жить спокойно? - мягко подсказал Шелтон.

Антония удивленно посмотрела на него.

- Предположим... - сказал Шелтон. - Я точно ничего не знаю, но предположим, что Ферран больше всего хочет, чтобы его поступки отличались от поступков других людей. Скажем, если бы вы предложили ему рекомендацию и много денег, поставив условием, чтобы он жил так, как все, вы думаете, он согласился бы?

- А почему же нет?

- Почему кошки не собаки, а язычники не христиане?

Антония соскользнула со стены.

- Вы, видимо, считаете, что не стоит и пытаться переделать его, сказала она и, повернувшись, пошла прочь.

Шелтон хотел было пойти за ней, но вдруг остановился, глядя вслед ее медленно удаляющейся фигуре с узкими бедрами и заложенными за спину руками; голова ее отчетливо выделялась на фоне зелени, поверх ограда. Она задержалась у поворота, оглянулась и, нетерпеливо махнув рукой, исчезла.

Антония ускользала от него!

Взгляни он на себя со стороны, и ему стало бы ясно, что это он уходит от нее, а она неподвижно стоит на месте, словно человек на берегу, который следит за течением потока ясными, широко раскрытыми, злыми глазами.

ГЛАВА XXVIII
НА РЕКЕ

Однажды, в конце августа, Шелтон предложил Антонии покататься по реке по реке, которая, словно тихая музыка, баюкает землю, которая среди камыша и тополей катит мимо лесистых берегов свои воды, где под солнцем, и под луной, и под тяжелыми, сумрачными облаками белеют, словно крылья лебедей, серебристые паруса, где не смолкают голоса кукушек и ветра, где воркуют голуби и журчат ручейки у запруды; где среди всплесков воды, рассекаемой обнаженным телом, среди колеблющихся листьев водяных лилий, среди сказочных чудищ-коряг и призрачного переплетения древесных корней воскресает Пан.

Плес, который выбрал для своей прогулки Шелтон, никогда не служил местом пикников, где хлопают пробки от шампанского и раздаются взрывы смеха, - это было место дикое, почти не подвергавшееся столь облагораживающему влиянию человека. Шелтон греб молча, погружившись в свои мысли и не отрывая взгляда от Антонии. В ней чувствовалась необычная истома: под глазами легли тени, словно она не спала мочь; румянец на щеках чуть побледнел, а платье, казалось, было соткано из золота. Она попросила Шелтона направить лодку в камыши и, наклонившись, сорвала две круглые лилии, которые, словно корабли, покачивались на лениво текущей воде.

- Давайте свернем куда-нибудь в тень, - сказала она. - Здесь слишком жарко.

Поля полотняной шляпы закрывали ей лицо, но головка девушки безвольно поникла, словно цветок, припекаемый полуденным солнцем.

Шелтон увидел, что жара в самом деле утомила ее, подобно тому как слишком жаркий день лишает северное растение его льдистой свежести. Он опустил весла, и по воде пошли круги, которые расплывались все шире я шире, пока не достигли берега.

Он направил лодку в заводь и, приподнявшись, ухватился за ветви нависшего над водою дерева. Ялик остановился, недовольно покачиваясь, словно живое существо.

- Я бы ни за что не согласилась жить в Лондоне, - внезапно сказала Антония. - Эти ужасные трущобы! Как жаль, что на свете есть такие места. Но не стоит думать об этом.

- Нет, - медленно ответил Шелтон, - я тоже считаю, что не стоит.

- В дальнем конце Кросс-Итона есть совсем плохие дома. Как-то раз я была там с мисс Трукот. Эти люди ничего не хотят сами для себя делать. А людям, которые ничего не хотят для себя делать, и помогать не хочется.

Упершись локтями в колени и положив подбородок на руки, Антония смотрела на Шелтона. Над ними навис шатер из мягкой густой листвы, а внизу в воде колыхались темно-зеленые отражения. Ветви плакучей ивы качались над лодкой, лаская плечи и руки Антонии, но не задевая ее лица и волос.

- Право же, им помогать не хочется, - снова сказала она.

Наступило молчание. Антония, казалось, глубоко задумалась.

- Что пользы сомневаться? - внезапно сказала она. - Сомнениями делу не поможешь. Главное - одерживать победы.

- Победы? - переспросил Шелтон. - Я предпочел бы понимать, а не побеждать.

Он встал и, ухватившись за ветку, подтянул лодку ближе к берегу.

- Как вы можете относиться ко всему безразлично, Дик? Вы прямо как Ферран!

- Разве вы такого плохого мнения о нем? - спросил Шелтон.

Он чувствовал, что ему вот-вот откроется нечто интересное.

Антония глубже уткнулась подбородком в ладони.

- Сперва он мне нравился, - сказала она. - Но я представляла его себе совсем другим. Я не думала, что он в самом деле...

- В самом деле - что?

Антония не отвечала.

- Право, не знаю, - сказала она наконец. - Мне трудно это объяснить. Я думала...

Шелтон продолжал стоять, держась за ветку; лодка, покачиваясь, колебала воду, испещряя легкой рябью ее гладь.

- Что же вы думали? - спросил он.

Взгляни Шелтон на нее, он увидел бы, что ее лицо стало еще более юным и каким-то по-детски застенчивым. И детским, нежным голоском она отчетливо сказала:

- Знаете, Дик, я в самом деле считаю, что мы должны постараться его исправить! Я знаю, что сама далеко не все для этого делаю. Но сколько ни думай, ничего не придумаешь: все так запутано, что просто не за что ухватиться. А я ненавижу чувство неуверенности.

Ведь дело вовсе не в том, что не знаешь, как следует поступать. Иногда я думаю, думаю, и все напрасно, только зря время теряю, и под конец появляется такое ощущение, словно все, что ни делаешь, плохо.

Шелтон нахмурился.

- Хорошо лишь то, что может выдержать любую проверку, - сказал он и, отпустив ветку, сел на свое место.

Ничем не сдерживаемую лодку стало относить от берега.

- Но что вы хотели сказать о Ферране?

- Вчера я долго не спала и все думала, чем он вам так нравится. В нем столько озлобленности, при нем я чувствую себя совсем несчастной. Он никогда и ничем не бывает доволен. И он презирает... - лицо ее стало жестким и холодным, - вернее, ненавидит всех нас.

- И я бы ненавидел, будь я на его месте, - сказал Шелтон.

Лодка медленно плыла по течению, и солнечные блики скользили по их лицам. Антония снова заговорила:

- Вот смотришь на него, и кажется, что его интересуют только мрачные стороны жизни и, как видно, это... это... доставляет ему большое удовольствие. Я думала... я думала сначала, - запинаясь, продолжала она, что мы сумеем оказать на него хорошее влияние.

- Хорошее влияние? Ха-ха-ха!

Вспугнутая его возгласом водяная крыса бросилась в воду и поплыла изо всех сил против течения; Шелтон понял, что совершил роковую ошибку, он внезапно раскрыл Антонии тайну, в которой до сих пор не признавался даже себе самому: что они смотрят на мир разными глазами, что ее отношение к жизни совсем иное, чему него, и что так будет всегда. Он быстро подавил смех. Антония опустила глаза; лицо ее вновь стало томным, но грудь бурно вздымалась. Шелтон следил за ней, отчаянно стараясь придумать какое-то оправдание роковому смеху, но не мог придумать ничего. Приоткрылась завеса, и правда вырвалась наружу. Шелтон медленно греб вдоль берега, не нарушая глубокого молчания реки.

Ветер стих, кругом была тишина, даже не плескалась рыба, и птицы: молчали, - только далеко в небе звенели жаворонка да одинокая горлинка ворковала в соседнем лесу.

Скоро они сошли на берег.

Возвращаясь в шарабане домой, они вдруг увидели за поворотом дороги Феррана в его вечном пенсне; держа в руке папиросу, он

разговаривал с каким-то бродягой, который сидел на корточках на берегу. Молодой иностранец, узнав их, тотчас снял шляпу.

- А вот и он, - сказал Шелтон, отвечая на приветствие.

Антония тоже поклонилась.

- О, как бы я хотела, чтобы он уехал! - воскликнула она, когда Ферран уже не мог их слышать. - Я престо видеть его не могу: кажется, будто заглядываешь в пропасть.

ГЛАВА XXIX

ОТЛЕТ

В тот вечер Шелтон поднялся к себе в комнату и, готовясь к выполнению неприятной обязанности, набил трубку. Он решил намекнуть Феррану, что ему следует уехать. Он еще обдумывал, как поступить: написать ли Феррану, или самому пойти к нему, - когда раздался стук в дверь и тот появился на пороге.

- Мне было бы очень жаль, если б вы сочли меня неблагодарным, - начал он, первым нарушая неловкое молчание, - но здесь я не вижу для себя никакого будущего. Лучше мне уехать. Меня не может удовлетворить перспектива всю жизнь преподавать иностранные языки - *ce n'est guere dans mon caractere* {Это не в моем характере (франц.)}.

Услышав из уст Феррана то самое, что он хотел и не решался сказать, Шелтон возмутился.

- А на что лучшее вы можете рассчитывать? - спросил он, стараясь не встречаться взглядом с Ферраном.

- Благодаря вашей доброте я стал теперь на ноги, - ответил тот, - и считаю, что должен приложить все усилия, чтобы улучшить свое общественное положение.

- Я бы на вашем месте сначала как следует подумал, - сказал Шелтон.

- Я и подумал, и мне кажется, что я понапрасну трачу здесь время. Для человека, у которого есть хоть капля мужества, преподавание языков не занятие, а я при всех своих недостатках все же не потерял мужества.

Шелтон даже забыл раскурить трубку, так тронула его уверенность молодого человека в своих силах, - уверенность вполне искренняя, хотя Шелтон чувствовал, что не она побуждает Феррана уехать отсюда. "Надоело ему все это, - подумал Шелтон. - Вот в чем

дело. Ему надоело жить на одном месте". И инстинктивно чувствуя, что нет такой силы, которая могла бы удержать Феррана, Шелтон с удвоенной энергией стал уговаривать его остаться.

- По-моему, - говорил Шелтон, - вам следовало бы пожить здесь и подкопить немного денег, прежде чем отправляться неизвестно куда.

- Я не умею копить, - сказал Ферран, - но благодаря вам и вашим милым знакомым у меня есть деньги, чтобы продержаться первое время. Я переписываюсь сейчас с одним приятелем, и для меня крайне важно попасть в Париж до осени, когда все начнут возвращаться туда. Быть может, мне удастся получить место в одной из западноафриканских компаний. Люди наживают там целые состояния - если остаются в живых, - а я, как вам известно, не слишком дорожу жизнью.

- А вы знаете пословицу, что синица в руках лучше журавля в небе? спросил Шелтон.

- Эта пословица, как, впрочем, и все остальные, справедлива только наполовину, - возразил Ферран. - Весь вопрос в темпераменте. Не в моем характере возиться с синицей, когда я вижу журавля и только от меня зависит его поймать. *Voyager, apprendre, c'est plus fort que moi!* {Странствовать, узнавать новое - нет, я не в силах отказаться от этого! (франц.).} - Глаза его чуть сощурились, на губах появилась насмешливая улыбка; помолчав немного, он продолжал: - К тому же, *mon cher monsieur*, лучше будет, если я уеду. Я никогда не создавал себе иллюзий и сейчас отлично вижу, что мое присутствие лишь с трудом терпят в этом доме.

- Откуда вы это взяли? - спросил Шелтон, чувствуя, что наступил решающий момент.

- Видите ли, дорогой мой сэр, не каждый в этом мире так хорошо все понимает, как вы, и не все, как вы, свободны от предрассудков; и хотя ваши друзья были необычайно добры ко мне, положение мое здесь ложное: я стесняю их; и в этом нет ничего странного, если вспомнить, чем я был до сих пор и что им известна моя история.

- Но только не от меня, - поспешил вставить Шелтон, - потому что я и сам ее не знаю.

- Они чувствуют, что я не их поля ягода, и одного этого уже вполне достаточно, - сказал бродяга. - Они не могут измениться, но и я тоже не могу. Мне никогда не улыбалась роль незваного гостя.

Шелтон отвернулся к окну и стал всматриваться в темноту сада; он никогда не сможет до конца понять этого человека, такого деликатного и вместе с тем такого циничного; и ему пришло в голову - не подавил ли в себе Ферран желание сказать: "Ведь и вы вздохнете свободно, когда я уеду отсюда"!

- Что ж, - сказал наконец Шелтон. - Раз решили ехать, - значит, решили, делать нечего. Когда же вы отправляетесь в путь?

- Я договорился с одним человеком, чтобы он отнес мои вещи к утреннему поезду. Мне кажется, что лучше не прощаться. Вместо этого я написал письмо вот оно. Я не запечатал его, чтобы вы могли прочесть, если захотите.

- Значит, я вас больше не увижу? - спросил Шелтон. Ему стало легко, и грустно, и жаль расставаться с Ферраном.

Ферран украдкой вытер руку и протянул ее Шелтону.

- Я всегда буду помнить, что вы для меня сделали, - сказал он.

- Смотрите, не забывайте писать, - сказал Шелтон.

- Да, да... - Лицо Феррана как-то странно передернулось. - Вы не знаете, как важно иметь человека, которому можно писать: это придает мужества. Надеюсь, наша переписка не скоро оборвется.

"Еще бы ты не надеялся", - угрюмо подумал Шелтон.

- И я прошу вас помнить, что я никогда и ни о чем вас не просил, сказал Ферран. - Бесконечно вам благодарен. Прощайте!

Он еще раз стиснул влажной рукой руку своего покровителя и вышел; Шелтон почувствовал, что к горлу его подкатил комок. "И я прошу вас помнить, что я никогда и ни о чем вас не просил..." Слова эти звучали немного странно, и Шелтон стал припоминать все подробности их необычайного знакомства. В самом деле, за все это время молодой человек, в сущности, ни разу ни о чем не просил его. Шелтон сел на кровать и стал читать письмо. Оно было написано по-французски:

"Сударыня (писал Ферран), мне будет невыносимо тяжело, если Вы сочтете, что я оплатил черной неблагодарностью за всю Вашу доброту. К несчастью, в жизни моей произошел критический перелом, и я вынужден покинуть Ваш гостеприимный кров. В жизни любого из нас, как Вам известно, бывают минуты, когда человек не властен управлять своими поступками. Я знаю, Вы не взыщете с меня за то, что я не вдаюсь в подробности и не поясню, что именно причиняет

мне такое огорчение и, самое главное, дает Вам повод обвинить меня в неблагодарности, которая, поверьте, сударыня, отнюдь мне не свойственна. Я прекрасно понимаю, что поступаю невежливо, покидая Ваш дом, даже не повидавшись с Вами и не выразив лично мою глубокую признательность, но, вспомнив, как трудно мне подчиниться обстоятельствам и расстаться со всем, что так украшает домашний очаг, Вы простите мою слабость... Те, кто подобно мне, шагает по жизни с открытыми глазами, знают, что люди, наделенные богатством, имеют право смотреть сверху вниз на других людей, которые ни по деньгам, ни по воспитанию не могут занимать равное с ними положение. Я далек от того, чтобы оспаривать это естественное и благое право, ибо, если бы между людьми не было никакой разницы, если бы не было высших и низших и на свете не существовало бы совершенно особой расы - людей благородного происхождения и благородного воспитания, остальные люди не знали бы какому примеру должно следовать в жизни, у них не было бы якоря, который они могли бы бросить в глубины безбрежного моря радостей и невзгод, где все мы носимся по воле волн. Вот потому-то, сударыня, я и почитаю за особое счастье, что в этом горестном странствии, именуемом жизнью, на мою долю выпало несколько минут отдыха под деревом благоденствия. Иметь возможность хотя бы час посидеть под этим деревом и видеть, как мимо бредут скитальцы в лохмотьях и с израненными ногами, скитальцы, которые, несмотря ни на что, сударыня, сохранили в сердце любовь к жизни, противозаконную любовь, опьяняющую, словно воздух пустыни, - если верить путешественникам, - иметь возможность просидеть так хотя бы час и с улыбкой следить глазами за бесконечной вереницей этих скитальцев, хромых и убогих, обремененных тяжким грузом заслуженных бедствий, - вы не можете даже представить себе, сударыня, какое это было для меня утешение. Что бы там ни говорили, а очень приятно видеть страдания других, когда сам благоденствуешь: это так согревает душу.

Я пишу эти строки и вспоминаю, что сам когда-то имел возможность жить в завидном благополучии, и, как Вы можете предположить, сударыня, сейчас я проклинаю себя за то, что у меня хватило храбрости преступить границы этого чудесного, безмятежного состояния. И все же случалось, что я спрашивал себя:

"Действительно ли мы чем-то отличаемся от людей имущих, - мы, вольные полевые пташки, с особенным взглядом на жизнь, нерожденным нашими страданиями и необходимостью вечно заботиться о хлебе насущном; мы, кто знает, что человеческое сердце не всегда руководствуется только расчетом или правилами прописной морали, - действительно ли мы чем-то отличаемся от них?" Со стыдом признаюсь, что я задавал себе этот еретический вопрос. Но сейчас, после четырех недель, которые я имел счастье провести под Вашим кровом, я вижу, как глубоко ошибался, когда терзал себя такими сомнениями. Для меня большое счастье, что я сумел раз и навсегда решить эту проблему, ибо не в моем характере жить с закрытыми глазами и не иметь определенных суждений или судить неправильно - о столь важных психологических вопросах. Да, сударыня, продолжайте пребывать в счастливой уверенности, что разница эта существует, и она огромна, и что я отныне буду неукоснительно с нею считаться. Ибо, поверьте, сударыня, для высшего общества будет великим бедствием, если люди Вашего круга начнут понимать оборотную сторону жизни бескрайнюю, как равнина, и горькую, как вода в море, черную, якак обуглившийся труп, в все же более свободную, чем птица, взмывающая ввысь, ту жизнь, которая, по справедливости, пока недоступна их пониманию. Да, сударыня, поверьте, это страшнейшая в мире опасность, которой должны как огня избегать все те, кто входит в Ваш самый высокопоставленный, самый уважаемый круг, именуемый "высшим обществом".

Из всего сказанного Вы поймете, как трудно мне пускаться в путь. Я навсегда сохраню к Вам! самые лучшие чувства. С глубоким почтением к Вам и Вашему милому семейству и искренней, хотя и неумело выраженной благодарностью

остаюсь, сударыня,
преданный Вам Луи Ферран".

Первым побуждением Шелтона было разорвать письмо, но, подумав, он решил, что не имеет права это сделать. Вспомнив к тому же, что миссис Деннант знает французский язык лишь очень поверхностно, он почувствовал уверенность, что ей никогда не понять тонких намеков молодого иностранца. Он вложил письмо в конверт и лег спать, все еще чувствуя на себе взгляд Феррана.

И тем не менее Шелтону было очень не по себе, когда, отослав рано утром письмо с лакеем, он спустился вниз к завтраку. Миссис Деннант сидела за австрийским кофейником, наполненным французским кофе; опустив четыре яйца в немецкую кастрюльку, она повернулась к Шелтону, приветствуя его ласковой улыбкой.

- Доброе утро, Дик. Хотите яйцо? - спросила она, беря пятое яйцо с тарелки.

- Нет, благодарю вас, - ответил Шелтон и, сделав общий поклон, сел.

Он немного запоздал; за столом шел оживленный разговор.

- Дорогая моя, у тебя нет никаких шансов выиграть, - говорил мистер Деннант своей младшей дочери, - Ну ни малейших!

- Какие глупости, папа! Вы же отлично знаете, что мы вас наголову разобьем.

- В таком, случае я, пожалуй, съем лепешку, пока не поздно. Шелтон, передайте мне лепешки!

Но при этом мистер Деннант упорно не смотрел на него.

Антония тоже избегала встречаться с ним глазами. Она беседовала с каким-то ученым знатоком искусств о призраках и, казалось, была в наилучшем расположении духа. Шелтон встал и, подойдя к буфету, положил себе кусок куропатки.

- Кто этот молодой человек, которого я видел вчера на лужайке? услышал он вопрос знатока искусств. - У него... М-м... на редкость интеллигентная физиономия.

Его собственная интеллигентная физиономия, чуть приподнятая кверху, чтобы легче было смотреть сквозь висящее на носу пенсне, выражала полное одобрение. "Удивительно, как это всюду встречаешь интеллигентных людей", казалось, говорила она.

Миссис Деннант застыла со сливочником в руке; Шелтон впился внимательным взглядом в ее лицо: в нем, как всегда, было что-то заячье и вместе с тем что-то высокомерное. К счастью, она ничего не заподозрила! Шелтон почувствовал странное разочарование.

- Это мосье Ферран: он обучал Тоддлса французскому. Добсон, подайте мне чашку профессора.

- Надеюсь, я еще увижу его? - проворковал знаток искусств. - Он очень интересно говорил 6 молодых немецких рабочих. Оказывается,

они кочуют с места на место, чтобы выучиться ремеслу. А кто он по национальности, смею спросить?

Мистер Деннант, к которому он обратился с этим вопросом, поднял брови и сказал:

- Спросите об этом Шелтона.

- Фламандец.

- Очень интересный народ. Надеюсь, я еще увижу его.

- Нет, не увидите, - внезапно заявила Тея. - Он уехал.

Шелтон понял, что только благовоспитанность помешала им всем добавить: "И слава богу!"

- Уехал? Неужели? Вот уж...

- Да, весьма неожиданно, - сказал мистер Деннант.

- А знаешь, Алджи, - зажурчала миссис Деннант, - это письмо, которое он оставил, совершенно очаровательно. Бедный молодой человек, должно быть, потратил на него не меньше часа.

- Мама! - воскликнула Антония.

А Шелтон почувствовал, как кровь прилила к его щекам. Он внезапно вспомнил, что Антония знает французский гораздо лучше матери.

- У него, по-видимому, была необыкновенная жизнь, - заметил профессор.

- Да, - эхом отозвался мистер Деннант, - у него была необыкновенная жизнь. Если хотите знать подробности, спросите нашего друга Шелтона; это очень романтично. А тем временем, милейший, не выпьете ли еще чашечку?

Профессор, человек рассеянный, но не лишенный коварства, попробовал продолжить разговор. Повернув в сторону Шелтона свои укрытые за стеклами глаза, он промурлыкал:

- Ну-с, мистер Шелтон, слово, видимо, за вами.

- Мне нечего сказать, - проговорил Шелтон, не поднимая глаз.

- М-м... В таком, случае это скучно, - заметил профессор.

- А вот когда он бродил голодный по Парижу, - разве это не трогательная история, милый Дик?

- Шелтон взглянул на Антонию, - лицо ее было непроницаемо. "Будь оно проклято, ваше самодовольство!" - подумал он, глядя на ученого мужа.

- Нет ничего более увлекательного, чем голод, - сказал тот. Рассказывайте же, мистер Шелтон.

- Я не умею рассказывать, - отрезал Шелтон. - Никогда не умел.

В эту минуту Шелтона очень мало беспокоил Ферран, его присутствие или отсутствие, да и вся его история: он смотрел на Антонию, и на сердце у него становилось все тяжелее.

ГЛАВА XXX

ОТЩЕПЕНКА

Утро было пасмурное и душное; парило. Антония занималась музыкой, и в комнате, где сидел Шелтон, тщетно пытаюсь увлечься книгой, слышно было, как девушка с яростью разыгрывает гаммы, отчего на душе у него становилось еще сумрачнее. Он не видел ее до второго завтрака, да и тогда она снова села рядом с профессором. Она была бледна и болтала со своим соседом, пожалуй, слишком оживленно; на Шелтона она по-прежнему не глядела. Он чувствовал себя очень несчастным. После завтрака большинство гостей разошлось, а остальные принялись судачить о соседях.

- Тут живут еще Фолиоты, - сказала миссис Деннант, - но к ним никто не ездит.

- Ах, Фолиоты! - протянул знаток искусств. - Фолиоты... это те самые... м-м... которые... да, конечно!

- Это, право, пренеприятно! Она так мило выглядит на лошади. Ко многим людям с худшим прошлым все же ездят гости, - продолжала миссис Деннант, затрагивая скользкую тему с той откровенной уверенностью, которую могут позволить себе известные люди при известных обстоятельствах, - но пригласить их к себе все равно невозможно - вдруг придут еще гости?

- Разумеется, - согласился с ней знаток искусств. - Я когда-то был знаком с Фолиотом. Ужасно жаль! Говорят, эта женщина была очень красива.

- О нет! - воскликнула миссис Деннант. - Я бы сказала, скорее интересна, чем красива.

Шелтон, немного знавший даму, о которой шла речь, заметил, что о ней говорят так, словно ее уже не существует. Он не глядел в сторону Антонии: хотя его немного смущало, что этот разговор возник в ее присутствии, он боялся убедиться, что она сидит и

слушает со своим обычным, безмятежным выражением лица, точно Фолио́ты не люди, а существа совсем иной породы.

На самом же деле в глазах ее притаилось любопытство, в еле заметной улыбке читался нетерпеливый вопрос, пальцы непроизвольно катали хлебные шарики. Вдруг она зевнула и, пробормотав извинение, поднялась из-за стола. Шелтон догнал ее у двери.

- Куда вы?

- Гулять.

- А мне можно с вами?

Она покачала головой.

- Я возьму с собой Тоддлса.

Шелтон открыл перед ней дверь и вернулся к столу.

- М-да, - говорил знаток искусств, потягивая херес, - боюсь, что для молодого Фолио́та теперь все кончено.

- Как жаль! - вздохнула миссис Деннант, и на ее добром лице отразилось искреннее огорчение. - Ведь я знала его еще мальчиком. Конечно, он сделал большую ошибку, что привез ее сюда. Положение их тем более двусмысленно, что они даже не могут пожениться. Да, по-моему, он сделал большую ошибку.

- Неужели вы считаете, что это имеет какое-то значение? - спросил знаток искусств. - Даже если бы этот... как его... дал ей развод, я, право, знаете ли, не думаю, чтобы...

- Ну, что вы, конечно, это имеет значение! Очень многие со временем сочли бы возможным посмотреть на это сквозь пальцы. Но сейчас положение у них просто безнадежное, совершенно безнадежное. Да и окружающие чувствуют себя неловко, встречая их вместе. Тэлфорды и Баттерадки, например, - кстати, они обедают у нас сегодня, - живут рядом с ними.

- Вы когда-нибудь встречали ее раньше, до... м-м... до перемены в ее судьбе? - спросил знаток искусств; неожиданно он улыбнулся, обнажив зубы, и сразу стал похож на козла.

- Да, я видела ее однажды у Брэнксомов. Мне тогда она показалась очень милой.

- Бедняга! - сказал профессор. - Мне говорили, что он как раз соби́рался завести псовую охоту, когда это случилось.

- К тому же у него дивная охота. В свое время Алджи довольно часто охотился у него, а теперь, говорят, к нему ездит только его брат. Право, это так грустно! А вы знали его, Дик?

- Фолиота? - рассеянно переспросил Шелтон. - Нет, я с ним не знаком. Ее я встречал раз или два на скачках.

В окно он увидел Антонию - она стояла у крыльца, в алом берете, помахивая хлыстом. Шелтон поднялся с притворно равнодушным видом. В эту минуту к девушке вприпрыжку подбежал Тоддлс. Они взяли за руки и пошли куда-то. Антония видела Шелтона в окне, но даже не бросила ему дружеского взгляда, и Шелтон почувствовал себя еще более несчастным. Он вышел из дому и пошел по аллее. Над головой нависла сплошная серая пелена; вяза стояли, поникнув, одетые тяжелой темно-зеленой листвой; осина и та перестала шелестеть и дрожать, и даже грачи умолкли. Казалось, некая мрачная сила свинцовой тяжестью легла на грудь природы. Шелтон стал медленно прогуливаться взад и вперед по аллее; гордость не позволяла ему следовать за Антонией. Под конец он сел на старую каменную скамью, стоявшую у дороги. Он долго сидел так, не шевелясь, глядя на вяза и спрашивая себя: в чем он поступил неправильно и как ему поступить теперь? Ему почему-то было страшно. Охватившее его чувство одиночества было таким острым, таким реальным, что, несмотря на удушливую жару, его пронизала дрожь. Он просидел так, должно быть, с час, совсем один, и за это время никто не проходил по дороге. Затем послышался топот копыт, и в ту же минуту с противоположной стороны раздался звук приближающегося автомобиля. Первой показалась всадница на сером, арабском; скакуне, прекрасном животном с горделиво поднятой головой и пышным хвостом. Молодая женщина с трудом сдерживала лошадь, так как гудение автомобиля с каждой секундой становилось все слышнее. Шелтон встал; автомобиль промчался мимо; лошадь шарахнулась в ворота, ведущие в имение, и сбросила наездницу, ударив ее о столб. Шелтон кинулся на помощь, но, когда он подбежал к воротам, молодая женщина уже была на ногах и держала за повод рвавшуюся от нее лошадь.

- Вы не ушиблись? - еще издали крикнул Шелтон, с трудом переводя дух, и, подбежав, тоже схватил лошадь под уздцы. - Ох, уж эти автомобили!

- Не знаю, - ответила она. - Пожалуйста, отпустите уздечку: моя лошадь не подпускает к себе чужих.

Шелтон повиновался и стал смотреть, как молодая женщина успокаивает лошадь. Наездница была довольно высокая, в серой амазонке и серой шляпе; и вдруг Шелтон признал в ней миссис Фолиот, о которой они говорили за завтраком.

- Ну вот, теперь лошадь будет стоять смирно, - сказала она. Пожалуйста, подержите ее минуту.

Она передала ему поводья и прислонилась к решетке ворот. Она была очень бледна.

- Надеюсь, вы не сильно ушиблись? - сказал Шелтон. - Он стоял совсем рядом с ней и отлично мог разглядеть ее лицо - необычное, немного плоское, загадочное лицо с широкими скулами, дышащее страстью и огнем, несмотря на безжизненную бледность. Ее крепко сжатые, чуть улыбающиеся губы были бледны; светлыми были и серые, глубоко сидящие глаза с зеленоватыми искорками, и очень светлыми - пепельные волосы, выбившиеся из-под серой шляпы.

- С-спасибо! - сказала она. - Сейчас мне станет лучше. Мне очень жаль, что я причинила вам беспокойство.

Она прикусила губу, потом улыбнулась.

- Я убежден, что вы ушиблись. Разрешите, я сбегая... - запинаясь, пробормотал Шелтон. - Я мигом приведу кого-нибудь на помощь.

- На помощь? - повторяла она с каким-то деревянным смешком. - О нет, благодарю вас!

Она отошла от ворот и, перейдя дорогу, остановилась у лошади, которую держал Шелтон. Чтобы скрыть свое смущение, Шелтон стал смотреть на ноги лошади и вдруг заметил, что она не наступает на одну ногу. Он ощупал ее.

- Боюсь, что ваша лошадь повредила себе колено: оно распухло.

Она снова улыбнулась.

- Ну, значит, мы оба калеки.

- Она будет хромать, когда остынет. Не хотите ли оставить ее здесь, в конюшне? А вас, по-моему, нужно отвезти домой в экипаже.

- Нет, благодарю вас. Если я в состоянии ехать на ней, то она довезет меня. Помогите мне сесть в седло.

Голос ее звучал так, словно она была чем-то обижена. Осмотрев ногу лошади, Шелтон поднялся с колен и увидел Антонию и Тоддлса,

остановившихся немного поодаль. Возвращаясь с прогулки, они вышли на дорогу через калитку в изгороди.

Тоддлс тотчас же подбежал к Шелтону.

- Мы все видели, - прошептал он. - Здорово она трахнулась! Могу я чем-нибудь помочь?

- Подержи поводья, - сказал Шелтон и перевел взгляд с одной женщины на другую.

Бывают минуты, когда выражение чьего-то лица до боли ясно запечатлевается в памяти. Для Шелтона эта была как раз такая минута. Лица двух женщин, стоявших совсем рядом, одно - под алой, другое - под серой шляпой, являли собой необычайный, разительный контраст. Антония раскраснелась, глаза ее стали совсем синими: тень испуга и сомнения скользнула по ее лицу, оставив на нем след недоуменного вопроса.

- Быть может, вы пройдете к нам и отдохнете? Мы могли бы отправить вас домой в коляске, - сказала она.

Дама, которую называли миссис Фолиот, держась рукой за седло и кусая губы, улыбалась загадочной улыбкой, и так случилось, что лицо ее запомнилось Шелтону - ее пепельные волосы, ее бледность и пристальный, полный презрения взгляд.

- О нет, благодарю вас! Вы очень любезны.

И тотчас застенчиво-дружелюбное, неуверенное выражение исчезло с лица Антонии, уступив место холодной враждебности. Она посмотрела на них обоих долгим ледяным взглядом и, повернувшись, пошла прочь. Рассмеявшись коротким резким смехом, миссис Фолиот приподняла ногу, и Шелтон помог ей сесть в седло. Он услышал, как она охнула от боли, когда он подсаживал ее, но, взглянув на нее, увидел, что она улыбается.

- Во всяком случае разрешите мне проводить вас, - поспешил предложить он. - Я хочу быть уверен, что вы доберетесь благополучно.

Она покачала головой.

- До нас всего две мили. Я не фарфоровая, не разобьюсь.

- Тогда мне просто придется идти следом за вами. Она пожала плечами и, посмотрев на него в упор, спросила:

- Может быть, мальчик согласится проводить меня?

Тоддлс отпустил уздечку.

- Ну, еще бы! Конечно! - воскликнул он.

- Это, по-моему, наилучший выход из положения. Благодарю вас, вы были очень, очень любезны.

Она кивнула Шелтону, еще раз улыбнулась своей загадочной улыбкой и, тронув хлыстом арабского скакуна, поехала шагом под охраной Тоддлса, который шел рядом с лошадей.

Шелтон подошел к Антонии, стоявшей под вязами. Внезапно струя горячего воздуха пахнула им в лицо, словно предостережение, посланное тяжелыми, темными тучами; вдали глухо зарокотал гром.

- Будет гроза, - сказал Шелтон.

Антония молча кивнула. Она побледнела, но выражение ее лица по-прежнему было холодное и обиженное.

- У меня разболелась голова, - сказала она. - Я пойду домой и прилягу.

Шелтон хотел сказать что-то, но промолчал, смиряясь перед неизбежным, как смирились перед надвигающейся грозой притихшие птицы и поля.

Он долго смотрел вслед Антонии, потом снова сел на скамью. Тишина, казалось, стала еще более глубокой; даже цветы перестали испускать аромат, одурманенные духотой.

Большой дом позади Шелтона, казалось, опустел, уснул. Оттуда не доносилось ни смеха, ни музыки, ни звона колокольчика, - дом словно оцепенел от жары. И в этой тишине Шелтон еще острее почувствовал свое одиночество. Надо же было случиться несчастью с этой женщиной! словно само провидение подстроило все так, чтобы еще больше отдалить его от Антонии! И почему это мир не состоит из одних только безгрешных людей?

Шелтон встал и начал ходить взад и вперед по аллее, снедаемый страшной тоской.

"Нет больше сил терпеть, - подумал он. - Пойду пройду, ничего, если и вымокну".

Выйдя из аллеи, он столкнулся с Тоддлсом, который возвращался домой в наилучшем настроении.

- Я проводил ее до самого дома! - радостно крикнул он Шелтону.
- Вот молодчина! Завтра она будет здорово хромать. И лошадка тоже. Ну и жарища!

Раз Тоддлс уже вернулся, подумал Шелтон, значит, он целый час просидел тут на скамье, - а ему казалось, что прошло всего десять минут; это открытие испугало его. Оно словно раскрыло ему глаза на всю глубину его страданий и опасений. Он вышел из ворот и быстро зашагал по дороге, глядя себе под ноги и весь обливаясь потом.

ГЛАВА XXXI

ГРОЗА

Шел восьмой час, когда Шелтон вернулся с прогулки; несколько тяжелых капель упало на листья вязов, но гроза еще не начиналась. В тяжелом молчании мир едва дышал, придавленный свинцовыми небесами.

Быстрая ходьба по жаре помогла Шелтону побороть уныние. Он чувствовал себя как человек, готовящийся к встрече с возлюбленной после длительной размолвки. Он принял ванну и теперь стоял перед зеркалом, поправляя галстук и улыбаясь собственному отражению. Все его страхи, сомнения и горести казались ему сейчас дурным сном; будь все это явью, разве не было бы ему сейчас во много раз хуже?

В тот вечер у Деннантов был званый обед, и когда Шелтон вошел в зал, там уже собралось много гостей. Все говорили о надвигающейся грозе. Антония еще не спускалась, и Шелтон остановился у рояля, ожидая ее появления. Вокруг него были румяные лица, безукоризненные манишки, белые плечи и только что завитые волосы. Кто-то дал ему ярко-красную гвоздику, и в ту минуту, когда он поднес ее к косу, в комнату вошла Антония, - она слегка задыхалась, словно бегом бежала вниз по лестнице. Бледность ее исчезла, рука то и дело поднималась к горлу. Казалось, жаркое дыхание приближающейся грозы зажгло в ней внутренний огонь, который испепелял ее под белым платьем; она прошла мимо, едва не задев Шелтона, и от ее близости у него закружилась голова.

Никогда еще она не казалась ему такой прекрасной.

Теперь Шелтон никогда уж больше не сможет вдыхать аромат ананасов и дынь без странного волнения. С того места, где он сидел за обедом, ему не было видно Антонию, но среди шума голосов, звона бокалов и серебра, среди восклицаний, звуков и запахов пиршества он не переставал думать о том, как подойдет к ней и скажет, что в целом

мире для него важна только ее любовь. И он пил ледяное золотистое шампанское, как воду.

Стояла нестерпимая жара, и окна были распахнуты настежь; за окнами лежал сад, окутанный густою мягкой тьмой, в которой вырисовывались черные, как смола, силуэты деревьев. Воздух был неподвижен, ни малейшее дуновение не колебало пламени свечей в канделябрах, только две большие бабочки, испугавшись душной мглы за окном, влетели в комнату и теперь кружились вокруг огня, над головами обедающих. Одна из них, опалив крылышки, упала на блюдо с фруктами и была тотчас извлечена оттуда, а другая, увертываясь от салфеток и словно насмехаясь над усилиями лакеев, продолжала бесшумно описывать над столом неровные круги, пока Шелтон не встал и не поймал ее. Он подошел к двери на балкон и выпустил бабочку в темноту; воздух, пахнувший ему в лицо, был тяжел и душен. По знаку мистера Деннанта задернули тюлевые занавески, висевшие на окнах, и словно в благодарность за эту защиту, за эту прозрачную стену, отделившую их от грозных сил природы, гости оживленно заговорили. Это был один из тех вечеров, какие наступают летом после безоблачной погоды, страшный вечер, когда удушающую жару и молчание нарушает лишь отдаленный рокот, раздающийся где-то низко, над самой землей, словно то ворчат и негодуют все мрачные силы мира, - один из тех вечеров, когда все живое задыхается и угрожающие раскаты бывают так жутки, что кажется оправданной человеческая трусость. Наконец дамы встали и удалились. Круглый обеденный стол розового дерева, без скатерти, украшенный цветами и серебром, напоминал осенний пруд, темная, маслянистая поверхность которого, освещенная лучами заходящего солнца, пестрит багряными и золотыми листьями; над столом низко нависло облако табачного дыма, словно туман над водой после заката. Между Шелтоном и его соседом завязался разговор об английском характере.

- Мы, англичане, разучились жить, - сказал Шелтон. - Удовольствия для нас - утраченное искусство. Мы не пьем, мы стыдимся любви, а что до красоты, то мы перестали ее замечать. Вместо этого у нас есть деньги; но что пользы в деньгах, когда мы не умеем их тратить? - Раззадоренный улыбкой соседа, он добавил: - Что же касается умственной деятельности, то мы слишком много думаем о том, что думают наши соседи, и потому уж вовсе ни о чем не

думаем! Вам никогда не приходилось наблюдать за иностранцем, который слушает англичанина? У нас вошло в привычку смотреть на иностранцев сверху вниз, но наше презрение к ним ничто по сравнению с тем презрением, какое они питают к нам. И они абсолютно правы! К тому же мы лишены вкуса! Что толку в богатстве, когда не умеешь им пользоваться?

- Это оригинально, - сказал его сосед. - И, пожалуй, здесь есть известная доля истины... Вы обратили внимание, недавно в газете писали о старике Хорнблауэре? Он оставил после себя портвейн тысяча восемьсот двадцатого года, который оценили по гинее за бутылку. А когда тот, кто купил этот портвейн, стал откупоривать его, бедняга обнаружил, что в одиннадцати бутылках из двенадцати оно совсем потеряло букет. Ха-ха-ха!.. А вот это вино - неплохое, ничего не скажешь, - И он допил свой бокал.

- Да, - согласился с ним Шелтон.

Когда все встали, чтобы присоединиться к дамам, Шелтон ускользнул в сад.

Ему показалось, будто он попал в жарко натопленную баню. В воздухе стоял тяжелый, зловещий, чувственный аромат, словно внезапно распустились неведомые цветы любви. Шелтон остановился, жадно вдыхая его. Нагнувшись, он провел рукой по траве, - она была сухая, словно насыщенная электричеством. Тут он увидел четыре бледные большие лилии, они светились во тьме, и от них-то и исходил этот аромат. Цветы, казалось, тянулись к нему из темноты, подставляя свои лепестки для поцелуя. Он резко выпрямился и вошел в дом.

Гости уже разъезжались, когда Шелтон, все время наблюдавший за Антонией, увидел, как она скользнула из гостиной в сад. Он следил взглядом за белым пятном ее платья, пока она шла по лужайке, но как только она ступила под тень деревьев, он потерял ее из виду; поспешно оглянувшись, чтобы убедиться, что никто не наблюдает за ним, Шелтон тоже вышел в сад. Душная мгла охватила его. Он глубоко вдохнул эту мглу, словно то был самый чистый горный воздух, и, мягко ступая по траве, направился к каменному дубу. Губы его пересохли, сердце мучительно стучало. Вдали перестало греметь; в жарком воздухе Шелтон вдруг ощутил холодную струю. Он подумал: "Вот теперь гроза уже совсем близко", и тихо подошел к дереву. Антония лежала в гамаке, слегка покачиваясь под легкий скрип ветки;

она казалась белым пятном среди царившей под деревом тьмы. Шелтон затаил дыхание. Антония не слышала его шагов. Бесшумно обойдя дерево, он остановился совсем рядом с нею. "Не надо ее пугать", - подумал он.

- Антония!

В гамаке что-то шевельнулось, но ответа не последовало. Он стоял, наклоняясь над ней, но даже и сейчас не мог различить ее лица. Он только чувствовал, как что-то живое дышит близко-близко от него, что-то теплое и мягкое. И он снова прошептал:

- Антония!..

И снова никакого ответа. Страх и бешенство охватило Шелтона. Он не слышал больше ее дыхания, даже ветка перестала скрипеть. Что происходит в душе этого живого существа, которое молчит тут, совсем рядом с ним? А потом он снова услышал ее дыхание, быстрое и испуганное, как трепет птички: миг и перед Шелтоном был пустой гамак.

Он стоял у пустого гамака, пока не почувствовал, что не в силах больше томиться в неизвестности. Когда он пересекал лужайку, зигзаг молнии вдруг прорезал небо, дождь окатил его с головы до ног, и раздался оглушительный удар грома.

Шелтон направился было в курительную, но у дверей раздумал, повернул к себе в комнату и, войдя, тотчас бросился на кровать. Долгие раскаты грома следовали один за другим; вспышки молнии выхватывали предметы из темноты, придавая им жуткую отчетливость, отнимая у них всякое сходство с тем, на что они должны быть похожи, лишая их всякой целесообразности, осязаемости, реальности, словно это были скелеты, - не вещи, а только их понятия, столь же неприглядные, как обнаженные нервы и сухожилия на препарированной и сохраняемой в спирту ноге. Звук дождя, хлеставшего по стенам дома, мешал Шелтону собраться с мыслями. Он встал, чтобы закрыть окна, потом снова подошел к постели и бросился на нее ничком. Он пролежал в каком-то оцепенении до тех пор, пока не прошла гроза, а когда раскаты грома стали постепенно затихать вдали, он встал. Тут только он увидел что-то белое под дверью.

Это была записка:

"Я ошиблась. Пожалуйста, простите меня и уезжайте.

Антония".

ГЛАВА XXXII

ОДИНОЧЕСТВО

Прочитав записку, Шелтон положил ее на туалетный столик рядом с запонками и, посмотрев на себя в зеркало, расхохотался. Но смех скоро застыл у него на губах; он бросился на кровать и зарылся лицом в подушки. Так, наполовину одетый, он пролежал всю ночь, а на рассвете встал, по-прежнему не зная, что ему делать. Только в одном он был твердо убежден - ему не следует встречаться с Антонией.

Наконец он написал записку:

"Я не спал всю ночь из-за зубной боли, и мне кажется наиболее благоразумным немедленно отправиться в город к дантисту. Если зуб надо вырвать, то чем скорее это будет сделано, тем лучше".

Он адресовал записку миссис Деннант и оставил ее у себя на столе. Потом снова бросился на кровать и на сей раз задремал.

Проснулся он внезапно, как будто его толкнули, оделся и тихо вышел. Он вдруг подумал, что уходит из этого дома совсем так же, как ушел Ферран. И у него мелькнула мысль: "Теперь мы оба отверженные".

Шелтон шел до полудня, не зная и не думая о том, куда идет; потом забрел на какое-то поле, растянулся на земле у живой изгороди и тотчас заснул.

Разбудил его шум крыльев. Стая куропаток, блестя на солнце всеми перышками, перебиралась через соседнее горчичное поле. Скоро они уселись на манер старых дев, как это водится у куропаток, и начали перекликаться.

Пока он спал, на поле вышло стадо, и красивая рыжая корова, повернув к Шелтону голову, принялась осторожно обнюхивать его; от нее шел особый сладковатый запах. Красотой шкуры и ног она могла бы поспорить со скаковой лошадью; с ее черных влажных губ медленно капала слюна, глаза были добрые и усталые. Вдыхая нежный и сладкий запах горчичного поля, Шелтон мял в руках сухие травинки и на какое-то мгновение вдруг почувствовал себя счастливым, счастливым оттого, что над ним небо и солнце, а вокруг - извечное спокойствие и неутомимая жизнь полей. Почему человек не может отрешиться от своих забот и взирать на них с таким же

безразличием!, с каким эта корова позволяет мухам садиться ей на морду, у глаз? Он снова задремал, а проснувшись, расхохотался, ибо вот что он увидел во сне.

Ему приснилось, что он находится не то в гостиной, >не то в зале какого-то загородного дома. Посреди этой комнаты стоит женщина и смотрится в ручное зеркало.

За дверью или окном виден сад со множеством статуй, и через эту дверь зачем-то входят и выходят люди.

Вдруг Шелтон увидел свою мать: она направлялась к даме с зеркалом в руках, в которой он признал теперь миссис Фолиот. Но пока Шелтон смотрел на нее, мать превратилась в миссис Деннант и заговорила голосом, не похожим ни на голос его матери, ни на голос миссис Деннант, - казалось, это была сама утонченность. "Je fais de la philosophie {Я люблю пофилософствовать (франц.)}, - говорил этот голос. - Я отношусь к человеку так, как он того стоит. Я никого не осуждаю. Главное - иметь характер!" Дама продолжала рассматривать себя в зеркале, и, хотя она стояла к нему спиной, Шелтон видел отражение ее лица - бледного, с зелеными глазами и злой, презрительной улыбкой. Потом все исчезло, и Шелтон увидел себя в саду вместе с миссис Деннант.

Вот после этого-то сна Шелтон и проснулся рассмеявшись. "Но, Дик, жаловалась миссис Деннант, - меня всю жизнь учили верить в то, что мне говорят. Она такая недобрая: почему она презирает меня за то, что я считаюсь с условностями? - Шелтону стало жаль ее: она напоминала испуганного ребенка. - Право, не знаю, что я стала бы делать, если бы мне пришлось обо всем судить самой. Меня не учили этому. Мне всегда преподносили чьи-то готовые мнения, это было так приятно. И что я должна делать? Нужно верить людям; я говорю это вовсе не потому, что я о них высокого мнения, но вы понимаете, в чем тут дело: просто так уютнее жить. - И она зашуршала юбкой. - Но что бы ни случилось. Дик, - умоляла она, - пусть Антония всегда заимствует у кого-нибудь свои мнения. Я - другое дело: раз уж нужно обо всем судить самой, значит, нужно, но ее уберегите от этого. Любые взгляды, любые, лишь бы они были общепринятыми. Так страшно, когда приходится обо всем самой составлять себе мнение".

Тут Шелтон окончательно проснулся. Его сон, несмотря на всю свою абсурдность, был образцом художественной правды, ибо слова,

которые в его сне говорила миссис Деннант, раскрывали ее сущность куда полнее, чем все то, что она могла когда-либо сказать наяву.

- Нет, - раздался голос совсем рядом, за изгородью, - благодарение богу, французов у нас тут мало. Есть несколько венгерцев, которые гостят у герцога. Не хотите ли пирога, сэр Джеймс?

Заинтересовавшись, Шелтон приподнялся на локте и, еще совсем сонный, приложил глаз к просвету в высоких толстых ивовых прутьях. Четверо мужчин сидели на складных стульях у раскидного стола, на котором был пирог и множество всякой снеди. Неподалеку от них стоял шарабан, обильно увешанный дичью и зайцами; вокруг, смиренно виляя хвостами, топтались собаки; лакей откупоривал бутылки. Шелтон совсем забыл, что сегодня первое сентября начало охоты на куропаток. Роль хозяина исполнял воинственный на вид мужчина с веснушчатым лицом; рядом сидел человек постарше, с квадратной челюстью, острым носом и отсутствующим взглядом; потом кто-то с бородой, кого остальные называли командором, а в четвертом охотнике Шелтон, к своему ужасу, признал джентльмена по имени Мэбби. Однако в том, что сей джентльмен находился за много миль от своего дома, не было ничего удивительного, так как он принадлежал к числу тех, кто, прихватив с собой лакея и пару охотничьих ружей, бродит по всей стране с двенадцатого августа до конца января, а потом, очевидно, отбывает в Монте-Карло или спит без просыпу до двенадцатого августа следующего года.

Говорил Мэбби:

- Вы слышали, сэр Джеймс, сколько мы настреляли двенадцатого?

- Ах да, о чем это я хотел спросить? Вы продали своего гнедого, Гленни?

Шелтон еще колебался, не зная, остаться ему или потихоньку уйти, как вдруг услышал густой бас командора:

- Мой лакей говорил мне, что миссис Фолиот... м-да... повредила ногу своему арабскому скакуну. Неужели она собирается участвовать в охоте на лисят?

Шелтон заметил, что все улыбнулись. "Вот Фолиот и расплачивается за свое удовольствие. Дурак он, что дал себя поймать!" - казалось, говорила эта улыбка. Шелтон повернулся к разговаривавшим спиной и закрыл глаза.

- На лисят? - повторил Гленни. - Едва ли.

- Никогда не находил в ней ничего примечательного, - продолжал командор. - Такая тихая, что даже не знаешь - тут она или нет. Помнится, я как-то спросил ее: "Ну-с, миссис Льютеран, что же вы любите больше всего на свете?" И что бы, вы думали, она мне ответила? "Музыку!" М-да...

Послышался голос Мэбби:

- Он всегда был непонятным человеком, этот Фолиот! Такие вот и попадают во всякие истории.

И Шелтону показалось, что он облизнулся.

- Говорят, он теперь никому не отвечает на поклоны, - раздался голос хозяина. - Станный субъект! Говорят, она очень предана ему.

В памяти Шелтона еще так свежо было воспоминание о встрече с миссис Фолиот и о недавнем сне, что он, как зачарованный, слушал этот разговор.

- Если он перестанет ездить на охоту, то, право, не знаю, что еще ему останется делать... Он больше не состоит ни в одном клубе, а что до избрания его в парламент... - сказал Мэбби.

- Жаль его, - сказал сэр Джеймс, - а впрочем, он знал, на что идет.

- Очень странные люди, эти Фолиоты, - сказал командор. - Вот, например, его отец: готов был с кем угодно разговаривать - с первым встречным пугалом, только не с вами и не со мной. Хотел бы я знать, куда он денет своих лошадей? Я бы с удовольствием купил у него каракового.

- Никогда нельзя сказать заранее, как поступит человек, - послышался голос Мэбби, - может, начнет пить, а может, книги писать. Старый Чарли Уэйн, тот дошел до того, что стал изучать звезды и дважды в неделю отправлялся в Уайтчепел учить грамоте...

- Скажите, Гленни, - перебил его сэр Джеймс, - а что случилось с вашим старым лесником Смоллетом?

- Пришлось его выгнать.

Шелтон снова попытался не слушать их и все же не мог не прислушиваться.

- Стар он стал, - продолжал тот же голос. - В прошлом году у меня из-за него пропала уйма яиц.

- Да уж, когда до этого доходит... - начал было командор.

- Видите ли, - перебил его Гленни, - его сын... вы, должно быть, помните его, сэр Джеймс: он обычно заряжал для вас ружья... Так вот, его сын соблазнил тут одну девушку. Когда родные выгнали ее из дому, старик Смоллет взял ее к себе. Шуму было - не оберешься. Девушка отказалась выйти замуж за молодого Смоллета, и старик поддержал ее. Тут, конечно, восстал священник, и вся деревня поднялась на дыбы; жена моя предложила поместить ее в одно из... как это их называют... исправительных заведений, что ли, но Смоллет заявил, что она никуда не поедет, если сама не захочет. Прескверная история; совсем выбила старика из колеи. В результате у меня в прошлом году вывелось всего пятьсот фазанов вместо восьмисот.

Наступило молчание. Шелтон снова принял взглядом к изгороди. Охотники ели пирог.

- В наших краях, - сказал командор, - в таких случаях потом обычно женятся... хм... хм... и живут вполне достойно.

- Вот именно, - заметил хозяин. - А эта - подумайте только! отказалась выйти замуж. Говорила, что он будто бы воспользовался ее слабостью.

- Теперь-то она жалеет, - сказал сэр Джеймс. - А молодому Смоллету повезло, дешево отделался! Но до чего же упрямы бывают старики!

- Чем мы займемся послезавтра? - спросил командор.

- Дальше за этим полем - пастбище, - пояснил хозяин. - Мы станем цепью вдоль изгороди и пройдем все поле из конца в конец. Там птица наверняка должна быть.

Шелтон поднялся и, пригнувшись, стал пробираться к калитке в изгороди.

- Двенадцатого будем охотиться двумя партиями, - услышал он уже издали голос Мэбби.

То ли от долгой ходьбы, то ли от бессонной ночи, все тело у Шелтона ныло; однако он продолжал идти по дороге все дальше и дальше. До сих пор он так и не решил, как ему поступить. Часам к пяти он добрался до Мейденхеда, наскоро перекусив, сел в поезд, отправлявшийся в Лондон, и тотчас заснул. Часов в десять вечера он зашел в Сент-Джемский парк и присел на скамью.

Сквозь покрытую пылью листву свет фонарей освещал скамьи, служившие убежищем не одному бродяге. Темнота больше не

укрывала несчастных, но благодетельная ночь была тепла и безлунна, - человеку еще не удалось полностью нарушить ее покой.

Шелтон был не один на своей скамье - на дальнем ее конце сидела молоденькая девушка с красным, круглым, угрюмым лицом, а дальше виднелись в полумраке еще и еще скамьи и неясные очертания фигур на них, - казалось, неумолимые законы выбросили за борт весь этот ненужный хлам.

"Да! - подумал Шелтон, словно сквозь сон, как это бывает с очень усталыми людьми. - Законы у нас правильные, а вот сами мы совсем..."

- Запутались? - послышался голос позади. - Ну, ясно! Вы не там свернули, папаша.

Шелтон увидел красное, круглое, как сыр, лицо полисмена, разговаривавшего со странным стариком, похожим на дряхлую, общипанную птицу.

- Благодарю вас, констэбль, - сказал старик. - Раз уж я не туда зашел, так хоть отдохну немножко.

Он беззвучно жевал губами и, казалось, не решался сесть на скамью.

Шелтон подвинулся, и старик опустился на освободившееся место.

- Вы уж извините меня, сэр, пожалуйста, - сказал он дрожащим голосом, притрагиваясь к своей поношенной шляпе. - Вы, я вижу, джентльмен, - он с удовольствием протянул это слово. - Я бы вас ни за что на свете не побеспокоил. Не привык я ходить по ночам, а места все заняты. Трудно старику без опоры. Вы уж извините меня, сэр, пожалуйста.

- Ну, что вы, что вы, - мягко сказал Шелтон.

- Я вполне порядочный человек, - сказал его сосед. - Никогда в жизни не позволял себе никаких вольностей. Но в мои годы, сэр, поневоле, станешь нервным, когда вот так постоишь на улице, как я стоял эту неделю, да поспишь в ночлежках... Ох, и страшные же это места... Ужас, какие страшные! Да, повторил он, когда Шелтон повернулся к нему, пораженный ноткой искренности в его голосе, - страшные места!

В эту минуту незнакомец нагнул голову, и она вместе с тощей шеей, придававшей ему сходство со старым петухом, попала в полосу

света. Лицо было узкое, изможденное, с большим красным носом; тонкие бледные губы кривились, обнажая почти беззубые десны; а глаза были старые-старые, совсем выцветшие только вокруг зрачка сохранился тонкий окрашенный ободок - и то и дело подергивались пленкой, как глаза попугая. Он не носил бороды и усов, но лицо его уже заросло щетиной. Волосы у него - он снял шляпу - были густые, прямые, разделенные посередине ровным пробором и, насколько Шелтон мог разглядеть, темные, без малейшей седины.

- Я мог бы примириться с этим, - продолжал он. - Я никогда не вмешиваюсь ни в чьи дела, и никто не вмешивается в мои, но одно меня страшит, - и голос его зазвучал твердо, точно был слишком напуган, чтобы дрожать, - ведь никогда не знаешь, что ждет тебя завтра. Вот что ужасно!

- Да, должно быть, - заметил Шелтон.

- Ох, и в самом деле ужасно! - сказал старик. - И к тому же приближается зима. А я не привык много бывать на воздухе: всю жизнь служил в хороших домах. Но я даже не против этого - лишь бы была возможность заработать на хлеб. Вот сейчас я, слава богу, наконец получил работу. Голос его сразу повеселел, - Правда, мне никогда не приходилось продавать газеты, но "Вестминстерская", говорят, одна из самых почтенных вечерних газет; да я и сам это знаю. Так что теперь я уверен, что проживу, во всяком случае буду стараться.

- А как вам удалось получить эту работу? - спросил Шелтон.

- У меня есть рекомендации, - сказал старик, указывая тощей рукой на сердце, словно именно там он и хранил их. - К счастью, этого никто не может у меня отнять. Я никогда не расстаюсь с ними. - Порывшись в кармане, он вытащил пачку бумажек и поднес к свету сначала одну, потом другую, тревожно поглядывая на Шелтона. - Там, в ночлежке, не очень честный народ: они у меня украли некоторые вещи - прекрасную рубашку и пару замечательных перчаток, которые подарил мне один джентльмен за то, что я подержал ему лошадь. Надо бы на них в суд подать, верно, сэр?

- Все зависит от того, что вы можете доказать.

- Я знаю, что эти вещи у них. Человек должен отстаивать свои права это всякий окажет. Не могу же я расстаться с такими прекрасными вещами. Я думаю, мне следовало бы подать в суд. Как вы считаете, сэр?

Шелтон с трудом подавил улыбку.

- Вот, - сказал старик, разглаживая трясущимися руками одну из бумажек. - Это от сэра Джорджа. - И его сморщенный палец дрожа опустился на середину страницы: - "Джошуа Крид служил у меня в качестве дворецкого пять лет и за это время показал себя примерным во всех отношениях слугой". А вот это... и он стал разворачивать другую бумажку, - это... от леди Гленгоу: "Джошуа Крид..." мне бы хотелось, чтобы вы прочли это, раз вы уж так любезны.

- Не хотите ли выкурить трубочку?

- Благодарю вас, сэр, - ответил старый дворецкий, набивая трубку из кисета, протянутого Шелтоном. Он взял пальцами свой передний зуб и начал тихонько ощупывать его, раскачивая с какой-то печальной гордостью взад и вперед.

- Вот зубы стали выпадать, - сказал он, - но здоровье у меня вполне приличное для человека моего возраста.

- А сколько вам лет? - Семьдесят два! Если не считать кашля, да грыжи, да вот этой беды, - и он провел рукой по лицу, - так мне и жаловаться не на что. Ведь у каждого, должно быть, что-нибудь не в порядке. А я, по-моему, на удивление здоров для своих лет.

Шелтон, несмотря на всю жалость, которую возбуждал в нем старик, много бы дал, чтобы иметь возможность рассмеяться.

- Семьдесят два! - повторил он. - Да, возраст почтенный. Вы, наверно, помните совсем другую Англию, не такую, какой она стала сейчас.

- Ах! - вздохнул старый дворецкий. - Вот тогда было дворянство. Помню, как они ездили в Ньюмаркет (я там родился, сэр) на собственных лошадях. Тогда не было так много этих... как их называют... среднего сословия. Да и больше было в людях доброты. Никаких не было универсальных магазинов, каждый держал свою лавочку, и никто особенно не старался перегрызть соседу горло. И потом, посмотрите, сколько сейчас стоит хлеб! Боже мой! Раза в четыре дешевле, чем прежде!

- А как, по-вашему, люди сейчас стали счастливее? - спросил Шелтон.

Старик дворецкий молча сосал трубку.

- Нет, - сказал он наконец, покачив дряхлой головой. - Никто теперь ничем не доволен. Вот, я вижу, люди ездят в разные места,

читают книжки, много узнают нового, а никто не чувствует себя довольным. Не то, что раньше.

"Так ли это?" - подумал Шелтон.

- Нет, - повторил старик, снова помолчав и выпуская струю дыма. - Не вижу я прежнего довольства, прежней радости на лицах. Даже и похожего ничего нет. А тут еще эти автомобили; говорят, лошадей скоро совсем не останется!

И, словно потрясенный собственным выводом, он погрузился в молчание, лишь время от времени разжигая свою трубку.

Девушка, сидевшая на дальнем конце скамьи, пошевелилась, откашлялась и снова замерла. На Шелтона пахнуло запахом нестиранного белья. Подошел полисмен и принялся рассматривать эти три, столь неподходящие друг к другу, физиономии; во взгляде его было добродушное презрение, пока он не заметил Шелтона, а тогда оно сменилось любопытством.

- И в полиции есть хорошие люди, - сказал старик дворецкий, когда полисмен зашагал дальше. - Да, есть хорошие люди и в полиции, очень хорошие, а есть такие, которые смешивают тебя с грязью, отвратительные, низкие личности. Вот ведь когда они видят, что человеку не повезло, они считают, что могут разговаривать с ним, как хотят. Но я никогда не даю им повода приставать ко мне, я всегда держусь скромно и со всеми на свете разговариваю вежливо. Приходится потакать им: ведь если... ох, если не потрафишь... некоторые ни перед чем не остановятся - как захотят, так с тобой и расправятся.

- Вы что же, думаете всю ночь здесь просидеть?

- Сегодня хорошо, тепло, - ответил старый дворецкий. - Я сказал хозяину той ночлежки: "Никогда не смейте больше говорить со мной, говорю, не смейте даже подходить ко мне близко!" Всю жизнь был прямым и честным: не хочу и разговаривать с этими низкими субъектами, раз они так обошлись со мной забрали у меня все вещи. - И он сделал жест рукой, словно уничтожая своих врагов. - Завтра я найду себе комнату. Могу я найти комнату за три шиллинга в неделю, как вы думаете, сэр? Ну, значит, все в порядке. Теперь я уже больше ничего не боюсь, я спокоен. Лишь бы прокормить себя, больше мне ничего не нужно. Думаю, что с работой я отлично справлюсь. - И он

взглянул в лицо Шелтону, но выражение его глаз и притворно бодрый голос говорили о том, что человек этот живет в вечном страхе.

- Пока я могу прокормить себя, - продолжал старик, - я не пойду в рабочий дом" и не потеряю своего достоинства.

"Нет", - подумал Шелтон.

Некоторое время они сидели молча. Потом Шелтон сказал:

- Заходите ко мне, когда сможете. Вот вам моя карточка.

Старый дворецкий вздрогнул, - он уже успел задремать.

- Благодарю вас, сэр, сочту за честь, - сказал он с жалкой поспешностью. - Близ Белгрэви? Как же, знаю, знаю: я жил в тех местах у джентльмена по фамилии Бэйтсон, вы, может быть, знали его. Он теперь умер высокородный Бэйтсон. Благодарю вас, сэр, я непременно зайду. - И, торопливо сняв потрепанную шляпу, он старательно убрал карточку Шелтона туда же, где хранились рекомендации. А минутой позже он уже снова дремал.

Опять прошел полисмен; взгляд его, казалось, говорил: "И что этот франт делает тут рядом с двумя нищими?" Шелтон поймал этот взгляд.

"Вот именно! - подумал он. - Ты не знаешь, как быть со мной: человек с моим положением и вдруг сидит на этой скамье! Эх, бедняга, бедняга! Надо же - всю жизнь следить за себе подобными! Но ты и не догадываешься, что ты бедняга, а потому нечего тебя и жалеть".

Человек, сидевший на соседней скамье, вдруг чихнул - громко и неодобрительно.

Полисмен снова прошел мимо и, видя, что жалкие соседи Шелтона дремлют, обратился к нему:

- Небезопасно сидеть тут на скамейке, сэр. Никогда не знаешь, кто с тобой рядом. Я бы на вашем месте, сэр, ушел отсюда, если вы, конечно, не собираетесь провести здесь всю ночь, - И он рассмеялся, точно это была остроумная шутка.

Шелтон посмотрел на него и уже хотел было ответить: "А почему бы и нет?", но внезапно понял, как это было бы нелепо. "К тому же, - подумал он, - я только простужусь здесь". И, не сказав ни слова, он встал и пошел домой.

ГЛАВА XXXIII

КОНЕЦ

Была уже полночь, когда Шелтон добрался до своей квартиры; он чувствовал себя таким измученным, что, не зажигая огня, тотчас повалился в кресло. Занавеси и шторы были на лето сняты, и в высокие окна глядела звездная ночь. Шелтон пристально смотрел в темноту, как запутавшийся человек смотрит порой в глаза собрата по несчастью.

Комната не была проветрена, пахло пылью, но до Шелтона вдруг донесся слабый аромат - так иногда поражает обоняние какой-нибудь клочок травы или букет цветов на улице: в петлице у него все еще торчала увядшая ярко-красная гвоздика, и, заметив ее, он сразу очнулся от своего непонятного забытья. Нужно было прийти к какому-то решению. Шелтон встал, чтобы зажечь свечу; на всем, к чему бы он ни прикасался, лежал толстый слой пыли. "Фу, - подумал он, - какое запустение!" И чувство одиночества, охватившее его накануне, когда он сидел на каменной скамье в Холм-Оксе, нахлынуло с прежней силой.

На столе была навалена целая кипа счетов и проспектов. Он стал вскрывать конверты, разрывая их один за другим с небрежной поспешностью человека, долго не бывшего дома. Отдельно лежал большой длинный конверт.

"Дорогой Дик, - прочел он, - прилагаю при сем исправленный проект твоего брачного контракта. Теперь он в полном порядке. Верни мне его до конца недели, и я отдам его переписать. В следующую среду я уезжаю на месяц в Шотландию, но вернусь вовремя, к твоей свадьбе. Передай привет матушке, когда увидишь ее.

Любящий тебя дядя Эдмунд Парамор".

Шелтон усмехнулся и вынул контракт.

"Настоящий документ составлен сего... числа 19... года между Ричардом Парамором Шелтоном..."

Он положил контракт на стол и снова опустился в кресло - в то кресло, где любил сидеть молодой бродяга-иностранец, когда по утрам приходил сюда пофилософствовать.

Шелтон недолго просидел так; чувствуя себя до крайности несчастным, он встал и, взяв свечу, принялся бесцельно бродить по комнате, притрагиваясь то к одной вещи, то к другой; потом остановился перед зеркалом и посмотрел на свое лицо, до того жалкое, что ему самому стало противно. Наконец он вышел в

переднюю и уже открыл дверь? чтобы спуститься на улицу, но вдруг, поняв, что, на улице ли, дома ли, в городе или за городом, его горе будет всегда с ним, снова затворил ее. Он пошарил в почтовом ящике, вынул оттуда письмо и вернулся обратно в гостиную.

Письмо было от Антонии. Шелтон так волновался, что вынужден был сделать три круга по комнате, прежде чем решился его прочесть; сердце у него отчаянно колотилось, он с трудом держал бумагу. Письмо гласило:

"Я поступила неправильно, попросив Вас уехать. Теперь я поняла, что нарушила свое обещание, а я вовсе не хотела этого. Я, право, не знаю, почему все стало совсем иначе. Наши мнения никогда и ни в чем не сходятся.

Пожалуй, я должна сказать Вам, что то письмо, которое мосье Ферран написал маме, было просто дерзким. Вы, конечно, не знали, что в нем, но за завтраком, когда профессор Брэйи спросил Вас о мосье Ферраве, я почувствовала по Вашему ответу, что Вы одобряете его и порицаете нас, - и мне это непонятно. Да и днем, когда эта женщина повредила ногу своей лошади, Вы, как видно, были на ее стороне. Как Вы можете быть таким?

Я обязана сказать Вам все это, так как считаю, что не должна была требовать Вашего отъезда, и хочу, чтобы Вы были уверены, что я сдержу свое обещание - иначе мне будет всегда казаться, что Вы, да и любой другой человек, вправе осуждать меня. Я не спала всю ночь, и сегодня у меня страшно болит голова. Больше писать не могу.

Антония".

В первую минуту Шелтон совсем потерял голову от чувства огромного облегчения, к которому, однако, примешивалась злость. Он помилован! Она не хочет нарушать свое обещание, она считает себя связанной с ним! Он ликовал, но вдруг улыбнулся - в улыбке этой было что-то странное.

Он снова перечитал письмо и, словно судья, стал взвешивать написанное, стараясь угадать, что думала Антония, когда писала, и что заставило ее написать эти строки.

Всему виной было прощальное послание бродяги. Ферран и тут проявил свой роковой дар срывать со всех маски и показал своего покровителя в его истинном свете всем, включая самого Шелтона.

Антония почувствовала, что ее жених - предатель. И даже сейчас, в минуту мучительных колебаний, Шелтон знал, что она права.

"Да и днем, когда эта женщина повредила ногу своей лошади..."
Эта женщина! "Вы, как видно, были на ее стороне!"

Теперь Шелтону стало ясно, как негибок ум Антонии, как чисто интуитивно понимает она, чему не следует сочувствовать, как силен в ней инстинкт самосохранения и с каким бессознательным презрением она относится к тем, кто не обладает этим инстинктом, И она написала эти строки, считая себя связанной с ним) - человеком неуравновешенным, с бунтарскими стремлениями, без твердых устоев! Вот он и нашел ответ на вопрос, который мучил его весь день: "Почему все так произошло?" И ему стало жаль Антонию.

Бедняжка! Она не могла разорвать помолвку - в этом есть что-то вульгарное! Никто и никогда не должен говорить, что Антония Деннант согласилась выйти за него замуж, а потом отказалась выполнить свое обещание. Ни одна девушка из порядочной семьи не может так поступить! Это невозможно! И в глубине души Шелтон смутно пожалел, что это невозможно.

Он снова перечел письмо, которое, казалось, приобрело теперь совсем иное значение, и злость, испытанная им вначале вместе с чувством облегчения, теперь все росла и росла, пока не затмила все остальные чувства. В этом письме было что-то деспотическое, у него отнимали право иметь собственную точку зрения. Словно кто-то показал на него пальцем, как на ненормального человека. Женидьба на Антонии была бы женидьбой не только на ней, но и на всем ее классе - его классе. После свадьбы Антония всегда была бы с ним рядом, заставляла бы его благосклонно смотреть на себя, и на нее, и на всех, кого они знают, и на все их поступки; она была бы с ним рядом и заставляла бы его считать себя неизмеримо выше всех, кто руководствуется иными моральными критериями. Он должен был бы ощущать свое превосходство, не кичась этим, но подсознательно радуясь собственной праведности.

Однако злость, которая была похожа на приступ ярости, заставивший его два дня назад сказать назойливому знатоку искусств: "Будь оно проклято, ваше самодовольство", вдруг показалась Шелтону немощной и смешной. К чему злиться? Ведь он вот-вот потеряет Антонию! И мука, порожденная этой мыслью, во сто крат усилила его

возмущение. Антония так уверена в себе, она ставит себя настолько выше своих чувств, своих естественных побуждений - выше даже своего желания избавиться от него. А в этом ее желании Шелтон больше не сомневался. Это было бесспорно. Она не любит его; она хочет от него избавиться!

В его спальне в Холм-Оксе висела фотография, изображавшая группу у входа в дом: высокородная Шарлотта Пенгвин, миссис Деннант, леди Бонингтон, Хэлидом, мистер Деннант и эстет - все были там; а слева, с краю, глядя прямо перед собой, стояла Антония. Ее юное лицо яснее, чем чье-либо другое, выражало их мысли. В этих спокойных молодых глазах отражался целый мир благополучия и суровых традиций. "Я не такая, как все", - казалось, говорил ее взгляд.

Потом Шелтон вспомнил, как выглядели на этой фотографии мистер и миссис Деннант; он отчетливо представил себе их лица, когда они разговаривают друг с другом, - их растерянное и встревоженное выражение; и он словно слышал их голоса, как всегда исполненные решимости, но немного резкие, точно они ссорятся:

"Он поставил себя в глупейшее положение!"

"Ах, как это ужасно!"

И они тоже считают его ненормальным и хотят отделаться от него, но для того, чтобы спасти положение, были бы рады оставить все по-прежнему. Она не хочет быть его женой, но она не желает поступиться своим правом сказать: "Обыкновенные девушки могут нарушать свои обещания, но я этого не сделаю!" Шелтон сел за стол, где горела свеча, и закрыл лицо руками. Горе его и злость все росли. Если она не хочет освободить себя от своего обещания, то он сам обязан это сделать! Она готова выйти за него замуж без любви, принести себя в жертву идеалу женщины, который сама для себя создала.

Но не у нее одной есть гордость?

И вот, словно она стояла перед ним", он увидел темные круги у нее под глазами, которые он так мечтал целовать, быстрое движение губ. Он просидел несколько минут не шевелясь. Потом в нем с новой силой вспыхнула злость. Она намерена пожертвовать собой... и им! Все его мужское достоинство возмутилось при мысли о столь бессмысленной жертве. Не это ему было нужно!

Шелтон подошел к письменному столу, взял лист бумаги и конверт и написал:

"Нас никогда ничто не связывало, не связывает и не может связывать. Я не желаю злоупотреблять правом, которое дало мне Ваше обещание. Вы совершенно свободны. Нашу помолвку можно считать расторгнутой по обоюдному согласию.

Ричард Шелтон".

Он запечатал письмо и продолжал сидеть, бессильно уронив руки; голова его клонилась все ниже и ниже, пока не опустилась на лежавший на столе брачный контракт. И он почувствовал огромное облегчение, как человек, без сил падающий на землю после долгого, утомительного пути.

1904 г.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)